

**VIII СТРАХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРАХОВ
И ЕГО СОБЕСЕДНИКИ
В МИРЕ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК
(к 190-летию со дня рождения Н.Н. Страхова)**

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

Белгород, 21-23 ноября 2018 г.

2018

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный

исследовательский университет»

Институт общественных наук и массовых коммуникаций

Социально-теологический факультет имени митрополита Московского

и Коломенского Макария (Булгакова)

Научная библиотека имени Н.Н. Стрхова

(библиотека-музей Н.Н. Стрхова)

МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные

биографические исследования»

Междисциплинарный сетевой научный журнал

«Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»

**VIII СТРАХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРАХОВ И ЕГО СОБЕСЕДНИКИ
В МИРЕ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК
(к 190-летию со дня рождения Н.Н. Стрхова)**

Сборник научных трудов

Всероссийской научно-практической конференции

(с международным участием)

Белгород, 21–23 ноября 2018 г.

Белгород 2018

УДК 13(470.325)
ББК 87.3(2...)522-608
В 78

Редакционная коллегия:

ответственный редактор: *П.А. Ольхов*,
члены редколлегии: *С.Н. Борисов, Е.Н. Мотовникова,*
А.Г. Масалов, О.А. Васильева

В 78   VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек (к 190-летию со дня рождения Н.Н. Страхова) : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Белгород, 21–23 нояб. 2018 г. / НИУ «БелГУ», Ин-т обществ. наук и массовых коммуникаций, Науч. б-ка им. Н.Н. Страхова [и др.] ; отв. ред. П.А. Ольхов. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 220 с.

ISBN 978-5-9571-2653-9

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек», посвященной 190-летию со дня рождения мыслителя.

Исследование трудов Н.Н. Страхова, уточнение его места в отечественной интеллектуальной истории и современной познавательной культуре разносторонне представлено в докладах участников конференции. Впервые в истории страховских чтений его участники исследуют историю книг мыслителя (прижизненных изданий), анализируют современные практики и перспективы библиотечной и музейной работы применительно к наследию Н.Н. Страхова и его белгородских земляков.

Материалы сборника публикуются впервые и адресованы научным работникам, преподавателям, аспирантам, специалистам в области библиотечного дела и краеведам, а также всем, кто интересуется современной философией, историей и культурой Белгородчины.

УДК 13(470.325)
ББК 87.3(2...)522-608

ISBN 978-5-9571-2653-9

© НИУ «БелГУ», 2018

Н.Н. Страхов. 1850-е годы

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Монастырева В.А.</i> Библиотека-музей Н.Н. Страхова как культурный и научный центр: от замысла к реализации	6
<i>Даренский В.Ю.</i> Философская проблематика писем Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому	13
<i>Масалов А.Г.</i> Холистические установки философии науки Н.Н. Страхова: антропологический аспект	22
<i>Маслобоева О.Д.</i> Органическая теория в творчестве Н.Н. Страхова	30
<i>Могилевич И.М., Денисова И.М.</i> К биографии Н.Н. Страхова – студента Главного педагогического института и преподавателя Второй Санкт-Петербургской Гимназии	41
<i>Салманова И.Ф.</i> Переписка как форма философствования: от переписки Н.В. Станкевича к переписке Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова	73
<i>Сорокина Д.Д.</i> Н.Н. Страхов в 1840–1850-е гг.: формирование литературно-критических взглядов	84
<i>Старыгина Н.Н.</i> Ф.И. Тютчев и Н.Н. Страхов (к вопросу о философско-религиозном контексте русской культуры и преемственности христианской духовной традиции)	90
<i>Тоичкина А.В.</i> Переводы сочинений немецких философов Н.Н. Страхова в контексте его философских идей	99

AD MEMORIAM. НАСЛЕДИЕ Н.Н. СТРАХОВА И КОНЦЕПТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

<i>Заец И.Н.</i> Литературная критика: Страхов, Соловьев	111
<i>Мирошниченко Е.А.</i> «Толки о Л.Н. Толстом». К истории одной публикации	118
<i>Назаренко А.А.</i> Критика социализма у Н.Н. Страхова и С.Н. Булгакова: общее и особенное	123
<i>Новак Н.И.</i> Проблема творчества в философии Н.Н. Страхова	129
<i>Старостина В.С.</i> Философия духовной и идеологической войны в наследии Н.Н. Страхова	133
<i>Страхова И.И., Зайцева Е.Б.</i> Оптиная пустынь и русская интеллигенция: на примере посещения монастыря Н.Н. Страховым в 1877 году	137
<i>Шило Е.И.</i> Начальный этап формирования естественно-научных взглядов Н.Н. Страхова	142

**ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВ. ХРАНЕНИЕ
И ДОСТУП К АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ,
МУЗЕЙНЫМ И РЕДКИМ КОЛЛЕКЦИЯМ;
ОРГАНИЗАЦИЯ УДАЛЕННОГО
ДОСТУПА К БИБЛИОТЕЧНЫМ РЕСУРСАМ**

<i>Володченко Н.В.</i> Работа школьных библиотек по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия в регионе	151
<i>Данилова А.В.</i> Библиотека-музей Курского государственного медицинского университета: опыт создания и перспективы развития	157
<i>Догадина Т.М.</i> Предметная память об ушедших временах и людях	160
<i>Касищева Н.А.</i> С именем великого инженера: к 165-летию Владимира Григорьевича Шухова	169
<i>Осадчая М.Н., Стецюк Л.В.</i> Вузовская библиотека как коммуникативный «посредник» в образовательном пространстве (из опыта работы библиотеки СОФ НИУ «БелГУ»)	174
<i>Подкопаева И.В.</i> Прижизненные издания Н.Н. Страхова (1828–1896) в отделе редких книг Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета	182
<i>Титова Н.А.</i> Открывая неизвестные страницы. Исследовательская и организационно-просветительская деятельность Тавровской поселенческой библиотеки имени Ю.Н. Говорухо-Отрока	186
<i>Черная Н.Ю.</i> Электронная коллекция «Архив эпохи» как инструмент сохранения, продвижения и популяризации интеллектуального наследия Н.Н. Страхова	188

**ГУМАНИТАРНОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ: ОПЫТ РАБОТЫ
С ПЕРСОНАЛЬНЫМИ ФОНДАМИ, ИНТЕРАКТИВНЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

<i>Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А.</i> Персоналии Белгородского учительского института в фонде музея истории НИУ «БелГУ»: реконструкция и экспонирование	193
<i>Коровина О.В.</i> Белгородский круг собеседников Н.Н. Страхова в научно-исследовательской деятельности Пушкинской библиотеки-музея	199
<i>Леденева Ж.А.</i> Музей книги Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета – центр учебно-воспитательной и научной работы региона	204
<i>Масалов А.Г.</i> Реконструкция домашней библиотеки Н.Н. Страхова: научно-исследовательский, просветительский, библиографический контексты	208
<i>Сафонова Т.Е., Цыгулева О.М.</i> Персональные фонды выдающихся земляков – основа музейной деятельности	214
Сведения об авторах	218

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 026:069

Монастырева В.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ Н.Н. СТРАХОВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЦЕНТР: ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье обозначены этапы создания библиотеки-музея Н.Н. Стрхова. Определены основные направления деятельности библиотеки-музея как культурно-просветительского и научного центра.

Ключевые слова: библиотека-музей, Н.Н. Стрхов, редкие издания, культурный и научный центр.

V.A. Monastyryova

*Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

N. STRAKHOV LIBRARY AND MUSEUM AS A CULTURAL AND SCIENTIFIC CENTRE: FROM THE IDEA TO REALITY

Abstract. The article describes the stages of establishing N. Strakhov Library and Museum and major activity areas of the Library and Museum as a cultural, educational and scientific centre.

Key words: library and museum, N. Strakhov, rare books, cultural and scientific centre.

Музейному и библиотечному сообществу принадлежит особая роль в формировании интеллектуального пространства общества, так как именно в них сосредоточен самый большой пласт духовных ценностей всех поколений.

Отношения музеев и библиотек, двух родственных институтов культурного наследия, исторически развиваются в тесной взаимосвязи друг с другом. Сбор, обработка, хранение и предоставление пользователям – функции, сближающие библиотеки с музеями и архивами.

На рубеже XX-XXI веков наметилась тенденция пересечения некоторых функций этих учреждений. В российских библиотеках начали создаваться различные музеи (мемориальные, краеведческие, тематические). Использование элементов музейной деятельности позволило библиотекам сформировать новый творческий стиль, создать привлекательный библиотечный имидж, повысить ценность и востребованность фондов библиотек, социальный статус в целом.

Интеграционные процессы библиотек и музеев отразились и на деятельности Научной библиотеки НИУ «БелГУ». Наглядный результат – создание библиотеки-музея Н.Н. Страхова.

Для Научной библиотеки НИУ «БелГУ» создание библиотеки-музея Н.Н. Страхова является инновационным направлением работы. В библиотеках вузов это направление деятельности еще недостаточно разработано. Создание мемориальных библиотек-музеев – прерогатива в основном публичных библиотек.

Открытие библиотеки-музея в составе университетской библиотеки объясняется во многом неформальным творческим подходом ученых и библиотечных специалистов НИУ «БелГУ». Личная инициатива доктора философских наук, профессора кафедры философии и теологии П.А. Ольхова, поддержка руководства университета и коллектива библиотеки позволили создать библиотеку-музей крупнейшего мыслителя XIX века, уроженца города Белгорода Николая Николаевича Страхова.

Единственная в России библиотека-музей Н.Н. Страхова располагается в здании социально-теологического факультета имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) – архитектурном и историческом памятнике XIX века.

Созданию библиотеки-музея Н.Н. Страхова в университете способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, Н.Н. Страхов – выдающийся белгородец, известный русский философ, литературный критик, публицист, переводчик, библиотечный работник. Он в полной мере заслужил имя русского мыслителя и своим вкладом в развитие русской самостоятельной мысли, и просто примером мыслящего русского человека. Страхов опубликовал более 300 работ, касающихся вопросов литературы, естествознания, философии. Задача комплектования, сохранения, изучения и предоставления пользователям интеллектуального наследия Н.Н. Страхова была возложена на библиотеку.

Во-вторых, – наличие научной базы, историко-биографических исследований жизни, деятельности и научного наследия мыслителя. Основой создания библиотеки-музея послужили копии документальных материалов из фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, труды ученых и преподавателей из библиотечного фонда и музея истории НИУ «БелГУ».

Имеющееся в университете историческое здание XIX века позволило решить вопрос размещения библиотеки-музея.

Задача библиотеки-музея – показать этапы становления и развития личности мыслителя, дать комплексное представление о его философской, литературной, публицистической деятельности, сформировать для посетителей экспозиционную среду, где представить музейные предметы и книжные коллекции Н.Н. Страхова и его литературного окружения. С созданием библиотеки-музея в составе Научной библиотеки университета у сотрудников библиотеки появилась возможность более активно включиться в

работу по возобновлению, сохранению и популяризации интеллектуального и духовно-нравственного наследия Н.Н. Страхова.

Научная библиотека университета совместно с исследователями НИУ «БелГУ» на протяжении 10 лет занимается изучением интеллектуального наследия Н.Н. Страхова. За это время проделана огромная работа по формированию документного фонда библиотеки-музея, электронного архива трудов Н.Н. Страхова и литературы о нем, выпуску библиографического указателя, сбору информации о домашней библиотеке мыслителя.

Проследим этапы создания библиотеки-музея Н.Н. Страхова:

2008 год – обсуждение учеными и библиотечными специалистами вопроса создания при Научной библиотеке университета библиотеки-музея Н.Н. Страхова.

2009 год – открытие 25 декабря в цокольном помещении социально-теологического факультета НИУ «БелГУ» библиотеки-музея Н.Н. Страхова. Подготовка заявки на грант Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства «Архив эпохи: создание электронной коллекции библиотеки-музея Н.Н. Страхова».

2010 год – присуждение гранта Президента РФ на создание электронной коллекции библиотеки-музея Н.Н. Страхова «Архив эпохи» (распоряжение Президента РФ от 26 марта 2010 г.). При финансовой поддержке гранта фонд библиотеки-музея пополнился прижизненными изданиями Н.Н. Страхова: «Мир как целое» (1892), «Философские очерки» (1895), «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» (1895). Расширился предметный ряд музея – приобретены бюст Н.Н. Страхова и полуфигуры писателей его литературного окружения (скульптор – член Союза художников России Д.Ф. Горин).

2011 год – присвоение Научной библиотеке НИУ «БелГУ» имени Николая Николаевича Страхова по итогам выполнения гранта Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства (решение ученого совета НИУ «БелГУ» от 2 февраля 2011 г.); создание web-страницы библиотеки-музея и размещение электронного ресурса «Архив эпохи» на сайте Научной библиотеки университета; издание библиографического указателя «Н.Н. Страхов: философ, литературный критик, переводчик», представляющего собой наиболее полный перечень документов в России, относящихся к жизни и деятельности мыслителя и насчитывающий около 800 источников.

2012 год – предоставление библиотеке-музею нового помещения на первом этаже социально-теологического факультета НИУ «БелГУ»; создание литературно-философского клуба «По средам у Страхова»; пополнение фонда библиотеки дарами от частных лиц, репринтными изданиями трудов Н.Н. Страхова; проведение VII Страховских чтений – круглого стола «Н.Н. Страхов в большом времени русской культуры: предшественники, собеседники, преемники» (в Страховских чтениях приняли участие ученые

вузов города Белгорода, краеведы, библиотекари, исследователь творчества Н.Н. Страхова в Китайской Народной Республике доктор филологических наук, профессор Сучжоуского университета Чжу Цзянган); проведение дискуссионного семинара «Русская культура – часть мировой?» с участием доктора философии, профессора философского факультета Папского университета Иоанна Павла II Терезы Оболевич (Польша, г. Краков). В фонд библиотеки-музея Т. Оболевич передала книгу ученых Папского университета Иоанна Павла II; положено начало сотрудничеству с Русским философским обществом имени Н.Н. Страхова в г. Санкт-Петербурге.

2013 год – проведение круглого стола «Н.Н. Страхов: время читать, восхищаться и спорить», посвященного 185-летию со дня рождения мыслителя; организация книжных экспозиций и библиографических обзоров: «Страхов и современная общественная мысль», «Русская философия: истоки и современность», «Н.Н. Страхов и русская философия XXI столетия», «Ревнитель русского просвещения Н.Н. Страхов», «Философ, критик, публицист», «Николай Страхов: время читать».

2014 год – размещение электронной коллекции «Архив эпохи» в электронном архиве открытого доступа НИУ «БелГУ»; пополнение фонда библиотеки-музея репринтными изданиями XIX века.

2015 год – реконструкция каталога личной библиотеки Н.Н. Страхова на основе электронной копии инвентарной книги (1876 г.) Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (принято решение привлечь к работе над иностранной частью инвентарной книгой сотрудников со знанием иностранных языков); проведение заседания Международного академического совета библиотеки-музея Н.Н. Страхова с участием доктора филологических наук, профессора Сучжоуского университета (Китайская Народная Республика) Чжу Цзянганом.

2016 – выпуск второго, дополненного, издания библиографического указателя «Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик» (свыше 900 источников); поступление в фонд библиотеки-музея трудов Н.Н. Страхова: «Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки» (1887–1890), «Сочинения Аполлона Григорьева», том 1 (1876); начало реконструкции библиотеки-музея Н.Н. Страхова; размещение на здании социально-теологического факультета мемориальной доски, посвященной Н.Н. Страхову (скульптор – заслуженный художник РФ А.А. Шишков).

2017 год – реконструкция библиотеки-музея Н.Н. Страхова с воссозданием фрагмента последней петербургской квартиры философа (в экспозиции представлены около 500 документов, в числе которых редкие книги из личной библиотеки ученого, репринтные копии его трудов, переводы, письма, ордена, а также стилизованная под старину мебель и предметы быта, воспроизводящие атмосферу XIX века).

29 июня 2017 г. – открытие квартиры-музея Н.Н. Страхова (в торжественной церемонии приняли участие губернатор Белгородской

области Е.С. Савченко, начальник управления культуры Белгородской области С.И. Курганский, ректор НИУ «БелГУ» О.Н. Полухин, директора учреждений культуры, музеев, библиотек области); опубликован web-ресурс библиотеки-музея Н.Н. Страхова в сети Интернет, состоящий из разделов: «История библиотеки-музея», «Биография Н.Н. Страхова», «Коллекция «Архив эпохи», «Научные конференции».

2018 год – проведение Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек», посвященной 190-летию со дня рождения Н.Н. Страхова; поступление в фонд библиотеки-музея трудов Н.Н. Страхова: «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1897), И. Тэн «Об уме и познании» (1894).

Создание библиотеки-музея существенно расширило спектр деятельности Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова. К традиционным формам библиотечной работы прибавились музейные и архивные формы: организация экспозиций, сбор мемориальных коллекций и архивных документов, исследовательская и издательская деятельность.

Открытие библиотеки-музея в составе университетской библиотеки привнесло и особую эмоциональную, культурную и духовную атмосферу, подчеркнуло уникальность данной библиотеки, данного места.

Формы работы библиотеки-музея разнообразны: заседания литературно-философского клуба «По средам у Страхова; встречи с писателями, учеными, деятелями культуры; круглые столы, тематические беседы, литературные вечера, презентации книг, тематические экспозиции. В мероприятиях принимают активное участие преподаватели и обучающиеся университета, краеведы, библиотечные и музейные работники.

Постоянно оформляются книжно-иллюстративные экспозиции трудов Страхова и его современников. К 190-летию мыслителя в библиотеке-музее оформлена выставка «Стать с веком наравне». На выставке представлены книги, предметы быта XIX века, архивные материалы, фотографии памятных мест Н.Н. Страхова, работы сотрудника библиотеки О.А. Анохиной, выполненные в стиле «силуэт» и посвященные эпохе XIX века.

В фонде библиотеки-музея насчитывается восемь прижизненных изданий трудов Н.Н. Страхова.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что библиотека-музей – это культурно-просветительский центр, в основе деятельности которого лежит книга – бесценный экспонат. «Книга, как воплощение чувства, мысли и знания, занимает высшее место среди памятников прошедшего», – писал философ, библиотекарь, родоначальник русского космизма Н.Ф. Федоров.

Документный фонд библиотеки-музея активно используется в образовательном и научно-исследовательском процессе университета.

На базе библиотеки-музея проводятся методологические семинары, студенты и аспиранты привлекаются к научным исследованиям.

НИУ «БелГУ» является инициатором регулярного проведения научных конференций, посвященных творчеству Н.Н. Страхова. Ученые университета

на протяжении двадцати лет активно занимаются исследовательскими работами в области изучения наследия Н.Н. Стрхова. Подтверждением этому служит ряд опубликованных научных работ профессорско-преподавательского состава: Е.А. Антонова, С.Н. Борисова, О.С. Борисовой, Н.З. Бросовой, С.П. Гриневой, А.И. Еремкина, М.С. Жирова, О.Я. Жировой, С.М. Климовой, И.И. Кулаковой, Н.Н. Мальцевой, Е.Н. Мотовниковой, В.Н. Мусолова, П.А. Ольхова, В.Е. Пенькова и др.

Ученые социально-теологического, историко-филологического факультетов в сотрудничестве с библиотекой НИУ «БелГУ» выступили организаторами и активными участниками восьми Стрховских чтений и двух научных конференций, посвященных Н.Н. Стрхову.

Собраны фотокопии архивных документов из личного дела ученого: аттестат 2-й Санкт-Петербургской гимназии, прошение о поступлении на службу в Императорскую публичную библиотеку, «выпись» из метрической книги Санкт-Петербургского Николо-Богоявленского морского собора и др.

Выпущены два издания библиографического указателя «Николай Николаевич Стрхов: философ, литературный критик, переводчик» при непосредственном участии ученых университета – П.А. Ольхова, Е.Н. Мотовниковой, Е.А. Антонова. Подготовлено третье издание библиографического указателя.

Первую попытку составить библиографический указатель, посвященный Н.Н. Стрхову, предпринял Я.Н. Колубовский в исследовании «Материалы для истории философии в России. 1855-1888». Он включил описание 88 работ Н.Н. Стрхова и 40 документов о нем. Дополнением этого списка можно считать библиографический указатель «История русской литературы XIX века» под редакцией К.Д. Муратовой (М., 1962), который содержал перечень опубликованных писем Н.Н. Стрхова и 18 новых названий литературы о нем.

В 1966 г. появилась библиография его печатных трудов, подготовленная А.Л. Будиловской и Б.Ф. Егоровым. В ней отражено в три с половиной раза больше документов, чем у Я.Н. Колубовского.

В 1998-2002 гг. Белгородской государственной универсальной научной библиотекой и профессором Белгородского государственного университета Е.А. Антоновым был подготовлен биобиблиографический указатель «Н.Н. Стрхов», ставший первым опытом подробной библиографии (520 библиографических записей).

В 2011 г. Научной библиотекой имени Н.Н. Стрхова Белгородского государственного национального исследовательского университета в сотрудничестве с профессором Е.А. Антоновым был подготовлен библиографический указатель «Николай Николаевич Стрхов: философ, литературный критик, переводчик». Второе издание указателя, вышедшее в 2016 году, дополнили более двухсот библиографических записей. При его составлении были использованы фонды и каталоги Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского

государственного университета, Белгородской государственной универсальной научной библиотеки, Харьковской областной библиотеки им. В.Г. Короленко, библиотеки Конгресса США, ряда европейских стран (Karlsruher Virtueller Katalog), электронной библиотеки М. Мошкова и других электронных библиотек.

В 2017 г. при поддержке Правительства Белгородской области в издательстве «Медиарост» выпущена книжная серия «Библиотека белгородской семьи. Знаменитые земляки». Среди них книга «Н.Н. Страхов» под редакцией заведующего отделом редких книг (библиотекой-музеем) Научной библиотеки им. Н.Н. Стрхова, кандидата философских наук А.Г. Масалова.

Ежегодно идет формирование электронной коллекции «Архив эпохи». В настоящее время она насчитывает 334 полнотекстовых источника.

В библиотеке-музее ведется работа по организации картотеки личной библиотеки Н.Н. Стрхова.

Установлено сотрудничество с национальными библиотеками России (РГБ, РНБ), библиотеками Института мировой литературы (ИМЛИ РАН), Института философии (ИФ РАН), научными библиотеками Санкт-Петербургского государственного университета, Университета г. Брно (Чехия), Сучжоуского университета (Китай). В результате творческих контактов библиотеке-музею переданы ксерокопии уникальных изданий: магистерской диссертации Н.Н. Стрхова «О костях запястья млекопитающих» (1857), книги «О вечных истинах (мой спор о спиритизме)» (1887), некролога (1896); цифровые копии рукописей Н.Н. Стрхова: предисловие к работе «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886), предисловие к «Заметкам о Пушкине и других поэтах» (1888), письма Н.С. Лескова (1865), А.Ф. Писемского (1869), В.В. Стасова (1894) Н.Н. Стрхову и др.

Библиотеку-музей, с одной стороны, мы можем рассматривать как место, где сконцентрированы издания, архивные и фотоматериалы, связанные с жизнью и творчеством мыслителя, а с другой – как творческую, динамично развивающуюся научно-образовательную площадку для проведения исследовательских работ, конференций, семинаров, занятий с обучающимися.

Безусловно, библиотека-музей не сможет самостоятельно вести работу по сбору, изучению, популяризации интеллектуального наследия Н.Н. Стрхова. Эта работа возможна только совместными усилиями библиотеки и ученых университета, культурных деятелей, друзей библиотеки.

Список литературы

1. Социально-культурное партнерство: вуз – музей – библиотека в условиях инновационного развития [Текст] : коллектив. моногр. / под ред. Т.И. Баклановой. – Москва : УЦ Перспектива, 2016. – 308 с.

2. Бакланова, Т.Н. Основные направления развития социально-культурного партнерства вуза и музеев по подготовке студентов к сохранению и развитию традиционной народной культуры в современных социокультурных условиях [Электронный ресурс] / Т.Н. Бакланова, Э.И. Медведь, О.И. Киселева // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25478.pdf>.

3. Блаженкова, Ю.П. Библиотека как ресурс развития музея [Текст] / Ю.П. Блаженкова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 2 (6). – С. 51-54.

4. Умеркаева, С.Ш. Музей и вуз: актуальные проблемы социокультурного взаимодействия [Текст] / С.Ш. Умеркаева // Интерактивная наука. – 2017. – № 6 (16). – С. 35-37.

5. Кожевников, В.А. Опыт изложения учения Н.Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам / В.А. Кожевников ; сост., общ. ред., вступит. ст. и прим. Д.А. и А.Д. Кожевниковых. – Москва, 2004. – С. 38.

Reference

1. Social'no-kul'turnoe partnerstvo: vuz – muzej – biblioteka v usloviyah innovacionnogo razvitiya [Tekst] : kollektiv. monogr. / pod red. T.I. Baklanovoj. – Moskva : UC Perspektiva, 2016. – 308 s.

2. Baklanova, T.N. Osnovnye napravleniya razvitiya social'no-kul'turnogo partnerstva vuza i muzeev po podgotovke studentov k sohraneniyu i razvitiyu tradicionnoj narodnoj kul'tury v sovremennyh sociokul'turnyh usloviyah [EHlektronnyj resurs] / T.N. Baklanova, E.H.I. Medved', O.I. Kiseleva // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 6. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25478.pdf>.

3. Blazhenkova, YU.P. Biblioteka kak resurs razvitiya muzeya [Tekst] / YU.P. Blazhenkova // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2009. – № 2 (6). – S. 51-54.

4. Umerkaeva, S.SH. Muzej i vuz: aktual'nye problemy sociokul'turnogo vzaimodejstviya [Tekst] / S.SH. Umerkaeva // Interaktivnaya nauka. – 2017. – № 6 (16). – S. 35-37.

5. Kozhevnikov, V.A. Opyt izlozheniya ucheniya N.F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedeniyam, perepiske i lichnym besedam / V.A. Kozhevnikov ; sost., obshch. red., vstupit. st. i prim. D.A. i A.D. Kozhevnikovyh. – Moskva, 2004. – S. 38.

УДК 1(091)

Даренский В.Ю.

*Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПИСЕМ Н.Н. СТРАХОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ

Аннотация. Статья посвящена анализу философской проблематики писем Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому, которая не рассматривалась исследователями до настоящего времени. Выделены элементы экзистенциальной исповеди, которые показывают внутренние истоки философских идей Н.Н. Страхова. Показано понимание и

духовного прогресса как преобразования личности. Акцентируется наличие у Н.Н. Стрехова прямой критики «толстовства» как идеологии.

Ключевые слова: русская философия XIX в., Н. Н. Стрехов, Л. Н. Толстой, экзистенция, преобразование.

Darenskiy Vitaliy J.
Lugansk national university named after T. Shevchenko
Lugansk, LPR

PHILOSOPHICAL PROBLEMS IN N.N. STRAKHOV'S LETTERS TO L.N. TOLSTOY

Abstract. The article is devoted to the analysis of philosophical problems of letters N. N. Strakhova to L. N. Tolstoy, which has not been considered by researchers until now. Selected elements of the existential confession that show internal sources of philosophical ideas of N. N. Insurance. Understanding and spiritual progress as transformation of the personality is shown. Accented by the presence of N. N. Insurance direct criticism of the "Tolstoyan" as an ideology.

Key words: russian philosophy of XIX century, N.N. Strakhov, L.N. Tolstoy, existence, transformation.

Вы предназначены к *чисто* философской деятельности.
Я говорю *чисто* в смысле отрешенности от современности;
но не говорю чисто в смысле отрешения от поэтического,
религиозного объяснения вещей. Ибо философия чисто
умственная есть уродливое западное произведение;
а ни греки – Платон, ни Шопенгауэр,
ни русские мыслители не понимали ее так.
Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Стрехову, 13 сентября 1971 г.

Переписка Н.Н. Стрехова и Л.Н. Толстого является не только важным биографическим документом, но содержит в себе фрагменты, имеющие ценное философское содержание. Следует отметить, что часто переписка мыслителей (эпистолярный жанр) является одной из важных форм философствования. Его особенностями является не только более непринужденный стиль, не связанный требованиями академизма, но и особая *проективность мысли* – ведь в письмах идеи формулируются в момент своего зарождения, еще до того, как они станут готовыми для систематического изложения. В момент зарождения хорошо виден жизненный и диалогический контекст философских идей.

Переписка Н.Н. Стрехова и Л.Н. Толстого, впервые изданная в 1914 году Музеем Толстого [5], традиционно рассматривается как ценный источник по истории их взаимоотношений, «внутренней биографии» Л.Н. Толстого и истории этого периода русской литературы в целом. Поэтому недавно в Канаде было осуществлено и новейшее полное издание их переписки [8]. Ее философское содержание также стало предметом специального исследования в статье В.В. Тихомирова [7], в серии статей С.М. Климовой [2; 3; 4] и статье

И. Паперно [9]. Первый из этих авторов акцентировал внимание на эстетической проблематике переписки (тема религиозного искусства), но вместе с тем кратко очертил и общие мировоззренческие позиции Н.Н. Страхова. Так, С.М. Климова показала «диалогическое движение Толстого и Страхова к “экзистенциализму” через взаимную исповедальность» [4, с. 61]; а из конкретной проблематики отметила тот факт, что «Страхов опровергает тезис бесконечного прогресса/развития, позволяющий человеку уходить от ответственности за свою жизнь на пути постоянного нигилистического изменения» [4, с. 56]. И. Паперно рассмотрела тему религиозного обоснования философии в их переписке.

В свою очередь, издатель переписки и ее исследователь А.А. Донсков дал ей следующую характеристику: «Особенно большое значение имеет переписка Страхова со Львом Толстым вследствие обилия писем и глубины высказанных в них мыслей... Эти письма характеризуют Страхова как глубокого, тонкого мыслителя и историка-философа» [1, с. 78]. Особенно важно и то, что «Страхов был одним из немногих, кто был способен преклоняться перед гением Толстого и одновременно побуждать его к достижению ещё большего совершенства в своем искусстве, вступать с ним в дискуссии о самых разнообразных предметах, не теряя при этом независимости позиции» [1, с. 131].

В данной статье это исследование будет продолжено; при этом особым предметом рефлексии здесь будет поиск того, что Н.Н. Страхов определял как главную особенность русской философии и ее перспективное будущее.

В переписке 1880-х годов наиболее важные идеи Н.Н. Страхова касались историософских проблем, в первую очередь, ложности «революционных» теорий, проникавших в Россию с Запада. Их источник он ясно усматривал в человеческом эгоизме и антихристианском миропонимании людей. Так, 21 апреля 1882 г. он писал: «Христианские желания всегда можно исполнить, ибо в них дело идет о перемене в нас самих; желания эгоиста неисполнимы, ибо требуют перемены целого мира <...> для мира невозможной <...> От христиан нельзя ждать никакого насилия и разрушения; эгоисты против суда ставят суд, против казни – убийство <...> против власти – измену, бунт, разрушение. <...> Характер эгоизма в высшей степени ясен у всех отрицателей» [2, с. 295]. «Мечты человеколюбия, обновления, благополучия не имеют правильного источника, правильной цели и потому приведут к убийству, хаосу и страданию»; поэтому этот «новый мир» неизбежно «сам себя убьет и только этим убедится в ложности этих начал» [2, с. 296]. В письме от 18 марта 1884 г. Н.Н. Страхов говорит о богоборческом духе современной цивилизации как таковой, и именно этот дух и становится источником «революционных» идей: «Настроение современных людей имеет в себе что-то прометеевское. Они хотят распорядиться природою, они мечтают, как алхимики, продлить процесс, переделать по-своему животных и растения <...> овладеть болезнями и т. п. Они уже видят успехи своих трудов, они веселы и смелы, и будущее радугой играет перед ними» [2, с. 312].

Здесь важно обратить внимание на ключевой тезис: «Христианские желания всегда можно исполнить, ибо в них дело идет о перемене в нас самих; желания эгоиста неисполнимы, ибо требуют перемены целого мира... для мира невозможной». Н.Н. Страхов говорит о том, что всякие попытки изменения мира суть уклонения от главной задачи человека – внутреннего преобразования в перспективе вечной жизни. Именно это уклонение порождает эгоизм и весь демонический строй души, находящий затем выражение в «революционном» сознании. И разрушительные последствия этого сознания есть благо в том смысле, что могут заставить человека одуматься и вернуться к своей главной бытийной задаче и своему конечному предназначению – спасению души. Тем самым, эгоизму у Н.Н. Страхова противостоит *философия преобразования*.

В письме от 31 марта 1882 года Н.Н. Страхов сделал историософские обобщения: «Начиная с Реформации и раньше и до последнего времени все, что люди делают <...> – постепенное разрушение некоторых положительных форм, сложившихся в Средние века. Четыре столетия идет это расшатывание и должно кончиться полным падением. В эти четыре века положительного ничего не явилось, да и теперь нет нигде в целой Европе. <...> Общество держится старыми элементами, остатками веры, патриотизма, нравственности, мало-помалу теряющими свои основания. Но так как эти начала были воспитаны христианством до неслыханной силы, то человечество неизгладимо носит их в себе, и их еще долго хватит для его поддержания. <...> Нынешняя жизнь носит противоречие внутри себя. Она возможна только потому, что человек вообще может жить, не имея внутреннего согласия» [2, с. 292]. Здесь Н.Н. Страхов уже формулирует принципиальный тезис, который затем будет развит в философии традиционализма XX века: современное общество еще жизнеспособно вовсе не потому, что оно «прогрессирует», а как раз наоборот – потому, что оно еще не до конца разрушило нравственный базис, созданный великими предками.

Другой важный аспект переписки этого периода касается эстетической проблематики. В письме от 6 февраля 1882 г. по поводу нравоучительных рассказов и сказок Л.Н. Толстого Н.Н. Страхов отмечал в них «картину без живописи, сказку без сказочного содержания», «что-то деланное, ненатуральное, умышленно сплоченное и принимающее на себя маску жизни». 26 октября 1885 года он писал Л.Н. Толстому: «Вы – такой удивительный художник, не имеете права так писать <...> Голое нравоучение в рассказе потому нехорошо, что оно уничтожает интерес рассказа <...> самый лучший рассказ делает фальшивым <...> отнимает у него естественность» [2, с. 326]. Но уже за несколько лет до этого Н.Н. Страхов весьма смело и нелюбезно писал Л.Н. Толстому в защиту «чистого искусства»: «Буду защищать искусство и науку изо всех сил против Вас, Соловьева и Николая Федоровича [Федорова]» [2, с. 290].

В «поздних» письмах Н.Н. Страхова Л. Н. Толстому 1890-х годов острее проявляется глубинная экзистенциальная проблематика. Например, в письме от 27 марта 1895 г. Н.Н. Страхов писал свое впечатление от

отношений Л.Н. Толстого с его женой Софьей Андреевной, в которых он усматривал отблеск евангельского идеала: «между людьми, связь теснее, чем между детьми и отцом и матерью, слияние двух человек в одного, как о том говорится в Евангелии» [8, с. 95]. И здесь же Н.Н. Страхов восклицает: «О, дай Боже, чтобы мы чаще жили нашими лучшими чувствами! Не то горе, что мы не обладаем всеми добрыми душевными силами, а то, что и то, что есть у нас доброго, вечно гложет, вечно застилается всякою мелочью и нашим душевным злом. Так я чувствую себя и так я вижу, что нужно бороться с собою» [8, с. 96]. И эта «борьба с собою» и «жизнь нашими лучшими чувствами» – есть практическая этика преображения.

В письме от 2 мая 1895 г. Н.Н. Страхов признается в своих самых глубоких переживаниях: «нужно обратиться к Богу... мне становится страшно от этой мысли; я чувствую себя таким ничтожным, слабым, порочным, я начинаю ставить для обращения к Богу такие высокие требования, желать в себе такой глубокой перемены, что теряю всякую решимость, не могу приступить к делу» [8, с. 99]. Это признание очень важно для понимания специфики философских поисков Н.Н. Страхова. Такое глубокое ощущение экзистенциальной слабости, укорененной в греховной природе человека, Н.Н. Страхов переживал постоянно, вникая в суть характера и других людей. В письме от 27 мая 1894 г. он признавался: «В тысячу первый раз я убедился, что логика совершенно бессильна, что мысли людей влекутся неудержимо по каким-то своим путям. Теперь я махнул рукой на Розанова: не будет от него ничего истинно хорошего, и виновата – наша глубокая необразованность. Можно быть даровитым, можно кончить курс в Московском университете, переводить Аристотеля, писать о Достоевском и т. д. и не иметь самых элементарных понятий о праве и религии, остаться малым ребенком в самых существенных вопросах» [8, с. 63]. Столь «разгромное» суждение о В.В. Розанове в наше время может показаться весьма странным. Но оно вполне естественно в том контексте, о котором было сказано выше. (Еще более «разгромное» суждение Н.Н. Страхова о Ф. Достоевском будет рассмотрено далее). А именно, видение «темной» стороны личности, его греха и слабости, как мы видим из предшествующего признания, – было в первую очередь его собственным опытом самопознания, а затем направлено на других.

Однако видение человека в грехе и слабости у Н.Н. Страхова не становилось причиной презрения к человеку, а как раз наоборот, становилось причиной такой жалости и сострадания, которые можно назвать *радикальным христианским гуманизмом*. Так, в письме от 18 августа 1894 г. Н.Н. Страхов писал: «В Ясной Поляне часто говорилось против государства, патриотизма, промышленности, наук, музыки, поэзии, философии и т. д. Все это, конечно, не нужно с точки зрения единого на потребу; ничто из всего этого не должно иметь для человека верховного значения. Но всем этим живут люди, и не перестанут жить» [8, с. 67]. Еще радикальнее он высказывается в письме от 29 октября 1894 г. Н.Н. Страхов «Я хочу только сказать, что требование святости невозможно для всех людей, что оно может

быть выполнено только в очень редких случаях. Поэтому люди никогда не жили и не будут жить по этому требованию. Помню, когда мне было 13 или 14 лет и я стал уже думать о том, чего от нас требует религия, я пришел к мысли, что должно быть в нее никто не верил вполне, не верил от Христа и до наших дней. Это меня ужасало и удивляло. Если нам предстоит с одной стороны рай, а с другой ад, то не ясно ли, что только об этом нужно и думать, что нужно все бросить и спасаться, как спасались отшельники, из которых иные верно одни только и спаслись. Но тогда не было бы всемирной истории, прекратились бы всякие труды, войны, государства и т. д.» [8, с. 75]

Исходя из этого, Н.Н. Страхов далее прямо возражает Л.Н. Толстому: «я удивляюсь тому, что Вы так часто забываете неодолимые потребности людей. “Дела человеческие должны уступать делу Божию”, пишете Вы мне, “в вопросах личной жизни каждого”. О, без сомнения! Вы держитесь верного пути – личного совершенствования, и эта правильность Вашего хода всегда меня восхищала. Но Вы не замечаете, как Вы поглощены Вашею внутреннею работою и предлагаете людям то, чего они принять не способны. Отвержение всякой собственной воли – вот ведь к чему сводится все направление; а это отвержение есть отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь требует спокойных, твердых форм, требует простора для желаний, требует труда и отдыха, забавы и восторга... да Вы все это отлично знаете, все это сказано в Ваших сочинениях. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашею вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете. Они часто охотно жертвуют жизнью и достоянием, как пишут в порыве патриотизма, но ограничивать себя и размышлять они не могут. Они хотят жить и верить, действовать и бороться, а не исследовать и углубляться в себя» [8, с. 76].

Из этого Н.Н. Страхов делает вывод против «толстовства»: «противоречие “человеческим делам” не может иметь общего успеха. Оно может занимать отдельные лица, может наполнять их жизнь, но его нельзя предложить как ежедневную пищу для всех. А если отнять этот контраст с окружающим миром, то большею частью жизнь окажется лишенною всякого интереса. Поэтому интересы, которыми задаются люди, нельзя легко откидывать, да они и не дадут себя откинуть. На них положено много труда. Бедное человечество тяжко билось, чтобы найти тот бок, на котором лежать не очень больно, чтобы найти какую-нибудь пищу для своих неумолкающих стремлений, создать предметы, для которых стоит жить и умирать. Плоха медицина – но разве откажутся когда-нибудь люди искать средство против болезней? Плохо государство; но разве перестанут люди составлять эти безмерные союзы, чтобы общими силами единою волею действовать для своих целей?» [8, с. 77].

Как видим, Н.Н. Страхов, как и ранее в своем понимании искусства, не боится радикально возражать Л.Н. Толстому, не смотря на все преклонение перед ним как мыслителем. На этот аспект их переписки до сих пор почти не обращали внимание. Сам принцип «толстовства», ставшего впоследствии

идеологией целого движения десятков тысяч людей, Н.Н. Страхов опровергал уже в момент его зарождения. И это отрицание не было просто отталкиванием, но опиралось на его собственное понимание сущности «прогресса».

В письме от 22 августа 1895 г. Н.Н. Страхов пишет о своем понимании прогресса, которое у него совсем не связано с развитием внешней «цивилизации – наук, искусств, техники и т.д. – но имеет у него исконно христианский смысл внутреннего – духовно-нравственного преображения человека в соответствии с евангельским идеалом. Исходя из этого идеала, он писал: «Скудная, страшно медленно растущая жизнь. Каждый как будто пускает корни на своем месте и не думает ни о внешнем передвижении, ни о внутреннем движении вперед. Окружающий порядок обыкновенно считается несомненным и неизменным, как времена года, дождь и снег, солнце и луна. С утра до вечера заботы устремлены на то, чтобы поддержать свое положение, свою семью, свести концы с концами. Невежество часто жестокое, умственный уровень очень низкий, хотя везде история и география, музыка и французский язык. Но нет никакой почти привычки к книгам, к литературе, к науке. Нет, люди так тяжелы на подъем, так расположены к консерватизму, что нужны какие-нибудь исключительные причины, напр. большие бедствия, чтобы заставить их не хвататься за каждый случай, когда можно им остановиться в своем развитии» [8, с. 113].

Высота идеала, которым он мерял все жизненные явления и масштаб личности, позволяла Н.Н. Страхову высказывать весьма радикальные суждения, одно из которых касалось В.В. Розанова. Но не менее жестко он писал и о другой знаковой личности того времени. В письме от 28 июня 1895 г. Н.Н. Страхов писал: «Ваше замечание о Вл. Соловьеве поразило меня. “Нет бессознательной внутренней оригинальности”. Это правда!.. С самого начала деятельности Соловьева, когда он так высоко подымался и так походил на нового гения, я замечал в нем странное отсутствие живого чувства. Его религиозность была отвлеченная, пустая; в религии он видел как будто одно “священное волшебство” – так о нем сказал Антоний, ректор московской Академии» [8, с. 111].

И этот же идеал делал Н.Н. Страхова совершенно свободным от того преклонения перед интеллигенцией, которое считалось общеобязательным. 5 октября 1895 г. Н.Н. Страхов он писал: «ничтожно, пошло, главное, противно писать для этой никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от которой никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет» [8, с. 118]; «а уж о журналах и говорить нечего, – там всё пусто и еще нахально и лживо [там же].

Тем не менее, жизненную опору для высшего идеала Н.Н. Страхов находил в самой России и ее народе. В письме от 18 августа 1894 г. он писал: «Они давно уже объявили, что славянофильства нет больше на свете, а между тем всё с ним возятся, и будут возиться без конца, потому что это мысль, которая растет сама собою» [8, с. 67]. Суть его иронии по отношению к очередным «могильщикам» славянофильства состоит в том, что они совершенно не понимают простой вещи: так называемое «славянофильство»

или «почвенничество» – это не идеология, созданная интеллектуалами, а естественное народное самосознание, которое будет существовать всегда до тех пор, пока существует сам народ. Это мысль, «которая растет сама собою». 5 октября 1895 г. он написал: «Нынче приехал американец... и говорит, что Америка совершенно та же Россия, но только там нет мужика. Он этим хотел прельстить меня. А я подумал: я бы давно уже умер бы от тоски и отчаяния, если бы его – мужика – не было» [8, с. 118].

Наконец, стоит специально рассмотреть и знаменитое «скандальное» письмо Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., в котором подробно описан «порочный» характер Ф. Достоевского, а также приводится признание последнего об одном тяжком грехе, вызывая и всегда будет вызывать споры историков литературы. Здесь он пишет о Ф. Достоевском так: «Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым. По случаю биографии я живо вспомнил все эти черты. В Швейцарии, при мне, он так помыкал слугою, что тот обиделся и выговорил ему: “Я ведь тоже человек!” Лица, наиболее на него похожие, – это герои Записок из подполья, Свидригайлов в Преступлении и Наказании и Ставрогин в Бесах» [6, с. 374].

Однако для философского осмысления этот документ имеет вовсе не «скандальный», а важный мировоззренческий смысл. Вопрос о том, зачем Н.Н. Страхов посчитал необходимым передать свои впечатления о «темной» стороне личности Ф. Достоевского – это философский, а не биографический вопрос. И этот вопрос может быть адекватно понят только в контексте той «философии преобразования», которую обосновывает Н.Н. Страхов в других своих письмах Л.Н. Толстому. Смысл этого «разоблачения» Ф. Достоевского (даже независимо от степени его субъективизма и эмпирической достоверности – хотя последняя весьма проблематична) – состоит в том, чтобы показать и понять экзистенциальный исток преобразования человека, который заключается в подвиге преодоления своей греховности и слабости. «Низкий» образ личности Ф. Достоевского, показанный здесь Н.Н. Страховым, очень важен именно для понимания этого истока: независимо от того, насколько этот образ достоверен, он показывает тот жизненный «фон» художественного мира Ф. Достоевского, из которого он вырастал именно как подвиг и преодоление той жизненной среды, в которую был погружен своими греховными «корнями». В этом смысле страховский «низкий миф» о Ф. Достоевском является необходимым элементом общего культурного образа писателя: ведь очевидно, что те «погружения в бездны», о которых всегда пишут исследователи художественного мира Ф. Достоевского, не могут быть всего лишь продуктом его художественной фантазии. Несомненно, что «инфернальные» черты героев Ф. Достоевского должны были быть пережиты писателем в своем собственном опыте, как свои собственные грехи. В противном случае их гениальное художественное разоблачение было бы невозможным. Именно поэтому субъективное мнение

Н.Н. Страхова о характере Ф. Достоевского, ставшее известным благодаря его письму Л. Толстому, имеет особую важность. Образ, данный Н.Н. Страховым, гипертрофирует и мифологизирует отдельные черты его характера, игнорируя все остальное – но именно благодаря этой гипертрофии, выполняющей здесь роль условной и субъективной «абстракции», резко выделены именно те *общечеловеческие черты* – а именно, поглощенность гордыней и грехом – преодоление которых путем духовного преображения человека и является главной ценностью художественного мира Ф. Достоевского. Поэтому письмо Н. Страхова ни в коей мере нельзя рассматривать как «курьез» или «клевету», но следует воспринимать как сознательно односторонний образ писателя, имеющий философский смысл в контексте императива преображения.

Краткий обзор и анализ тех фрагментов из писем Н.Н. Страхова, которые ранее почти не рассматривались исследователями, показывает их важность как для понимания внутренних мотивов его творчества, так и для более глубокого понимания специфики самого *русского стиля философствования*. Кратко это особенность, столь ярко проявившуюся в этих письмах можно охарактеризовать как парадоксальность и антиномичность, порождаемые несоответствием между недостижимой высотой христианского идеала жизни и личности, с одной стороны, и человеческой слабостью, и греховностью – с другой. В этом смысле русские философы стилистически всегда были не академическими «умниками», а «мучениками мысли» в самом прямом смысле этого слова, воспринимая саму философию как вид мирского подвижничества.

Список литературы

1. Донсков, А.А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов : эпистолярный диалог о жизни и литературе / А.А. Донсков ; Группа славян. исслед. при Оттавском ун-те, Гос. музей Л.Н. Толстого. – Оттава : Оттавский ун-т, 2008. – 138 с.
2. Климова, С.М. Природа творческого мышления в переписке Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова / С.М. Климова // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / ред.-сост. С.М. Климова. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 135-153.
3. Климова, С.М. Философский диалог Льва Толстого и Николая Страхова / С.М. Климова // Русская литература. – 2012. – № 1. – С. 3-19.
4. Климова, С.М. Философско-эпистолярный диалог Льва Толстого и Николая Страхова / С.М. Климова // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. – 2011. – № 32. – С. 48-62.
5. Толстой, Л.Н. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870-1894) / Л.Н. Толстой. – Санкт-Петербург : О-во Толстов. музея, 1914. – 478 с. – (Толстов. музей ; т. 2).
6. Письмо Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. // Толстой Л.Н. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870-1894) / Л.Н. Толстой. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 307-310. – (Толстов. музей ; т. 2).
7. Тихомиров, В.В. Л.Н. Толстой и возрождение религиозного искусства. Н.Н. Страхов о Л.Н. Толстом / В.В. Тихомиров // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. – 2000. – № 1. – С. 17-26.

8. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов : полное собрание переписки = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov : Complete correspondenc : в 2 т./ сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова ; ред. А.А. Донсков. – Оттава ; Москва : Гос. музей Л.Н. Толстого, 2003. – 1080 с.

9. Paperno, I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov : the dialogue on faith / I. Paperno // Anniversary essays on Tolstoy / ed. by D.T. Orwin. – Cambridge, 2010. – P. 96-119.

References

1. Donskov, A.A. L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov : epistolnyy dialog o zhizni i literature / A.A. Donskov ; Gruppya slavyan. issled. pri Ottavskom un-te, Gos. muzey L.N. Tolstogo. – Ottava : Ottavskiy un-t, 2008. – 138 s.

2. Klimova, S.M. Priroda tvorcheskogo myshleniya v perepiske L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova / S.M. Klimova // N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kul'tura ponimaniya / red.-sost. S.M. Klimova. – Sankt-Peterburg, 2010. – S. 135-153.

3. Klimova, S.M. Filosofskiy dialog L'va Tolstogo i Nikolaya Strakhova / S.M. Klimova // Russkaya literatura. – 2012. – № 1. – S. 3-19.

4. Klimova, S.M. Filosofsko-epistolnyy dialog L'va Tolstogo i Nikolaya Strakhova / S.M. Klimova // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.A. Esenina. – 2011. – № 32. – S. 48-62.

5. Tolstoy, L.N. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym (1870-1894) / L.N. Tolstoy. – Sankt-Peterburg : O-vo Tolstov. muzeya, 1914. – 478 s. – (Tolstov. muzey ; t. 2).

6. Pis'mo N.N. Strakhova L.N. Tolstomu ot 28 noyabrya 1883 g. // Tolstoy L.N. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym (1870-1894) / L.N. Tolstoy. – Sankt-Peterburg, 1914. – S. 307-310. – (Tolstov. muzey ; t. 2).

7. Tikhomirov, V.V. L.N. Tolstoy i vrozhdzenie religioznogo iskusstva. N.N. Strakhov o L.N. Tolstom / V.V. Tikhomirov // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. – 2000. – № 1. – S. 17-26.

8. L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov : polnoe sobranie perepiski = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov : Complete correspondenc : v 2 t. / sost.: L.D. Gromova, T.G. Nikiforova ; red. A.A. Donskov. – Ottava ; Moskva : Gos. muzey L.N. Tolstogo, 2003. – 1080 s.

9. Paperno, I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov : the dialogue on faith / I. Paperno // Anniversary essays on Tolstoy / ed. by D.T. Orwin. – Cambridge, 2010. – P. 96-119.

УДК 130.3:001

Масалов А.Г.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

ХОЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ Н.Н. СТРАХОВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Согласно Н.Н. Страхову, изучение природы нужно начинать с изучения духа. В центре герменевтически открытого мирозерцания Страхова находится человек как «зритель мира», благодаря которому «мировая картина» способна себя наблюдать, познавать и совершенствовать. Раскрываются антропологические основания философско-научных взглядов ученого. Показано, что мировоззренческие следствия

данных современной науки подводят к целостному пониманию мироздания и оказываются созвучны натурфилософским воззрениям Страхова.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, холизм, наука, философия науки, антропоцентризм, человек.

A. G. Masalov

*Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

HOLISTIC ATTITUDES OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE N.N. INSURANCE: ANTHROPOLOGICAL

Abstract. According to N.N. Strakhov, the study of nature should begin with the study of the spirit. In the center of the "hermeneutic open" worldview of Strakhov is a man as a "spectator of the world", thanks to which the "world picture" is able to observe, learn and improve itself. The anthropological foundations of philosophical and scientific views of the scientist are revealed. Worldview consequences of the data of modern science lead us to a holistic understanding of the universe and are in tune with the views of Strakhov's philosophy of nature.

Key words: N.N. Strakhov, holism, science, philosophy of science, anthropocentrism, human.

В историю русской культуры Н.Н. Страхов вошел не только как выдающийся мыслитель, блестящий критик и ученый-естественник, но как создатель первой в России работы по философии научного познания «Мир как целое» (1872). К тому времени он был хорошо известен как автор полемических статей, опровергающих с философских и естественно-научных позиций вульгарно-материалистические и метафизические представления о природе реальности и человека.

В противовес мыслителям, полагавшим, что есть лишь атомы и пустота, а все остальное суть мнение (модернизация с добавлением к веществу поля и вакуума ничего не меняет по сути), Страхов развивал концепцию целостного универсума, которую на современный лад можно назвать холистической. Очевидно, что такая модель не могла быть ни механистической, сведенной к столкновениям отдельных неделимых, ни последовательно (метафизически) дуалистической, исключаящей взаимосвязь духовного и вещественного начал в процессе развития жизни и познания.

В период работы над статьями, составившими «Мир как целое» и подготовки первого издания (60-70-е гг. XIX в.), Страхов был сторонником гегелевского метода и полагал, что «сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа» [7, с. VII]. Исходя из данного убеждения, он также не признавал и «другой науки кроме пантеистической» [цит. по: 1, с. 38.].

Эта полурелигиозная интуиция¹, как ни удивительно, оказалась *научно* плодотворной, т.к. вскрыла идеологические и метафизические корни материалистических представлений в науке того времени, показала несостоятельность пренебрежения философскими методами в процессе познания. Так, наука времен Страхова не могла объяснить явления природы иначе как *механическим* воздействием одного тела на другое, представляя мир, как *множество* таких отдельных тел. Однако, такой подход все равно требовал привлечения метафизических категорий² и дурно объяснял феномены органической жизни, не говоря уже о духовной. Идея целостности мира, следовательно, требовала для себя иного языка – исключительно философского, даже религиозно-философского, включая категорию «духа»³.

Философия науки Н.Н. Страхова достаточно подробно рассмотрена в работах Е.А. Антонова, Н.Г. Гаврюшина, Н.П. Ильина, О.Д. Маслбоевой и др. Антропологические взгляды русского мыслителя удостоились еще большего внимания исследователей, в числе которых, кроме названных выше, Л.А. Виликотская, Н.В. Снетова, М.А. Шарова. Методологические ориентации Н.Н. Страхова анализируются в работах А.Е. Брусенцева, Е.Н. Мотовниковой, Ж.В. Малецкой, П.А. Ольхова, В.В. Тихомирова и др.

Метафизически осторожный Страхов избегал жесткой теоретической определенности и догматизма, полагая, что мыслить «готовыми понятиями и говорить готовыми словами» [8, с. 121] противоречит истинно философскому методу в науке: «ставить и развивать понятия» [7, с. 76]. Некоторая концептуальная неопределенность страховских текстов не только усложняет их классификацию, но и делает их открытыми к дальнейшим интерпретациям, позволяет интегрировать их в поле современных философско-научных идей.

Н.Н. Страхов не создал завершенной философской системы, но не будет преувеличением полагать, что мировоззренческие доминанты Страхова намечают связь философской антропологии, философии науки и методологии познания в органическое целое.

Холистическая установка в науке и философии восходит как минимум к Аристотелю, утверждавшему приоритет целого по отношению к его частям⁴. В онтологическом смысле холизм утверждает, что целое не есть простая сумма частей, но обладает качествами, которых части сами по себе не имеют. Следовательно, в гносеологическом аспекте познание свойств целого необходимо должно предшествовать познанию частей. Именно такой подход и созвучен познавательной стратегии Страхова: «стремление

---

¹ Как отмечал В.В. Розанов, «религиозное составляет ни разу не названный центр постоянного тяготения его мысли» [5, с. 19].

² Страхов полагал понятие атома, «жизненной силы» и т.д. метафизическими конструкциями.

³ Исследователи отмечают понимание Страховым духа как «известного символа целостности мира, а не в смысле признания особой сущности» [1, с. 50], но и «особую сущность» в работе «Мир как целое» он прямо не отрицает.

⁴ «...если части предшествуют (protera) целому, а острый угол - часть прямого, и палец - часть живого существа, то можно было бы подумать, что острый угол предшествует прямому и палец предшествует человеку. По-видимому, однако, эти последние первее (protera): ведь обозначение первых дается на основе последних, которые первее и потому, что могут существовать без первых» [3].

объяснять сложное из простого давало всему делу превратный вид, ставило науку на ложную точку зрения. Нельзя искать разгадки явлений в простейших и низших формах бытия; самую трудную и глубокую загадку представляют именно самые сложные явления, самые высокие формы; следовательно, в них и должно искать разрешения тайны, на них и следует смотреть как на самое полное воплощение вопроса, как на ту точку, где может быть найден ключ к ответу на него... не изучение простых тел объясняет сложные, а совершенно наоборот» [7, с. 442-443]. Таким образом, познание явлений мира должно начинаться с рассмотрения их «самых высоких форм» и сложных проявлений, но каких именно?

В своем основном труде «пантеистического» периода «Мир как целое» Страхов рассматривает мироздание как единое, связанное, иерархически устроенное органическое целое [см.: 7, с. 66-67]. Его части и явления не просто связаны бесконечным множеством связей, «а соподчинены, представляют собой правильную лестницу, пирамиду... существ и явлений. Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные...» [7, с. 67].

В своей картине мироздания мыслитель отводит человеку «центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое»; человек есть «главное явление и главный орган мира» и в нем «заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания...» [7, с. 67]. Таким образом, антропоцентричное понимание мира как целого должно, по мнению мыслителя, стать руководящей идеей в изучении природы.

Если же мир соединен воедино через человека, то, в контексте идеи целостности, любая система научных взглядов должна иметь своим исходным пунктом самопознание. Верное видение себя человеком, в свою очередь так же требует надежного основания. Для Страхова – это картезианское *cogito, ergo sum* [см.: 9]. Но Страхов не останавливается на этом: он обосновывает наличие у человека основного (истинного) [см.: 9] «эго», необходимого условия, если иметь ввиду научную потребность рационального понимания вещей.

В качестве центра мироздания, человек сочетает в себе все аспекты бытия. Страхов вполне соглашался с выводами естествознания, что «Человек есть животное, и вовсе не особенное, не какое-нибудь чудо между животными, а такое же животное, как и многие другие» [7, с. 81], но выступал против упрощенного «физикалистского» понимания духа как простого эпифеномена вещества. От прочих животных человек отличается своей духовной природой. Существенным признаком организма вообще Страхов полагает развитие. В отношении человека, как высшей формы развития органической жизни, таким признаком является способность к самобытному духовному развитию [см.: 7, с. 133].

Духовный мир человека и мир вещественный диалектически связаны посредством тела, которое «есть та часть объективного мира, которая в своих явлениях постоянно отражает явления нашей души, и помимо которой душа ничего не может выразить, и не может воспринять никакого чужого

выражения. Только в таком смысле нужно уразуметь связь души и тела... Эти два мира остаются строго разграниченными, но один служит для выражения другого...» [9].

Центром человеческого существа, в свою очередь, является дух как «чистый субъект, то есть, нечто познающее, но ни мало не доступное для объективного познания». Понятие духа сближается с понятием сознания и человеческого «я», которое есть «единое и всегда неизменное, - монада, неподвижная центральная точка психического мира» [9]: познающее, но не познаваемое, наблюдающее, но не наблюдаемое.

Страхов особо подчеркивал центрирующую роль в мире человека как наблюдателя: «Самая удивительная загадка, - подчёркивал учёный, - заключается не в том, что мир существует, а в том, что у него есть зритель» [11, с. 119]. Эта созерцательная роль человеческого духа не является, на наш взгляд, исключительно пассивной, ведь если человек и есть «центр всех влияний, то только потому, что он сам, *самодеятельно*, самобытно стремится стать в центре мира; если человек все переносит, то только потому, что может все обнять, стать выше всего, что думает покорить его» [7, с. 200]. Страховым отчетливо осознается неопределенность человеческой природы, он «весь в возможности», последнее вполне относится и к горизонту познания развивающегося духа¹.

Активная роль наблюдателей в конституировании реальности отмечается (даже более смело) и современной наукой: «мы не можем непосредственно почувствовать истинную текстуру реальности, - отмечал физик Ник Херберт, - потому что все, к чему мы прикасаемся, превращается в материю» [14].

Конечно речь здесь не о чудесах, а об исключительно сложном взаимодействии наших познавательных способностей с объективной действительностью. Как философская категория «Материя есть один из вопросов души, а душа есть нечто, стоящее вне всякого вопроса и, напротив, — производящее всякие вопросы» [11, с. 281]. Вопрос о природе материи, следовательно, находится в контексте понимания того, почему данное понятие является необходимым на данном этапе, в процессе диалектического развития познания². Таким образом, Страхов вплотную приблизился к пониманию антропного принципа (в его «сильном» варианте), известного в современной космологии, согласно которому «наблюдатель столь же существен для появления Вселенной, как и Вселенная для появления наблюдателя» [15, с. 27].

Развивая идею целостного мира, Страхов закономерно приходит к отказу от атомистических представлений: в мире «нет ничего *самобытного*, никаких особых *начал*, никаких *простых тел*, никаких *атомов*, нет самостоятельных, от века различных сил, нет ничего неизменного, само по себе существующего» [7, с. 67].

---

¹ Как способности к «совершенно самостоятельному, самобытному развитию» человека [7, с. 41].

² Страхов признавал исторически необходимыми некоторые учения, которых сам не разделял, напр. атомизм, механицизм [7, с. 357].

Примечательно, что по прошествии более 100 лет на сходную позицию стала и современная философия науки: «всюду в квантовой области необходим последовательный отказ от классических образов элементов-индивидуумов и соответствующей им картины мира... вплоть до осознания квантовых свойств мира как неделимого целого...» [12, с. 165]. Удивительные свойства области микромира вынудили некоторых ученых признать, что «такая квантовая целостность деятельности [субатомных частиц - А.Г. Масалов] ближе к организованному единству функционирования частей живого существа, чем к единству, которое получается путем объединения части машины» [13]. Вполне отчетливо осознается учеными и тот факт, что «это свойство целостности сравнимо лишь с... психической целостностью... - нашим «Я» [12, с. 335].

Если же человек как главный орган мира, как органического, т.е. развивающегося целого, выступает в качестве связующего звена в комплексе представлений, то его не будет преувеличением обозначить как «антропоцентрический холизм». У Н.Н. Страхова органические категории фиксируют факт развития мира, жизни и мышления, исходя из их внутренних свойств, но не составляют определенной системы.

Как справедливо отметили современные ученые, для Страхова характерна «органическая диалектика, а не диалектический органицизм» [2, с. 18; 4, с. 100-107.], что обусловило методологический акцент в его рассуждении о естествознании. Источником своих взглядов Страхов называет диалектический метод Гегеля, который признает «полным выражением научного духа». Но мыслитель не копировал его механически, а по-своему интерпретировал. Так, он не принял методологического принципа внутренней противоречивости и учения о единстве и борьбе противоположностей. Как отмечают исследователи, «важный гегелевский тезис – внутренней противоречивости – был неприемлем для Н.Н. Страхова по ряду причин» [4], в числе которых указывается несоответствие аристотелевской логике, христианской картине мира и т.п. Вместо этого он «фактически сводил диалектический метод к систематизации априорных элементов мышления, что, естественно, не соответствует гегелевскому пониманию метода... Страхов разрабатывал логику целого, для которой было характерно не противоречие, а взаимная дополнительность как важнейшее качество логики будущего. Такой тип логики не разъединяет и не противопоставляет противоположные стороны, а органически соединяет их в единое целое» [1, с. 51, 53].

На наш взгляд, страховская «логика целого» неразрывно связана с пониманием человеческого «я» как целостной, неделимой монады, неподвижного созерцающего центра человеческого существа [См.: 9, 10]. «Все наши ощущения и все наши действия, - указывал Страхов, - относятся к одному и тому же центру нашего я и только потому считаются явлениями одного существа; иначе невозможно получить никакого единства» [10, с. 119].

Единство мироздания в концепции Страхова не есть внезапное эмпирическое открытие, а «требование самого духа науки», неизбежный «априорический» вывод рационального научно-философского познания [7, с. 431]. Таким образом, в сфере физики «мы должны прийти к тому же учению, которое проповедовал первый философ Фалес, то есть что все вещи суть видоизменения одной и той же стихии» [7, с. 433].

Точно также и «психические явления тесно связаны между собою и вытекают из единой сущности... они не должны быть понимаемы, как частное сочетание свойств, созданное капризной фантазией чуждых нам сил и вложенное в нас извне. Следовательно, нам нужно бы было показать законное и неизбежное их развитие из глубочайшей глубины человеческой сущности, - той таинственной глубины, где сливаются дух и тело, где, как в центре тяжести, сосредоточено все наше существование» [7, с. 231].

Ход предыдущих рассуждений неизбежно подводит к вопросу о том, как вещественные и духовные начала соотносятся в ходе познания, почему явления действительности могут быть описаны рациональным языком науки или, проще говоря, «почему природа разумна?». В соответствии с современным состоянием холистической философии науки можно утверждать, что «свойство целостности (конечной неразложимости мира на элементы и множества)... оказывается естественным основанием существования законов в природе» [12, с. 144]. Но возможно и оборачивание решения проблемы, ведь без разумных наблюдателей (или условий, необходимо ведущих к их появлению) вселенная была бы не такой, какой как мы ее знаем. Т.е. именно духовная (собственно человеческая) деятельность Homo sapiens, как центра и вершины¹ мироздания, и есть то условие целостности, без которого, согласно концепции Страхова, «храм природы» остался бы незавершенным, подобно усеченной сфере и недостроенной пирамиде [см.: 7, с. 90].

Таким образом, философия науки Страхова совершает «герменевтический круг», начав с самого таинственного, что есть в мире, с того, что объемлет его как целое – человеческого духа, затем, пройдя частные выводы и категории естествознания, возвращается к миру как целому, неделимому на самостоятельные сущности. Можно утверждать, что страховская диалектика естествознания, развивая эту основополагающую идею, стала первым в России опытом холистической философии науки.

Список литературы

1. Антонов, Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи [Текст] : моногр. / Е.А. Антонов. – Белгород : БелГУ, 2007. – 168 с.
2. Антонов, Е.А. Философия науки Н.Н. Страхова [Текст] / Е.А. Антонов // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2010. – Т. 14, № 13. – С. 17-24.

---

¹ Страхов полагал, что «мыслить создание природы, которое было бы выше человека, невозможно» [7, с. 260].

3. Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс] / Аристотель // Lib.Ru : Библиотека Максима Мошкова / Федер. агентство по печати и массовым коммуникациям ; ред. проекта В.Г. Есаулов. – Москва, 2004-2018. – Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html.
4. Бросова, Н.З. Н.Н. Страхов как историк философии [Электронный ресурс] / Н.З. Бросова // Credo. - 2000. - № 1. - С. 23-32. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/164/25/>.
5. Гаврюшин, Н.К. Мир как целое [Текст] : Н.Н. Страхов о развитии естествознания / Н.К. Гаврюшин // Природа. - 1982. – № 7. - С. 100-107.
6. Розанов, В.В. Литературные изгнанники. Т. 1 [Текст] / В.В. Розанов. – Санкт-Петербург : Тип. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – 549 с.
7. Страхов, Н.Н. Мир как целое [Текст] : черты из наук о природе / Н.Н. Страхов. – Москва : Айрис-Пресс, 2007. – 570 с.
8. Страхов, Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов. - 2-е изд., доп. – Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1900. - 200 с.
9. Страхов, Н.Н. Об основных понятиях психологии [Текст] / Н.Н. Страхов // Философская культура : журн. рус. интеллигенции. – 2005. – № 3. – С. 1-34.
10. Страхов, Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии [Текст] / Н.Н. Страхов. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1894. – 317 с.
11. Страхов, Н.Н. Философские очерки [Текст] / Н.Н. Страхов. - Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1895. – XVI, 530 с.
12. Цехмистро, И.З. Холистическая философия науки [Текст] : учеб. пособие / И.З. Цехмистро. – Сумы : Унив. кн., 2002. – 364 с.
13. Bohm, D. Hidden variables and the implicate order [Electronic resource] // Quantum Implications: essays in honour of David Bohm / eds.: B.J. Hiley, F.D. Peat. – Methuen, 1987. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=547779>.
14. Herbert, N. Quantum Reality: beyond the new physics [Electronic resource] / N. Herbert. – Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1985. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=1437237&pg=0>.
15. Wheeler, J.A. Genesis and Observership [Text] / J.A. Wheeler // Foundational Problems in the Special Sciences. – Dordrecht, 1977. – P. 27.

References

1. Antonov, E.A. Antropocentricheskaya filosofiya N.N. Strahova kak myslitel'ya perekhodnoj ehpori [Tekst] : monogr. / E.A. Antonov. – Belgorod : BelGU, 2007. – 168 s.
2. Antonov, E.A. Filosofiya nauki N.N. Strahova [Tekst] / E.A. Antonov // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2010. – № 14, vyp. 13. – S. 17-24.
3. Aristotel'. Metafizika [EHlektronnyj resurs] / Aristotel' // Lib.Ru : Biblioteka Maksima Moshkova / Feder. agentstvo po pečati i massovym kommunikacijam ; red. proekta V.G. Esaulov. – Moskva, 2004-2018. – Rezhim dostupa: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html.
4. Brosova, N.Z. N.N. Strahov kak istorik filosofii [EHlektronnyj resurs] / N.Z. Brosova // Credo. – 2000. – №1. – S. 23-32. – Rezhim dostupa: <http://credonew.ru/content/view/164/25/>.
5. Gavryushin, N.K. Mir kak celoe [Tekst] : N.N. Strahov o razvitii estestvoznaniya / N.K. Gavryushin // Priroda. – 1982. – № 7 – S. 100-107.
6. Rozanov, V.V. Literaturnye izgnanniki. T.1 [Tekst] / V.V. Rozanov. – Sankt-Peterburg : Tip. T-va A.S. Suvorina «Novoe vremya», 1913. – 549 s.
7. Strahov, N.N. Mir kak celoe [Tekst] : cherty iz nauk o prirode / N.N. Strahov. – Moskva : Ajris-press, 2007. – 569 s.
8. Strahov, N.N. O metode estestvennyh nauk i znachenii ih v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strahov. – 2-e izd., dop. – Kiev : Tip. I.I. CHokolova, 1900. – 200 s.

9. Strahov, N.N. Ob osnovnyh ponyatiyah psihologii [Elektronnyj resurs] / N.N. Strahov // Filosofskaya kul'tura : zhurn. rus. intelligencii. – 2005. – № 3. – С. 1-34.
10. Strahov, N.N. Ob osnovnyh ponyatiyah psihologii i fiziologii [Tekst] / N.N. Strahov. – 2-e izd. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1894. – 317 s.
11. Strahov, N.N. Filosofskie ocherki [Tekst] / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1895. – XVI, 530 s.
12. Cekhmistro, I.Z. Holisticheskaya filosofiya nauki [Tekst] : ucheb. posobie / I.Z. Cekhmistro. – Sumy : Univ. kn., 2002. – 364 s.
13. Bohm, D. Hidden variables and the implicate order [Electronic resource] / D. Bohm // Quantum Implications: essays in honour of David Bohm / eds.: B.J. Hiley, F.D. Peat. – Methuen, 1987. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=547779>.
14. Herbert, N. Quantum Reality: beyond the new physics [Electronic resource] / N. Herbert. – Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1985. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=1437237&pg=0>.
15. Wheeler, J.A. Genesis and Observership [Text] / J.A. Wheeler // Foundational problems in the special sciences. – Dordrecht, 1977. – P. 27.

УДК 140.8(091)

Маслобоева О.Д.
*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

ОРГАНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Н. СТРАХОВА

Аннотация. В статье раскрывается содержание творчества Н.Н. Стрехова в аспекте теоретического обоснования актуальности мировоззренческой трансформации XIX в., заключающейся в переходе от механически созерцательного к органически деятельностному типу мировоззрения. Стремление русского мыслителя соединить свои духовные мировоззренческие запросы с теоретической грамотностью способствовало формированию органически космического мировоззрения, адекватного отечественной ментальности и вызовам эпохи, как текущим, так и грядущим.

Ключевые слова: органическое и механистическое мировоззрение, деятельностный и созерцательный типы мировоззрения, органические категории, философия и наука, позитивизм и российский органицизм, принцип всеобщности жизни.

Masloboeva Olga D.
*St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia*

THE ORGANIC THEORY IN THE CREATIVITY OF N.N. STRAHOV

Abstract. The article reveals the content of creativity by N. N. Strakhov in the aspect of theoretical substantiation of the worldview transformation in the XIX century, which consists in the transition from the mechanically contemplative to the organically active type of worldview. The desire of the Russian thinker to combine his spiritual worldview with theoretical literacy contributed to the formation of an organically cosmic worldview adequate to the national mentality and the challenges of the era, both current and future.

Key words: organic and mechanistic worldview, activity and contemplative types of worldview, organic categories, philosophy and science, Positivism and Russian organicism, the principle of universality of life.

Для возбуждения интереса западных философов к русской философии следует умело показывать теоретическое содержание последней.

А. Валицкий

Профессиональная философия характеризуется теоретической рефлексивностью мировоззрения, выполняя тем самым свою фундаментальную функцию – способствовать зрелости самосознания социального субъекта в соответствии с вызовами эпохи, причем как текущими, так и грядущими. Инструментами построения любой теории выступает понятийно-категориальный аппарат. Сложность построения философской теории обусловлена, с одной стороны, ее универсальностью и, соответственно, умозрительностью, а с другой стороны, мировоззренческой предметностью. К сожалению, теоретический профессионализм - не столь частый феномен в философствующей среде. Занятие наукой помогает дисциплинировать ум в теоретическом отношении. Но сосредоточенность сугубо на теоретических построениях способна суживать мировоззренческий горизонт и приводить к утрате полнокровной жизненности внутреннего мира человека, особенно в плане единства рационального и иррационального мировосприятия.

Николай Николаевич Страхов – тот редкий тип мыслителя, который смог гармонизировать в своем сознании теоретическую четкость мысли и глубину мировоззренческой рефлексии в единстве художественно-эстетического, нравственно-этического, религиозного, политико-правового и научного восприятия жизни. Сформировав для себя в отчем доме и костромской семинарии религиозно-философскую систему ценностей, Страхов оказывается в атмосфере нигилизма, дух которого господствовал в Петербургском университете. Он не избирает путь догматического отстаивания своего мировоззрения, а, отвечая на вызовы своего времени, погружается в глубины естествознания как авторитетный источник решения насущных проблем. Впоследствии, вспоминая об этом этапе своей жизни, Страхов напишет: «Отрицание и сомнение, в сферу которых я попал, сами по себе не могли иметь большой силы. Но я тотчас увидел, что за ними стоит положительный и очень твердый авторитет, на который они опираются, именно – авторитет естественных наук. Ссылки на эти науки делались беспрерывно; материализм и всяческий нигилизм выдавались за прямые выводы естествознания. И вообще твердо исповедывалось убеждение, что только натуралисты находятся на верном пути познания и могут правильно судить о самых важных вопросах. Итак, если я хотел “стать с веком наравне” и иметь самостоятельные суждения в разногласиях, которые меня занимали, мне нужно было познакомиться с естественными науками» [6, с. 11]. Таким образом, в деле защиты своих религиозно-философских идеалов,

сфокусированных на Святость, он будет опираться на науку, в которой также узрит «святое дело». Эта сторона творчества Николая Николаевича закладывала историческую тенденцию синергии религиозно-философского и научного мировоззрения, значимость которой в культуре постоянно нарастает, о чем, в частности, свидетельствует первое пленарное заседание состоявшегося недавно XXIV Всемирного философского конгресса [см. 16].

Но в отличие от современников – естествоиспытателей Страхов в своей рефлексии идет глубже, раскрывая - как первопроходец - философские основания науки: «Значение же, которое приобрело изучение природы в последние столетия, должно быть предписано философскому перевороту в умах, и философия содержит в себе глубочайший смысл этого изучения» [11, с. 8]. Осознавая потребность XIX в. в философии науки и вступая в полемику с позитивистами, презентировавшими «позитивную философию» как «общую науку», он утверждает, что «нельзя считать натуралистов философами, и одностороннего взгляда, который неизбежно у них развивается, нельзя принимать за философию. Все это совершенно понятно для знакомых с философией. Вообще заметим, чтобы отличить какие бы то ни было умственные явления от философии, для этого, очевидно, нужно знать философию, нужно философствовать. Чтобы говорить о философии, точно также нужно знать философию, нужно философствовать. Как ни просты эти истины, их беспрерывно забывают. Большею частью о философии знают только, что она темна, т.е. ее не знают, и однако же берутся судить о ней» [там же]. Интеллектуальная интуиция на необходимость четкой демаркации философии и науки при полном понимании их взаимообусловленности как сообщающихся сосудов, опять-таки по всей видимости, была обусловлена личностной потребностью защиты собственных идеалов единства Блага, Истины во всех ее рациональных и иррациональных проявлениях, Красоты и Святости. Таким образом, занявшись естествознанием только потому, что он видел в науке потенциальную опасность поколебать его первоначальные этические и религиозные воззрения, Страхов становится профессиональным ученым и философом одновременно. В одном из своих писем М.Н. Каткову он напишет впоследствии: «Вы называете меня мыслителем. В какой бы малой степени я не обладал этим свойством, у меня есть драгоценное пособие, которое, я надеюсь, спасет это свойство от бесплодия и от искажения. Это пособие в том, что я натуралист. В своей сфере, которую я занимаюсь, т.е. в философии природы, это очень важно. В моих статьях нет ошибок против естествознания, которые так портят иногда прекрасные философские исследования...» [8].

Как философ науки Страхов прекрасно понимал, что плодотворность профессиональной интеграции науки и философии достижима на основе теоретической грамотности. В этой связи он пишет в работе «О вечных истинах»: «По-моему, нет ничего хуже путаницы, когда человек не отдает себе отчета в том, что говорит и думает, когда он свободно носится по всяким ветрам, и в голове его собирается самый пестрый и разнообразный сор. Нередко это называется просвещением, любознательностью, ученостью,

но, в сущности, это хуже всякого невежества. Против этого зла существует одно средство: постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может» [10, с. 57-58]. Призыв Страхова мыслить строго, отчетливо, различать категории, принципы и методы, чтобы не было никакой путаницы, актуален, увы, и сегодня. Целью своей основной работы «Мир как целое» автор определяет «вносить мышление в приемы изучения природы» посредством философского метода «*ставить и развивать понятия*» [12, с. 76]. Осмысленности и отточенности категориального аппарата Страхов придавал особое значение, видя в этом необходимое условие построения истинного теоретического знания. Философия, по его убежденности, делает осознанным то, что творится «скрытую силою духа» и тем самым «высокое философское творчество» бессознательно управляет развитием языка [9, с. 88-89]. Н.Н. Страхов постоянно подчеркивал, что неотрефлексированность категориального аппарата выступает принципиальным тормозом на пути профессионального развития как науки, так и философии.

Именно стремление соединить свои духовные мировоззренческие запросы с теоретической грамотностью наполнило творчество Н.Н. Страхова стремлением сформировать целостное мировоззрение, адекватное вызовам эпохи и отечественной ментальности одновременно. Это целостное мировоззрение может быть названо *органически деятельностным*. Выдвигая данный тезис, мы в основном солидаризируемся с исследователем, особенно сосредоточенным на философии Н.Н. Страхова, – это Н.В. Снетова, которая в одной из своих статей пишет: «Если все-таки пытаюсь дать оценку Страхову как философу, искать целостности в его философских воззрениях, то думается, эта целостность есть. Состоит она в *органическом понимании* им явлений, существующих в мире. Оно проводится отечественным мыслителем фактически во всех разделах философского знания, к которым он обращается. И поэтому Страхова как философа можно отнести к определенному направлению в отечественной философии, а именно к органицизму» [7, с. 12]. Как представляется, необходимо добавить к этой характеристике такой принципиальный сюжет как *деятельностное содержание органического миропонимания* Н.Н. Страхова. Что это означает?

Дело в том, что органическое мировоззрение было присуще ранним цивилизациям и отрефлексировано по-своему в античной философии как «здоровом детстве» нашей цивилизации. Этот период Н.А. Бердяев обозначает как первую «природно-органическую» и «растительную» стадию в истории человечества [1, с. 8]. Но там оно было наполнено созерцательным контекстом, поскольку выражалось космологически в идее предустановленной гармонии между микрокосмом и макрокосмом как равнозначными мирами. В последующие эпохи истории культуры органическое мировоззрение постепенно сошло на нет, уступив доминированию механистического мировоззрения. В результате промышленной революции в XIX в. в силу индустриализации и научно-

технологического освоения все более мощных искусственных источников энергии возрождается потребность в органическом мировоззрении, но уже в деятельностном его содержании как ответственность человека за созидание гармонии с окружающим миром во все более усложняющихся условиях глобализации активности человека с тем, чтобы, говоря образно, не быть слоном в посудной лавке.

Созерцательный и деятельностный типы мировоззрения противоположны непосредственно по аксиологическому основанию, поскольку их дифференциация определяется постановкой проблемы свободы – ответственности, и они глобальны в этом отношении [см. 5, 15], ибо созерцательный тип актуален во всех культурах доиндустриального периода, а деятельностный -начинает охватывать культуру всех стран, вступающих в индустриальную эпоху. Одним из первых эту глобальную мировоззренческую трансформацию отмечает Е. Эдельсон, выразивший в середине XIX в. понимание принципиально возросшей меры ответственности человечества: «Как изменилось положение человека на земле! Каким гордым сознанием своего нового значения должен он был проникнуться! Прежде игрушка в руках мощной судьбы, которого вся забота должна была ограничиваться лишь предохранением себя и ближайшего к себе от превратностей рока, без сил влиять на далекое будущее и, следовательно, без заботы о нем – теперь он сильный деятель, стоящий лицом к лицу со всем грядущим – он сеятель жатвы, которая не погибнет, он и ответственный за будущее» [14, с. 8]. Страхов, который вступил в полемику с Эдельсоном как раз по поводу понимания генезиса и значения органических категорий, выражает глобальную мировоззренческую трансформацию с категориальной четкостью, причем сразу теоретически увязывая переход от созерцательного мировосприятия к деятельностному с усвоением органически деятельностного мировоззрения: «Так – неизменность сущности обыкновенно полагается в ее *самонедеятельном бытии*. Между тем такого бытия нет; все, что существует, существует настолько, насколько действует; самая сущность вещества состоит в его деятельности. *Деятельность* есть понятие более трудное, чем *бытие*. Бытие, так или иначе, мы можем представлять, - деятельности же вообще нельзя представлять. ... Поэтому, ограничиваясь одним представлением, материалисты и натуралисты никак не могут понять самодеятельности вещества» [12, с. 406], а заодно и то, что «...деятельность сознательную всегда можно предпочитать деятельности бессознательной» [12, с. 416].

Органический тип мировоззрения противоположен механистическому непосредственно по теоретико-методологическому основанию, а аксиологическое содержание в них выводится уже опосредованно, соответственно их основанию, как созерцательное или деятельностное. Теоретико-методологическую противоположность мировоззренческих антагонистов особенно отчетливо выразил Н.О. Лосский, подчеркнув, что в принципе существуют два миропонимания, разделяющие представителей всех философских направлений: органическое и неорганическое

(механистическое) [3, с. 339-343]: либо мир – это механизм, составленный из элементов, способных «существовать самостоятельно и совершенно независимо друг от друга, и от целого» [3, с. 340]; либо мир – это организм, где «первоначально существует целое, и элементы способны существовать и возникать только в системе целого» [3, с. 340-341]. По-другому, если с точки зрения механицизма все существует неизменно и изолированно, т.е. связи между явлениями носят чисто внешний характер рядоположенности и односторонней обусловленности, то органическое мировоззрение, напротив, воспринимает мир как внутренне единый и целостный, поскольку все элементы в нем не просто связаны, но и взаимно обуславливают друг друга, будучи открытыми самоорганизующимися и саморазвивающимися системами. Каждая из этих теоретических моделей восприятия мира выступает основанием соответствующей методологии жизнедеятельности. Уже в предисловии к первому изданию книги «Мир как целое» Страхов, раскрывая основную целенаправленность своей работы, подчеркивает теоретическое обоснование органического мировоззрения: «*Мир есть целое*, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум. *Мир есть единое целое*, то есть он не распадается на два, три или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. ... *Мир есть связанное целое*, то есть все его части и явления находятся во взаимной зависимости. ... *Мир есть стройное целое*, или, как говорят, -гармоническое, органическое целое. ... Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие; и отношения между этими частями таково, что они представляют гармонию, *служат* одни для других, образуют одно целое, в котором нет ничего ни лишнего, ни бесполезного» [12, с. 66-67].

Страхов теоретически отчетливо выражает историческую актуальность органического мировоззрения в наступившую индустриальную эпоху как необходимость преодоления механистической парадигмы, которая была эффективна в XVII-XVIII вв., подготавливая промышленный переворот, и становится смертельно опасной для человечества, осваивающего все более мощные виды искусственных источников энергии. В статье «Органические категории» (1860 г.), ставшей программной для российского органицизма, он пишет о том, что эти «Слова: организм, органический, развитие и пр. беспрерывно встречаются в настоящее время. Почему они употребляются и что они означают, - это вопросы, на которые не всякий употребляющий их может отвечать отчетливо» [13, с. 116]. Вступая в полемику с Е. Эдельсоном по поводу генезиса органических категорий, он обосновывает ошибочность убеждения, «что идея организма дана естественными науками» [13, с. 117]. Несмотря на всю значимость науки, «органические категории унижены таким происхождением», ибо «чтобы происхождение идеи от каких бы то ни было частных наук не было для нее унижением, нужно самые науки рассматривать как одну из сторон развития человеческого духа вообще, нужно указать глубочайшие корни самых наук. Но тогда будет ясно, что идея

коренится в духе человека вообще, а не в каком-нибудь частном знании» [Там же].

Разрешение проблемы генезиса категорий, по мысли Страхова, напрямую влияет на содержание мировоззрения: поверхностное понимание генезиса обуславливает механистичность мировоззрения, ориентированного на эмпирически повседневный уровень восприятия бытия, в чем коренится дополнительная трудность его преодоления. Поэтому с горьким недоумением Страхов восклицает: «Казалось бы, науки об организмах и должны были дать идею организма, а между тем несомненно известно, что этого нет. Даже напротив, натуралисты всеми силами вооружаются против тех самых категорий, которые входят в идею организма. Они славятся тем, что изгнали из своих наук понятие *цели* и следовательно всякой целесообразности, что уничтожили понятие *потенции*, которое являлось у них под формою жизненной силы, что не признают *совершенствования*, например отвергают большее или меньшее совершенство организмов и т.д. Вообще, натуралисты не признают ничего, что бы собственно можно было назвать органическим; в тысячах книг, с тысячи кафедр они проповедают, что они надеются, что они ожидают как лучшего результата своей деятельности – возможности *свести все явления организмов на химические и физические явления*, то есть именно на механические явления, на явления прямо противоположные органическим» [там же]. Органические категории – «столь общие и обыкновенные» [там же], утверждает Страхов, «явились в мир человеческих идей именно из этого источника, из немецкого идеализма» [13, с. 118], из «Шеллинговой и Гегелевой философии» [там же]. Только философской рефлексии под силу такие универсальные обобщения фундаментальной сущности мироздания: «Органические категории вовсе не суть понятия отвлеченные от организмов; напротив – натуралистам еще придется внести их в свое изучение органической природы. А почему организмы суть существа, в которых как бы воплощаются высшие категории – это совершенно ясно; потому что организмы суть высшие существа природы и высший организм есть сам человек, микрокосм, мера вещей, самое сложное и самое цельное из всех явлений. Но не организмы произвели органические категории; они не заключают их в себе, а только подчиняются им» [13, с. 119]. Разрешая проблему генезиса органических категорий, Страхов указывает посредством категории «микрокосм» на связь с античностью в процессе разработки органической теории как рефлексии органического мировоззрения, ставшего вновь актуальным в XIX в.

Указание на немецкую классическую философию как генетический источник органических категорий весьма знаменательно, поскольку предельно абстрактное теоретическо-методологическое ядро органического мировосприятия образует диалектика Гегеля, равно как стихийная диалектичность была присуща органически созерцательному мировоззрению античности. Теоретическая рефлексивность органического мировоззрения в XIX в. приводит к тому, что «во всех образованных литературах, простой совокупности частей противопоставляют *органическое целое*, простой связи

частей – *органическую связь*, простым переменам – *органическое развитие* и т. д.» [13, с. 118]. Теория диалектики оборачивается методологией эффективной организации человеком собственной активности, ибо учит его выявлять и созидательно разрешать противоречия в процессе деятельности. Но диалектическое учение оказывается безжизненным в сугубо рациональном, теоретическом его варианте, если оно не соединяется синергично с античным исходным смыслом диалектики как искусства сократовской беседы через противоположности рождают истину. Искусство – в противоположность объективности и рациональности теории – субъективно и иррационально. Страхов, будучи последователем Гегеля, что он и сам подчеркивал, тем не менее не удовлетворяется односторонней рационалистичностью его теории диалектики и включает в понимание единства мира как организма иррациональное содержание: «Такое единство мира можно получить, не иначе как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощения духа» [12, с. 67].

Здесь кроется исходный принцип все систематики российского органицизма [см. 4, с. 20-54] – принцип всеобщности жизни, в соответствии с которым между органическим и неорганическим, живым и неживым нет непроходимой грани. При этом неорганическое рассматривается как оцепеневшие формы жизни, как ее потенция. Одновременно данный принцип содержит в себе напряженное противоречие органического и неорганического: противоположное органическому мы обозначаем не собственным положительным термином, а отрицательным, подчеркивая тем самым ведущую, доминирующую роль жизни во всем, что нас окружает. Н. Страхов в предисловии к своей книге «Мир как целое» выявляет эту мысль: «Мир неорганический в противоположность обыкновенному мнению, есть предмет более темный, до сих пор мы не имеем даже для него положительного названия, мы знаем его только как нечто противоположное родному для нас миру жизни, и называем мы его мертвым, неорганическим. Едва ли однако ж этот мир так совершенно мертв, как мы воображаем, я старался показать, что эта мертвенность только мнимая, то есть, что мы сами создаем те отрицательные понятия, под которые его подводим. Таким образом, ...здесь нет разрыва, и ... мир есть целое» [12, с. 70-71].

Органическое мировоззрение соответствует целостности мироздания, внутреннее единство и целесообразность которого обеспечивается деятельностью человека как социального субъекта, выступающего высшим уровнем организации естественного бытия, поэтому органицизму имманентна философская антропология. В иерархии систем по степени сложности их организации особая роль отводится Страховым человеку как высшей цели эволюции Вселенной: «Мир есть целое, имеющее центр; именно он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в оно целое, он есть главная

сущность и главное явление и главный орган мира» [12, с. 67]. Таким образом, принцип всеобщности жизни конкретизируется в трактовке органического целого как сферичной целесообразности, обуславливающей философско-антропологическое содержание органического мировоззрения. Сама идея сферичности органического целого, которая красной нитью проходит через творчество российских органицистов XIX в. и находит свое полноценное завершение в концепции ноосферы В.И. Вернадского как вершине научной ветви русского космизма, возвращенного именно органицизмом, не имеет плоского геометрического смысла, а означает центрирование на самоцель естественного функционирования системы, что в координатах мироздания высвечивает космическую роль человека, который из следствия саморазвития субстанции превращается в причину ее дальнейшего саморазвития. В силу высокой степени интеграции науки и философии, достигнутой на этапе постнеклассической науки, космическая функция человека конкретизируется в системе четырех вариантов антропного принципа, входящего в содержание научной картины глобального эволюционизма. В итоге философская антропология в контексте органически космического мировоззрения фундаментально раскрывает всю меру глобальной ответственности человека за последствия его деятельности. *Органически космическое мировоззрение может быть определено как восприятие окружающего мира в форме живой синергийной целостности, в контексте которой человек как ее имманентный мыслящий субъект осознает свою глобальную ответственность за все формы жизни в зависимости от уровня ее организации.*

Ключевая роль принципа всеобщности жизни в переходе от механистически созерцательного к органически деятельностному типу мировоззрения проявилась уже в XVIII в. в «коперниканском» перевороте И. Канта, который в своей ранней работе «Мысли об оценке живых сил» (1746 г.) предлагает теоретическое обоснование необходимости преодоления механистической парадигмы, утверждая, что наступило время «для защитников живых сил» [2, с. 61], присущих любому «естественному телу», ибо оно «обладает способностью самостоятельно увеличивать в себе силу, возбужденную в нем извне причиной его движения, так что в нем могут оказаться степени силы, которые не были вызваны внешней причиной движения, и притом большие, чем эта причина, не поддающиеся, стало быть, измерению той мерой, которой измеряется картезианская сила, и требующие иной оценки» [2, с. 80]. Дифференцировать механистическое и органическое мировоззрение немецкий классик пытается посредством введения понятия «активная сила» в отличие от содержания понятия «движущая сила», подразумевающего чисто механическое движение. В этой связи Кант пишет: «Движение есть только внешнее проявление состояния тела, так как хотя тело не действует, но стремится действовать; однако, когда из-за какого-нибудь предмета оно внезапно теряет свое движение, оно в момент приведения его в состояние покоя действует. ... поэтому силу тела следовало

бы вообще скорее назвать *vis active* [активная сила], чем *vis motrix* [движущая сила]» [2, с. 64].

Страхов, признавая «коперниканский» переворот И. Канта [12, с. 66], тем не менее, не удовлетворен таким сугубо рационально теоретическим подходом к раскрытию всеобщности жизни и в духе отечественной ментальности настаивает на более глубоком постижении этого принципа, по сути, в синергии рационального и иррационального: «Известно, что динамическая теория вещества считает сущностью не вещество, а силы; вещество по этой теории само происходит от взаимодействия двух сил, притягательной и отталкивающей. Но этого мало. Нужно найти силу в полном смысле живую, т.е. внутреннюю, не механическую; ... Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть в эти внутренние биения его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокие движения его сущности. Только тогда можно будет рассматривать мир как одно целое, как гармоническую сферу» [12, с. 406].

Очевидно, что вызревающая в связи с промышленной революцией рубежа XVIII-XIX вв. историческая потребность в возрождении органического мировоззрения, но не в созерцательно античном, а деятельностном содержании, осознается по-разному в контексте западно-европейской и российской ментальности. Удовлетворение этой потребности осуществляется в XIX в. в философии позитивизма и русского органицизма, дающего рождению русского космизму. В силу духа западно-европейского рационализма и сциентистского активизма классический позитивизм редуцирует рефлексию органического мировоззрения к физикализму и биологизаторству. В то время как в русском органицизме, обуславливаясь исторической молодостью русской культуры по сравнению с Западом и Востоком и вытекающим отсюда духом соборности и софийности, данная рефлексия приводит к гармонически целостному мировоззрению, творчески обосновывающему в лице Н.Н. Страбова, и не только, синергию высших идеалов Блага, Истины, Красоты и Святости. Русские мыслители позитивистскому стремлению рассматривать мир плоско, только с научной точки зрения, и формировать мировоззрение исключительно на данных точных наук противопоставили полнокровное восприятие мира, «признающее самую жизнь мерилom жизни, и потому взирающее на науку, лишь как на один из формальных элементов жизни» [6, с. 31]. При этом Н.Н. Страхов не приуменьшил, а наоборот адекватно возвысил значение науки: «Наука, конечно, стремится к познанию истинно сущего; но она определяет это сущее *только отрицательно*. Она есть постоянное *разоблачение* мира, постоянное снятие с него форм и красок, в которые он для нас облекается или, лучше, мы сами его облекаем» [10, с. 130]. Цель науки: «*сознательно выделить все отрицательное и, следовательно, сознательно стать лицом к лицу перед положительно-сущим*» [там же]. Только при этом условии можно почувствовать за мертвенностью *сухой науки теплую струю духовной жизни* и понять науку как принадлежащую «к тем деятельностям, которые ведут человека к исполнению его назначения; она не только есть чистое дело, - она есть *дело святое*» [там же].

Актуальность органического мировоззрения, только возросшая в наше время, как нельзя лучше, выражена в словах Николая Николаевича: «Механические категории господствуют и донныне с большою силою и не только в естественных науках, но и во всех областях знания. На них опирается то учение, что даже в человеческом мире все зависит от обстоятельств, от предшествовавших влияний, от среды, что с человеком и с целым народом можно поступать так, как мы поступаем с камнем и металлами, то есть сделать из них то, что пожелаем сделать» [13, с. 118].

Список литературы

1. Бердяев, Н. Человек и машина: проблема социологии и метафизики техники [Текст] / Н. Бердяев // Путь. – 1933. – № 38. – С. 3-38.
2. Кант, И. Мысли об оценке живых сил [Текст] / И. Кант // Кант И. Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса [и др.] – Москва, 1963-1966. – Т. 1. – 1963. – С. 51-82.
3. Лосский, Н.О. Мир как органическое целое [Текст] / Н.О. Лосский // Лосский Н.О. Избранное. – Москва, 1991. – С. 337-480.
4. Маслобоева, О.Д. Российский органицизм и космизм XIX-XX вв.: эволюция и актуальность [Текст] : учеб. пособие / О.Д. Маслобоева. – Санкт-Петербург, 1995. – Ч. 1. – 67 с.
5. Маслобоева, О.Д. Глобальный тип мировоззрения [Текст] / О.Д. Маслобоева // Глобалистика = Global studies : междунар. междисциплинар. энцикл. словарь / гл. ред. и сост.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – Москва [и др.], 2006. – С. 240.
6. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов [Текст] : критико-биогр. очерк / Б.В. Никольский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. – 56 с.
7. Снетова, Н.В. Н.Н. Страхов как философ [Текст] / Н.В. Снетова // Вестник Оренбургского государственного университета. Прил. Гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 11-16.
8. Страхов, Н.Н. Письмо Н.Н.Страхова М.Н.Каткову от 21 авг. 1861 г. [Текст] / Н.Н. Страхов // Труды отдела рукописей РГБ. – Ф. 120. Копии писем к М.Н. Каткову. – № 21.
9. Страхов, Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1865. – XII, 185 с.
10. Страхов, Н.Н. О вечных истинах [Текст] : мой спор о спиритизме / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1887. – XXXVIII, 130 с.
11. Страхов, Н.Н. Значение гегелевской философии в настоящее время [Текст] / Н.Н. Страхов // Страхов Н.Н. Философские очерки. – Санкт-Петербург, 1895. – С. 51-99.
12. Страхов, Н.Н. Мир как целое [Текст] : черты из наук о природе / Н.Н. Страхов. – Москва : Айрис-Пресс, 2007. – 570 с.
13. Страхов, Н.Н. Органические категории [Текст] : по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма». Библиотека для чтения. 1860. № 3 / Н.Н. Страхов // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 116-124.
14. Эдельсон, Е. Идея организма и ее положение в различных сферах знания [Текст] / Е. Эдельсон // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 1205. – Оп. 1. – № 144.
15. Masloboeva, O. Clobal World Outlook [Text] / O. Masloboeva // Global Studies: Encyclopedic Dictionary / eds.: A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay. – Amsterdam ; NewYork, 2014. – P. 226-228.
16. XXIV World Congress Philosophy, Beijing, 13-20 August 2018 [Electronic resource] / International Federation of Philosophical Societies, Peking University. – Beijing, 2018. – Mode of access: <http://wcp2018.pku.edu.cn>.

References

1. Berdyaev, N. *СНеловек i mashina [Tekst] : problema sociologii i metafiziki tekhniki / N. Berdyaev // Put'.* – 1933. – № 38. – S. 3-38.
2. Kant, I. *Mysli ob ochenke zhivyyh sil [Tekst] / I. Kant // Kant I. Sochineniya : v 6 t. / pod obshch. red. V.F. Asmusa [i dr.].* – Moskva, 1963-1966. – T. 1. – 1963. – S. 51-82.
3. Losskij, N.O. *Mir kak organicheskoe celoe [Tekst] / N.O. Losskij // Losskij N.O. Izbrannoe.* – Moskva, 1991. – S. 337-480.
4. Masloboeva, O.D. *Rossijskij organicizm i kosmizm XIX-XX vv.: ehvolyuciya i aktual'nost' [Tekst] : ucheb. posobie / O.D. Masloboeva.* – Sankt-Peterburg, 1995. – CH. 1. – 67 s.
5. Masloboeva, O.D. *Global'nyj tip mirovozzreniya [Tekst] / O.D. Masloboeva // Globalistika = Global studies : mezhdunar. mezhdisciplinar. ehncikl. slovar' / gl. red. i sost.: I.I. Mazur, A.N. СHumakov.* – Moskva [i dr.], 2006. – S. 240.
6. Nikol'skij, B.V. *Nikolaj Nikolaevich Strahov [Tekst] : kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skij.* – Sankt-Peterburg : Tip. A.S. Suvorina, 1896. – 56 s.
7. Snetova, N.V. *N.N. Strahov kak filosof [Tekst] / N.V. Snetova // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pril. Gumanitarnye nauki.* – 2005. – № 4. – S. 11-16.
8. Strahov, N.N. *Pis'mo N.N.Strahova M.N.Katkovu ot 21 avg. 1861 g. [Tekst] / N.N. Strahov // Trudy otdela rukopisej RGB.* – F. 120. Kopii pisem k M.N. Katkovu. – № 21.
9. Strahov, N.N. *O metode estestvennyh nauk i znachenii ih v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strahov.* – Sankt-Peterburg : Tip. EH. Praca, 1865. – XII, 185 s.
10. Strahov, N.N. *O vechnyh istinah [Tekst] : moj spor o spiritizme / N.N. Strahov.* – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1887. – XXXVIII, 130 s.
11. Strahov, N.N. *Znachenie gegelevskoj filosofii v nastoyashchee vremya [Tekst] / N.N. Strahov // Strahov N.N. Filosofskie ocherki.* – Sankt-Peterburg, 1895. – S. 51-99.
12. Strahov, N.N. *Mir kak celoe [Tekst] : cherty iz nauk o prirode / N.N. Strahov.* – Moskva : Ajris-press, 2007. – 570 c.
13. Strahov, N.N. *Organicheskie kategorii [Tekst] : po povodu stat'i g. EHdel'sona «Ideya organizma». Biblioteka dlya chteniya. 1860. № 3 / N.N. Strahov // Voprosy filosofii.* – 2009. – № 5. – S. 116-124.
14. Masloboeva, O. *Clobal World Outlook [Text] / O. Masloboeva // Global Studies: Encyclopedic Dictionary / eds.: A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay.* – Amsterdam ; NewYork, 2014. – P. 226-228.
15. XXIV World Congress Philosophy, Beijing, 13-20 August 2018 [Electronic resource] / International Federation of Philosophical Societies, Peking University. – Beijing, 2018. – Mode of access: <http://wcp2018.pku.edu.cn>.

УДК 130.2''929Страхов

Могилевич И.М., Денисова И.М.

*ГБОУ «Вторая Санкт-Петербургская Гимназия»,
г. Санкт-Петербург, Россия*

К БИОГРАФИИ Н.Н.СТРАХОВА – СТУДЕНТА ГЛАВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВТОРОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу архивных документов, позволивших не только выявить новые сведения о жизни Н.Н. Страхова в 1845-1862 годы, подвергнуть критике давно используемые публикаторами сведения о нём, но и обобщить материал о становлении психологического облика критика и философа.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, И.В. Вышнеградский, А.Ф. Постельс, школьная реформа, преподавание, публицистика, воспитание.

Mogilevich I.M., Denisova I.M.
Second St. Petersburg Gymnasium, St. Petersburg, Russia

TO THE BIOGRAPHY OF N. N. STRAKHOV - THE STUDENT OF THE MAIN PEDAGOGICAL INSTITUTE AND THE TEACHER OF THE SECOND SAINT-PETERSBURG GYMNASIUM

Annotation. The article is devoted to the analysis of archival documents, which has allowed not only to reveal new information about the life of N. N. Strakhov in 1845-1862 years, to criticize the long-used by publishers information about it, as well as to summarize the material about the formation of the psychological appearance of critic and philosopher.

Key words: N. N. Strakhov, V. I. Vyshnegradsky, A. F. Postels, school reform, teaching, journalism, education.

«Тебе грустно, бедный младенец!»

(Из письма И.А. Вышнеградского Н.Н. Страхову в июле 1850 г.¹).

«Как будто энергия мышления есть что-то не действительное, что-то пустое и ни к чему не ведущее. Что ж за беда, что воля некоторых лиц ослабеет? Разве им непременно нужна сильная воля?»

(Из статьи Н.Н. Страхова 1860 г. [45, с.40]).

«Когда переберу все воспоминания, тут на меня нападает тоска. За все тридцать лет – ни одной светлой эпохи, кроме разве беспутной *зари возрождения* 1859-61.»

(Из письма Н.Н. Страхова А.А. Фету в сентябре 1885 г. [59, с.403]).

Этот период полноты жизни, указанный склонным к ипохондрии (впрочем, и к самоиронии тоже) Страховым, падает не только на разнообразные ожидания начала царствования Александра II, но и на время окончательного выбора жизненного занятия самим Николаем Николаевичем – в эти годы старшего учителя естественных наук Второй Санкт-Петербургской гимназии (далее - Гимназия), отработавшим минимально необходимые восемь лет после бесплатного обучения в Главном педагогическом институте (ГПИ).

Николай Николаевич Страхов не оставил традиционных мемуаров; однако за четыре года до смерти он подытожил свои жизненные впечатления, выпустив сборник-автопортрет [42]. В него вошли описания наиболее ярких путешествий, статья философского толкования нравственности, несколько статей-воспоминаний о деятелях культуры, несколько рецензий, 20 стихотворений и «отрывок из ненаписанной повести» под названием «Последний из идеалистов». Хотя сюжет последнего довольно банален (случайно попавшая к публикатору рукопись знакомого доктора), портрет

---

¹ Письма Ивана Алексеевича Вышнеградского Страхову 1849-1894 гг. // РО РНБ. Ф. 747. № 12. (Далее – *Письма Вышнеградского*). Л. 115. Датировка писем, проведенная нами по контексту, обозначена курсивом.

героя кажется нам наиболее тонким «объяснением Страхова», поэтому использован в данной статье (наряду с беллетризированными воспоминаниями о нем его многолетнего соседа по квартире Д.И. Стахеева) при анализе документальных материалов.

Семинарист Страхов оформил выход из духовного сословия в 18 лет¹ и поступил в Императорский СПб университет² (далее - Университет). (В своей автобиографии, написанной при подаче документов для сдачи магистерского экзамена он назван иной год поступления в Университет - 1845³). В августе 1845 г. Николай Николаевич из-за двойки по латыни не смог поступить на отделение общей словесности философского факультета и просил зачислить его своекоштным слушателем на математическое отделение⁴. Весной 1846 г. «своевольный студент» Николай Страхов был переведен на второй курс математического отделения философского факультета с тройками по всем

Рис. 1. Вид здания Двенадцати коллегий в Петербурге. Арх. Д. Трезини, 1742 г.; реконструкция А.Ф. Щедрина, 1835 г. ГПИ с июня 1838 г. по октябрь 1858 г. размещался в северной (правой на фото) половине здания. (В южной находился Университет.) На втором и третьем этажах институтской половины в 1849-1851 гг. располагались спальни, классные, репетиционные, рекреации, библиотека и кабинеты. (Скопировано фото из архива Меншуткина URL<http://journal.spbu.ru/?p=6063>)

¹О Службе библиотекаря Страхова // ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1873г. Д. 62. (Далее – *О службе*) Л. 2.

²О распределении студентов, окончивших в 1851 г. курс // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2284. Л. 47.

³О допущении окончившего курс в Главном педагогическом институте Николая Страхова к испытаниям на степень магистра зоологии // ЦГИА. Ф.14. Оп. 3. Д. 5668. Л. 8.

⁴По прошению студентов по перемене факультетов и разрядов // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4758. Л. 42.

математическим дисциплинам, четверкой по физической географии и пятеркой по догматическому богословию¹. Через год, в марте 1847 г. Страхов подал заявление с просьбой о переводе с математического на естественнонаучное отделение этого же факультета этого же курса с обязательством сдать все полагающиеся экзамены весной. И хотя первоначальная резолюция декана предлагала перейти на первый курс, к маю месяцу дело уладилось без потери года². Однако в экзаменационных списках естественнонаучного отделения второго курса (1847 г.) Страхов оценок не имел.³ По-видимому, академические успехи оставались в том же состоянии и в следующем полугодии, так как в феврале 1848 года Страхов оставил Университет⁴ и поступил в закрытое учебное заведение – ГПИ. (Герой страховской повести пояснял свой переход трудностью жизни на шестирублевую месячную стипендию: «Год я пробился на эти деньги, но увидел, что дело [учеба] идет плохо, и перешел...» [42, с. 279]).

В ГПИ в это время происходила реорганизация: сократили продолжительность обучения с шести до четырех лет, изъяли юридический факультет, оставив только историко-филологический и физико-математический, уменьшили педагогическую практику в пользу увеличения числа творческих и исследовательских работ [36, с. 4, 8, 31 первой паг.; 27 третьей паг.]. В 1848 г. из семи поступавших в ГПИ студентов университета и семинарий (остальные студенты ГПИ перешли из «предварительного» отделения института) приняты были лишь трое⁵. Обучение в ГПИ шло 6 дней в неделю, 11 месяцев в году. Баня – раз в две недели. Смена белья постельного и нижнего – дважды в неделю. Форма – университетская, включая шпагу на улице. Подъем в общекурсовой спальне – в шесть; завтрак (молоко с хлебом) – в половине девятого; а до завтрака – два часа подготовки к занятиям. Лекции – в старшем отделении (два года обучения) шли с девяти до трех (в полдень, прямо в рекреации, студенты получали кусок черного хлеба с солью), а в младшем (также двухгодичном) не только до обеда, но и полтора часа после обеда. Вечером, с семи до половины девятого – самостоятельная подготовка. В три часа и полдевятого – обед и ужин соответственно. В половину одиннадцатого отправлялись спать [36, с. 13, 32, 43 первой паг.]. И ночью, и днем рядом со студентами находятся дежурные надзиратели, составлявшие еженедельные, ежемесячные и годовые оценки поведения. Эти оценки воспитанников «малолетнего» и «приготовительного» отделений пестрят тройками; переходя в «студенты» (по возрасту переходя из тинэйджеров в юноши) учащиеся делались благонравнее – тут уже и четверка редко мелькает среди пятерок.

---

¹Результаты студенческих испытаний в 1846-47 году // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 4794. Л. 24,30.

²О перемещении студентов факультетов и разрядов // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 4822. Л. 10, 12, 13.

³О результатах студенческих испытаний, проведенных в 1847 г. // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4807. Л. 41,52,53.

⁴Об увольнении студентов в 1848-49 году // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4859. Л. 2.

⁵Протоколы Конференции Главного Педагогического института в 1848 г. // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2521. Л. 3-3 об, 13-13 об.

Рис.2. На фрагменте французской литографии середины XIX в. изображен студент Университета. Темно-зеленое мундирное сукно введено в 1835 г. Изображение скопировано из [27]; раскрашено – М.Б. Мошкович

Но даже привыкший к интернатским условиям в семинарии Страхов, появившись в ГПИ, вначале имел по поведению «3,5» - ему в упрек ставили: «Поздно встает. Громко разговаривает в столовой. Подает подозрение в курении табака. Не усерден в церкви».¹ Однако уже в следующем, 1849 г., у Страхова по поведению – «4», почти по всем предметам – «5», только по химии и ботанике – «4», а по французской словесности – «3,5»². Зная Страхова в его зрелые годы отмечают его молчаливость, деликатность, спокойную медлительность. Приобрел ли он эти черты после окончания ГПИ, или они не совпадали с принятыми в ГПИ стандартами, определить затруднительно; но при окончании института в 1851 г. отличник Страхов (из всех предметов у него лишь по закону Божию «4,5», по французской словесности – «4») по поведению имел редкую для выпускника четверку³.

Студенты старшего отделения по записке директора могли после обеда днем (и в воскресные дни после завтрака) отлучаться из ГПИ. Они этим пользовались не только для прогулок, визитов к родственникам, но и для

¹Об успехах и поведении студентов и воспитанников // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2248. (Далее – *Об успехах...*). Л. 21.

²Там же. Л. 65-75, 143-144.

³Об экзаменах 1851года // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1856. Л. 16об.-17.

заработка (давали уроки¹), посещения оперы и концертов² и даже для знакомства с «милыми созданиями»³. Причем оба последних занятия, разумеется, требовали строжайшего сокрытия от глаз и ушей начальства. Неизвестно, как называлось последнее времяпрепровождение, но походы в театр звались «Большая Конспирация»⁴. Разумеется, курить (несмотря на присутствие надзирателей и педагогов) Страхов начал в ГПИ⁵ – к сожалению, эта привычка привела его к оперированию опухоли гортани в пожилом возрасте [39, с. 81-94].

Круг изучаемых предметов физико-математического отделения ГПИ был широк. Во-первых, языки: латынь и древнегреческий, а еще – немецкая, французская и российская словесность, математика (включая высшую алгебру, дифференциальное, интегральное и вариационное исчисление, аналитическую геометрию и теорию механики), физика (при Страхове читалась на французском языке), астрономия, химия (неорганическая, органическая, аналитическая, технологии и большой лабораторный практикум), минералогия, ботаника, зоология, законоведение, философия (логика и психология), педагогика, искусства (по желанию), церковное пение, танцы и фехтование [37, с. 12-13]. Английский язык не преподавали; его желающие студенты могли изучать на публичных лекциях Гасфельда; для этого надо было тратить небольшие суммы – для Вышнеградского они не составляли проблемы⁶, а Страхов зарабатывал сам. Однако активный и жадный до учения Вышнеградский в начале 1849-50 учебного года обратился к директору ГПИ с «всепокорнейшею просьбою о доставлении нам средств и пособий для участия в курсе английского языка»⁷. Не только при поступлении в ГПИ шел строгий отбор – он продолжался все годы обучения, и его не выдержавшие отправлялись учителями в уездные училища. И даже выпускные экзамены делили выпускников на «старших» и «младших» учителей гимназий. Так, из 12 человек физико-математического отделения 1849 г. на старший курс в 1851 г. перешли только 9, а диплом старшего учителя получили 5 человек [36, с. 45-47, 54], [37, с. 10-12].

Все три с половиной года обучения на физико-математическом факультете Страхов занимал вторую рейтинговую позицию⁸ [36, с. 54 второй паг. и 47 третьей паг.]. (Герой страховской повести признается: «Я когда-то очень любил математику» [42, с. 261]). Первым шел Иван Алексеевич Вышнеградский, сын провинциального священника, ставший в 1887-1892 гг. министром финансов Российской империи. Их сближение в закрытом учебном заведении удивления не вызывает – находясь рядом по учебному рейтингу, они занимали соседние места за учебным и обеденным столами и в спальне. Но

¹Письма Вышнеградского. Л. 84-84об. (23.07.1849); Л. 73 (07.07.1850).

²Письма Вышнеградского. Л. 6 (06.07.1849), Л. 73 (07.07.1850); Л. 14об.-15 (03.02.1852).

³Письма Вышнеградского. Л. 1об.(30.06.1849); 71 об.(07.07.1850); 100 (15-16.07.1856).

⁴Письма Вышнеградского. Л. 14об.-15 (03.02.1852).

⁵Письма Вышнеградского. Л. 6 (06.07.1849); Л. 69об. (07.07.1850); 108об. (15.07.1856); *Об успехах...* Л. 21.

⁶Письма Вышнеградского. Л. 11 (13-14.07.1849).

⁷*Об успехах...* Л. 136.

⁸Протоколы Конференции Главного Педагогического института в 1849 г. // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2522. Л. 25.

дружба сохранилась и после взросления и расхождения жизненных путей: Вышнеградский вытянул Страхова в Петербург из Одессы, куда тот был первоначально распределен; Страхов выполнял многочисленные поручения Вышнеградского во время его двухлетней зарубежной командировки; Страхову Вышнеградский написал отчаянную записку после сложных родов жены¹; к библиотекарю Страхову на пятый этаж взобрался директор Технологического института профессор Вышнеградский и, не застав того дома, «... поздравил с праздником Вашу кошку... и вместе с тем её малолетних детей...»². В юности они совпадали в главном: стремлении «узнать много, страшно много, много даже ненужного».³

Оба молодых человека совершенно откровенны друг с другом, поэтому любопытна характеристика двадцатилетнего Страхова, которую, по его просьбе, дал его верный семнадцатилетний камрад (всё время сбиваясь на собственную персону, что извинительно для его лет): «Ты боишься показать свой портрет самому себе, не то что мне; напрасно! Я твердо убежден, что на нем нет ничего гнусного; ...Ты самолюбив, как все; этого нельзя отвлечь ни от одного человека... Где же ещё твои недостатки? Я их не вижу... Хочешь, я скажу, что составляет твоё главное достоинство, по моему мнению? Ты прям и откровенен! Я не видал тебя нигде почти, кроме Института... Ты мне говорил отчасти о себе, но я все-таки не имею о тебе в этом отношении полного понятия. Ты умен, ты основателен... Что ты опытнее меня, что ты больше меня думал, то это без сомнения. Ты, может быть, уже около 10 лет как живешь, думая о том, как и для чего ты живешь, вспоминая свои поступки», имея возвышенную цель. Я года только три как несколько поднялся над омутом жизни... Это же твоё превосходство в отношении ко мне... твой врожденный дар быстрее и зорче меня пронизывать вещи, иногда оскорблял моё самолюбие...»⁴.

Устав Института 1828 г. с дополнениями 1847 г. [1, с. 15-18, 27] предусматривал подготовку педагогов не только для средних учебных заведений, но и для высших. В последние направлялись, после дополнительной подготовки, лучшие из выпускников. Эта подготовка до 1841 г. включительно проводилась в европейских университетах (как правило, немецких); в 40-е-50-е гг. выезды прекратились: зачисленные адъюнктами выпускники готовились к магистерскому экзамену [1, с. 11-129] после преодоления которого делали обыкновенную преподавательскую или академическую карьеру. Почти за полгода до выпуска Конференция педагогов ГПИ распределяла студентов на вакантные места учителей «по достоинству, с учетом того, по какому предмету кто из них успешнее» [1, с. 156] (учитывая текущую успеваемость, результаты экзаменов и «благодравие»). Такое предварительное распределение 1851 г., сделанное Конференцией ГПИ, предполагало оставить адъюнктами для приготовления к магистерскому званию шестерых лучших выпускников,

---

¹Письма Вышнеградского. Л. 74-75об. (11.07.1859).

²Письма Вышнеградского. Л. 124. (после 1878г.).

³Письма Вышнеградского. Л. 115об. (конец июля 1850).

⁴Письма Вышнеградского. Л. 81об.-82. (23.07.1849).

включая Страхова и Вышнеградского (их - на кафедре математики)¹. Однако это предложение одобрено не было.

В 1851 г. месяц, с 15 мая проходили открытые (в присутствии министра народного просвещения, руководителей СПб учебного округа (далее - Округа) и даже высочайших персон) экзамены воспитанников VI выпуска, а 23 июня на торжественном акте сам министр вручил лучшим выпускникам медали [1, с. 92-93]. Таких в VI выпуске оказалось шестеро: четверо филологов (две золотые и две серебряные медали) и двое математиков с серебряными медалями – Иван Вышнеградский и Николай Страхов [1, с. 111-129]. Все медалисты-филологи получили места в вузы (университеты, институты, лицеи), а два друга-математика – нет. Своего любимца Ивана Вышнеградского профессор математики ГПИ М.В. Остроградский устроил своим ассистентом во Второй кадетский корпус (организовав специальное «высочайшее» ходатайство еще в феврале 1851 г.)², чуть позднее – и в Михайловское артиллерийское училище, где Иван Алексеевич продолжил своё образование по прикладной математике под руководством институтского педагога. (Через 11 лет Вышнеградский, узнав о смерти учителя, напишет: «Он был добр ко мне несказанно... Я гордился расположением ко мне этого человека больше, чем чьим-нибудь другим»³). Он не только угадал в двадцатилетнем Вышнеградском способного лектора и методиста, он раскрыл в нём его истинное призвание – ученого-механика и практика-конструктора, развившего теорию автоматического регулирования, способствовавшего строительству железных дорог и реорганизации после Крымской войны и военного производства, и двигателестроения.

В Одессу были направлены трое из VI выпуска ГПИ: в Ришельевский лицей преподавателем педагогики - Роберт Орбинский (сын финского гравера, серебряный медалист ГПИ, прижившийся в Одессе и дослужившийся до инспектора Ришельевской гимназии, а потом и директора коммерческого училища [18, с. 68], [23]. А во II Одесскую гимназию (далее – II гимназия) были назначены Страхов (серебряный медалист ГПИ - старшим учителем математики и физики) и Михаил Зиновьев (средний в ранжированном списке филологов, также получивший диплом старшего учителя [37, с. 10]) – младшим учителем русского языка и географии. (Зиновьев проболел время выпускных экзаменов, сдавал их уже осенью, назначение получил только в середине ноября⁴ вместе с обещаниями, что будет переведен на должность старшего учителя при первой же открывшейся вакансии.)

Одесса во время появления в ней Страхова была бурно растущим городом порто-франко, с 96,5-тысячным населением, 76 общественными зданиями и 70 садами, 47 заводами, 34 церквями, 4 синагогами, 2 гимназиями, институтом благородных девиц, 34 училищами, школами и пансионами и 59 еврейскими училищами. В них училось 6118 человек, а учили – 383 [38, с. 270-279], что дает соотношение 16:1. (В это время в Санкт-Петербургском учебном округе это соотношение было 26:1 [13, с. 65, 101].

¹Об экзаменах 1851 года // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1856. Л. 14.

²Об определении студентов в учителя // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4033. Л. 5.

³Письма Вышнеградского. Л. 118. (январь 1862 г.).

⁴О распределении студентов, окончивших в 1851 г. курс // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2284. Л. 110-110об.

В городе было несколько частных библиотек, была богатая библиотека Ришельевского лицея и особый «кабинет для чтения» с иностранными газетами и журналами во II гимназии [6, с. 9]. В 1849 г. переполненную гимназию при Ришельевском лицее «разгрузили», оставив в ней только пансионеров и полупансионеров, а все приходящие гимназисты стали учиться во II гимназии. Большинство преподавателей-ришельевцев стали в ней совместителями, но не очень охотно – ставки в новой гимназии были почти на 17% ниже [6, с. 1, 6, 8]. Из-за коммерческой специализации города гимназическая программа во II гимназии была дополнена изучением третьего нового языка – итальянского. Возможно, и Страхов начал учить итальянский именно здесь.

Страхов выехал из Петербурга в конце августа 1851 г.; он получил прогоны на двух лошадей на дорогу в 1730 верст в размере 86,67 руб.¹ и подъёмные в треть годового жалованья (143 руб.)². В пути до Одессы сделал короткую остановку в Москве. Для поддержки в чужом месте все разъехавшиеся молодые педагоги были экипированы казённой одеждой и книгами, которыми пользовались в ГПИ³.

На квартире Страхов поселился вместе с Орбинским⁴ (правда, в конце апреля они поссорились и разъехались⁵). Несмотря на высокую педагогическую нагрузку (Страхов имел 17 часов в неделю – в те времена это считалось тяжёлым⁶), Николай Николаевич совершал многочисленные экскурсии по окрестностям, много читал. Книгами его и Орбинского снабжал Вышнеградский⁷. (Зарабатывая в Петербурге при меньшей чем у Страхова на 30% нагрузке больше его на 30%, друг посылал книжные посылки на сумму не более 15 рублей без возврата денег;⁸ иногда отсылал Страхову и денежные переводы⁹). Круг чтения Страхова был разнообразен – тут и труды по математике¹⁰ (тригонометрия, геометрия, алгебра), физике (к обсуждению результатов опыта Фуко друзья возвращались дважды¹¹) и беллетристика¹² (эта литература была доступна и в Одессе), и философия Канта¹³. В Одессе Страхов стал переводить древних греков¹⁴. (Возможно, то было влияние директора II гимназии профессора классических языков и археолога Павла Васильевича Беккера [6, с. 7].) Продолжал писать стихи¹⁵. (Стихотворчество было обычным занятием Страхова всю его жизнь – он единственный из своего курса в ГПИ в

---

¹Об окончивших курс студентов института и распределении их к местам // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3360. Л. 17-18об.

²О службе... Л. 2об.

³Об окончивших курс студентов института и распределении их к местам // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3360. Л. 27-27об.

⁴Письма Вышнеградского. Л. 50 (12.01.1852).

⁵Письма Вышнеградского. Л. 24 (03.05.1852).

⁶Письма Вышнеградского. Л. 94об. (28.10.1851).

⁷Письма Вышнеградского. Л. 101об. (24.12.1851).

⁸Письма Вышнеградского. Л. 94об. (28.10.1851).

⁹Письма Вышнеградского. Л. 95об. (28.10.1851).

¹⁰Письма Вышнеградского. Л. 22, 25, 29, 95об., 100.

¹¹Письма Вышнеградского. Л. 49, 54.

¹²Письма Вышнеградского. Л. 15об, 22.

¹³Письма Вышнеградского. Л. 22.

¹⁴Письма Вышнеградского. Л. 22.

¹⁵Письма Вышнеградского. Л. 27-27об (17-31.05.1852).

качестве творческой работы по русской словесности в 1848-49 учебном году представил стихотворение «Возвращение на родину»¹, а в конце жизни включил «Думу» 1884 г. в свой итоговый сборник [42, с. 313].) Когда вопрос с переводом в Петербург был уже решен, Страхов, вероятно, предполагал серьезно проявить себя в преподавании, задумал написать пособия. На его вопрос Вышнеградский разузнал, что пособия уже пишут: «По зоологии пишет руководство для гимназии Симашко – тот самый, что издает Русскую Фауну; по ботанике – И.О. Шиховский [профессор ГПИ] – рисунки делает его супруга; знаешь и до чего дошел патриотизм нашего почтенного И.О.? Он поместил в своей Ботанике только те растения, которые названы по именам русских натуралистов!»².

Очередная реорганизация среднего образования 1849-51 гг. предусматривала замену греческого языка (в тех гимназиях, где он преподавался) на изучение естественной истории [21]. (Как гимназический предмет греческий был оставлен в единственной столичной Третьей гимназии в 6 университетских городах, в четырех городах со значительной греческой диаспорой и трех прибалтийских городах. По мере появления финансирования естественную историю предполагали ввести во все гимназии страны.) У Страхова был хороший информатор в Петербурге: Высочайший указ о введении естествознания вышел в октябре 1851 г.; министерский приказ о введении нового предмета был издан в конце мая 1852 г.³, а Страхов знал эту новость с октября 1851 г.⁴ Его «камрад» Вышнеградский был не просто информатором – он фактически организовал перевод Страхова из Одессы в Петербург – организовал, не имея (как не имел и сам Страхов) никаких влиятельных знакомств и рычагов воздействия; организовал, хлопоча через своих бывших преподавателей в ГПИ (два года преподававшего им логику и опытную психологию философа А.А. Фишера, зоолога Ф.Ф. Брандта, ботаника И.О. Шиховского, химика А.А. Воскресенского и математика М.В. Остроградского⁵). Организовал, упорно подталкивая теряющего надежду Страхова к писанию необходимых бумаг и самолично доставляя их. Из одиннадцати сохранившихся писем Вышнеградского Страхову в Одессу в восьми обсуждаются аспекты перевода. Впрочем, какое-то содействие оказал и директор ГПИ И.И. Давыдов⁶ (которого, к слову сказать, оба приятеля уважали не много и в переписке именовали «Московский Старовер»⁷). Особенно часто в письмах упоминается имя академика Адама Андреевича (Адама-Иосифа) Фишера, так как в 1851-52 гг. он не только преподавал в Университете и Духовной академии, но был директором Ларинской гимназии. Фишер покинул ГПИ в 1850 г., после запрета преподавания философии светским лицам и охотно брал выпускников ГПИ в Ларинскую гимназию (из I выпуска - троих; из

---

¹Об успехах... Л.17об.

²Письма Вышнеградского. Л. 24об.-25 (03.05.1852).

³О составлении годового по учебной части отчета за 1855 год // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2093. (Далее – Отчет 1855 г.) Л. 26.

⁴Письма Вышнеградского. Л. 95об. (28.10.1851).

⁵Письма Вышнеградского. Л. 95об., 101об., 14, 102, 104об., 24об., 28.

⁶Письма Вышнеградского. Л. 54об.(21.02.1852).

⁷Письма Вышнеградского. Л. 103об. (20.03.1852).

IV – двоих, из V – одного [1, с. 111-129]). В начале июня 1852 г. в ответ на запрос попечителя Округа, вызванный прошением Страхова о переводе в Петербург преподавать естественные науки, директор ГПИ Давыдов практически немедленно ответил: «награжденный за отличные успехи и благородное поведение серебряной медалью, состоящий ныне старшим учителем во второй одесской гимназии Николай Страхов по своим знаниям и способностям к преподаванию вполне достоин занять место учителя Естественных наук в одной из С. Петербургских гимназий, и, без сомнения, будет в этой должности весьма полезен заведению»¹.

Петербургская Вторая гимназия была открыта в 1805 г. как элемент реализации новой системы государственного управления Александра I, предусматривающей относительно четкую структуру государственного образования в стране -от начального до университетского. Петербургская Губернская гимназия (так она называлась при открытии) – первое в столице государственное системное среднее учебное заведение [16, с. 12-25]. При открытии Гимназии, кроме вновь поступивших, в неё перешли учиться 50 [16, с. 22-23] из 87 [3, с. 17] гимназистов, воспитывавшихся при Императорской Академии Наук из закрытой в 1804 г.² (фактически прием мальчиков стал единичным уже к 1801 г.³) Академической гимназии, работавшей с 1724 г. [3, с. 18]. К середине XIX в. в городе существовали уже 5 государственных мужских гимназий. Во Второй обучались около 450 человек в 1855-1860 гг.⁴, и возглавлял гимназию с 1837 по 1856 гг. известный администратор и педагог, профессор минералогии ГПИ (с 1833 по 1848 г.[42, с. 29, 42]) Александр Филиппович Постельс [32]. Вошедшие во многие словари и энциклопедии сведения о нем общедоступны; гораздо интереснее взглянуть на директора Гимназия глазами его учеников, и таких воспоминаний немало [4], [7], [10], [12], [30]. Все они отмечают полезные для учения гимназистов и жизни пансионеров нововведения, все вспоминают неукоснительный порядок, контролируемый лично директором (его рабочий стол располагался в рекреации учеников 5-7 классов; он присутствовал почти на всех обедах пансионеров; довольно часто навещался в их спальни после отбоя, неизменно навещал заболевших в лазарете; разделил переполненные младшие классы на параллели; выделил помещение «сборной» для приходящих гимназистов, тем избавив их от ожидания во дворе; организовал изучение новых языков не по классам, а по уровню подготовки, пригласил новых учителей и проч.). При Постельсе в гимназии не употребляли розог (в воспоминаниях А.М. Лазаревского как нечто нерядовое описан единственный полукурьезный инцидент, потому и запомнившийся, что был исключением). Некоторые воспоминатели жалуются на излишнюю сухость и формализм директора. Однако

---

¹По запросу попечителя С.Петербургского учебного округа может ли бывший студент Страхов занять должность учителя Естественных наук // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4077. Л. 1-2об.

²Записки академиков П.Б.Иноходцева, Н.Я.Озерецковского и Я.Д.Захарова в Академию Наук июля-августа 1804 г. // ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 889. Л. 1-4. Цитировано по: *Балашов*, С. 222-224.

³ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 887. Л. 8-10об. Список воспитанников Академической гимназии 1804г.

⁴Рапорт инспектора гимназии 1855 г. // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2128. Л. 1-1об.; О составлении годового по учебной части отчета за 1860 год // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2459. (Далее – *Отчет 1860 г.*). Л. 4.

эти сетования можно скорее отнести на подростковую жажду одобрения и ободрения, чем на душевную жесткость руководителя. Свидетельство тому – не только то, что Александр Филиппович был опорой и своей семье, и семьям своих братьев¹, но и быстрый и деятельный отклик директора на беды, настигающие его подчиненных – он старался помочь даже тогда, когда финансовый регламент это не допускал².

Рис.3. Фото 1867 г. Вид на Демидов переулок от Б. Мещанской к Мойке. Часть здания Второй гимназии – справа внизу. Во время преподавания Страхова Вторая гимназия помещалась «в собственном каменном доме о двух этажах с флигелями, выходящими в Б. Мещанскую и в Демидов пер.» почти в 130 помещениях. В них располагались не только классные комнаты, рекреации, библиотека, зал и шинельная, но и спальни, столовая, кухня и больница для пансионеров, а также квартиры директора, некоторых учителей и персонала
(Скопировано:<http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7802170><http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7802170>)

¹О Постельсе. Л. 78, 119, 121, 162.

²Об учителе Людвиге Нувеле // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 5036. Л. 13-14; Об учителе Александре Лоди // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4998. Л. 13, 13об., 21, 24, 27.

И хотя Страхов поступил в ГПИ в год увольнения из него Постельса, возможно, именно рекомендации бывших коллег Александра Филипповича (физика академика А.Я. Купфера, зоолога академика Ф.Ф. Брандта, философа профессора А.А. Фишера, бывшего, как и Постельс, членом Ученого комитета Округа и составившим с ним совместное предложение по организации практики студентов ГПИ в гимназиях города¹) послужили причиной получения Страховым места старшего учителя естественной истории в столичной Второй гимназии. Рассматривая работу Страхова преподавателем в этой гимназии, необходимо учитывать еще одну особенность директора Постельса: по работе в молодые годы он был универсальным ученым-естественником. Постельс окончил физико-математическое отделение философского факультета Университета в 1823 г. со званием кандидата минералогии и серебряной медалью. В 1826-1829 гг. участвовал как минералог и рисовальщик в кругосветном плавании Литке на шлюпе «Сенявин» [24]. (Из 1250 экспедиционных рисунков растений, животных и рыб 700 в цвете выполнил Постельс). Оставив полевую работу и уйдя в преподавание (профессор ГПИ, преподаватель минералогии и естествознания в Технологическом институте, преподаватель естествознания в Училище правоведения и нескольких военных учебных заведениях) и администрирование (директор Второй гимназии и участник многих комитетов и комиссий Округа), Александр Филиппович не потерял интереса к естественной истории. В 1841 г. он (в соавторстве с Ф.И. Рупрехтом) получил Демидовскую премию за издание альбома «Изображение и описание морских растений, собранных в северном Тихом океане у берегов Российских владений в Азии и Америке в путешествии вокруг света на военном шлюпе Сенявин в 1826-1827-1828 и 1829 годах под командою флота капитана Литке» [11], а после введения естественных наук в гимназический курс, «искренне желаю содействовать к преуспеванию оногo», он подарил по экземпляру этой недешевой книги во все 13 гимназий, подведомственных Округу². За два года до того, как естественная история стала обязательной гимназической дисциплиной, Постельс составил и издал с двумя соавторами «руководство Зоологии с атласом для военно-учебных заведений»³. Можно предположить, что и благодаря деятельности Постельса введение этого предмета и было не только осуществлено, но и методически подготовлено – директор Второй гимназии два года трудился в Комитете рассмотрения учебных руководств Округа⁴, причем трудился безвозмездно. (Почти четверть века спустя его младший коллега, Н.Н. Страхов, за работу в подобном комитете получал годовой оклад в 1000 рублей [58, с. 132]). По-видимому, Постельс отличался необыкновенной организованностью и

---

¹О рассмотрении отчета бельгийского министра внутренних дел по высшему образованию за 1849-52годы и проекта дидактических упражнений студентов института в С. Петербургских гимназиях // ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4112. Л. 11-12об.

²О директоре С. Петербургской 2-й гимназии Александре Постельсе // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2417. (Далее – *О Постельсе*) Л. 170-170об.

³*О Постельсе*. Л. 118.

⁴*О Постельсе*. Л. 131.

трудоспособностью – только в 1852 г. он оставил пост казначея Русского географического общества, который занимал с момента его организации в 1846 г.¹

Приехав из Одессы в Петербург до августа 1852 года², Страхов снял себе поблизости от Гимназии квартиру. Нам известны два его адреса этого времени: в Конном переулке в д.5 [28] и в Малой Мещанской в доме Стефаница³. Оба дома сохранились с перестройками и расположены по современным адресам: пер. Гривцова, д.22 и ул. Казначейская, д.5. Оба находятся в пяти минутах хода от Гимназии (пер. Гривцова, д.12) и входят в микрорайон обитания героев «Преступления и наказания». Через два дома от первого адреса располагалась конная площадка Сенного рынка. Местоположение второго адреса, хотя и вызвавшее насмешливый комментарий Вышнеградского, более спокойное. В доме № 1 по М. Мещанской жил с 1855 г. М.М. Достоевский, а Ф.М. Достоевский – в 1860 и 1861-1863 гг.; тут же находилась редакция журнала «Время». В конце квартала, в доме № 7, жил Ф.М. Достоевский в 1864-1867 гг., сюда к нему приходила стенографировать А.Г. Сниткина [57]. Покинув Гимназию в 1861 г., Страхов снял квартиру еще к ней ближе – в доме Иохима в Большой Мещанской⁴ (современный адрес – ул. Казанская, 39). В этом доме он прожил до своего последнего переезда в 1875 г. в Коломну, близ столь им любимой Мариинской оперы, в доме Стерлигова. Мы склонны предположить, что последний переезд был вызван благоустройством дома А.А. Дурдина (бывшего Иохима) – проведением водопровода в квартиры и устройства в некоторых ватерклозетов⁵. Наверное, реконструкция, помимо строительных беспокойств, повлекла и рост арендной платы, а Коломна была более дешевым районом города. Страхов не был противником гигиенических удобств, но необходимо учитывать, что в первую очередь ими обеспечивали большие дорогие квартиры, а до малокомнатных очередь дошла лишь в XX в.

Сразу после перевода в столичную гимназию Страхов составил подробный учебный план по всему курсу естественной истории, с кратким поурочным реферированием. Содержание плана отражено в Таблице. Несколько заниженная оценка такой недельной нагрузки (без учета праздничных дней, но с учетом параллелей в первых четырех классах) дает 6 часов в неделю. Нет сомнения, что в Гимназии директор Постельс старался поставить преподавание естественной истории образцово. Можно полагать, что экспедиционный опыт, требующий последовательности в достижении практического результата, заставил Постельса не только заниматься методикой преподавания естественнонаучных дисциплин, но и создать условия для её реализации, не пренебрегая никакими мелочами. Примером

---

¹О Постельсе. Л. 144.

²О службе. Л. 2об.

³Письма Вышнеградского. Л. 75об. (11.07.1859) и л. 19об. (25.04.1861).

⁴Письма Вышнеградского. Л. 119об. (нач. января 1862).

⁵Дело правления общества СПб. водопроводов о снабжении водой дома № 39 по Казанской ул. Г. Дурдина // ЦГИА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1973. Л. 1, 19, 32.

такой «мелочи» служит предложенный директором в 1851 г. особый шкаф-витрина, удобный для хранения в гимназических условиях разнообразных пособий и снабженный специальными подносами для их переноски в классы на уроки. (В архиве сохранился акварельный эскиз с размерами; дверцы бумажной модельки откидываются, являя тонко вырисованные минералы, гадов в банках, пришпиленных насекомых и прочие естественнонаучные красоты.) По этому эскизу в 1852 г. были выполнены не только шкафы во Второй гимназии, но и в других гимназиях города – работа растянулась почти на 3 года¹. В случае необходимости замены заболевшего учителя Постельс брал экспонаты и шел вести урок естествознания. Его объяснения были не только полезны, но и увлекательны; воображение гимназистов превращало наглядные пособия в добытые им собственноручно трофеи кругосветной экспедиции: «Вообще, А.Ф. Постельс пользовался каждым

Таблица

Краткое содержание гимназического курса естественной истории, составленное Н.Н. Страховым в 1852 г.² и [9, с. 35-39]

Класс	Часов в уч. году	Краткое содержание
1	48	Приготовительные сведения: начала анатомии движения человека, лошади, кошки, птицы, собаки, кролика. Жизнь пчел, хищных и травоядных, диких и домашних. Ботаника: плоды, листья, цветы. Сравнение растений и животных.
2	48	Зоология: главные понятия о строении тела животных, разделение животного царства на отделения, классы и разряды и описание важнейших относящихся к ним животных.
3	48	Зоология: продолжение описательной части
4	48	Ботаника: об органах растений и их отправлениях (органогрфия и физиология растений)
5	25	Ботаника: описательная часть ботаники, т.е. разделение растительного царства на отделения, классы и семейства и описание важнейших растений, к ним относящихся.
6	24	Минералогия: общая и частная.
7	21	Первая половина -повторение минералогии, ботаники и зоологии, вторая половина - анатомия и физиология человека.

¹Дела по особым разрешениям Высшего начальства // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1878. Л. 45-47об., 50, 52, 57, 58об.

²Программы 1852/53 гг. // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1898. Л. 42-46; Журнал Совета С. Петербургской 2-ой Гимназии 12 июня 1852 года // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1860. Л. 6об.

удобным случаем, чтобы расширить узкие пределы познания своих воспитанников, особенно относительно естественной истории... Перед нами был не строгий директор, а человек, видевший многое, что и не снилось нашим детским головам, увлекательно рассказывавший о всем, им виденном, доступный и внимательный к каждому, отвечающий обстоятельно на каждый, самый пустой вопрос. Бывало, кажется, прошло не более четверти часа, а тут вдруг...досадный звонок! Александр Филиппович, к общему сожалению, прекращал свои занимательные рассказы» [12, с. 29-39].

Рис. 4. Вид кабинета естественных наук Второй гимназии. Фото 1913 г.
У задней стены – два шкафа для хранения пособий конструкции А.Ф. Постельса. Такие же шкафы со сменяемыми экспонатами стояли в рекреации старших гимназистов
(Скопировано: Мемориальный музей истории Второй СПб Гимназии)

С одной стороны, замечательно иметь начальником коллегу по профессии, но это имеет и не очень удобные стороны – Постельс присутствовал на всех экзаменах по естественной истории и особенно часто посещал уроки именно по этому предмету.

Сравнение двух предметников – Страхова и Постельса в одних из воспоминаний сделано в пользу последнего; возможно и оттого, что первый не только объяснял, но и спрашивал: «Н.Н.Страхов, известный ныне философ и публицист, а тогда – еще очень молодой человек, только что окончивший курс в университете. Он не увлекал нас, как Александр Филиппович Постельс, но преподавание его, ровное и, по-видимому, однообразное, все-таки внушало нам любовь к науке. Николай Николаевич умел как-то наглядно, в сжатых и рельефных чертах, изобразить то, что в наших учебниках (Симашко - зоология, физиология и анатомия, Шиховский

– ботаника) излагалось чересчур уж кратко и сухо» [12, с. 29-39]. Не давший ссылок на свои источники биограф Страхова Б.В. Никольский дал профессионализму Страхова такую характеристику: «...профессуры добиться ему не удалось; преподаватель он был, по свидетельству его учеников, очень плохой – сбивчивый, отвлеченный и сухой; наконец, и публицистом он вышел неудачным, так как не обладал ни одним свойством, необходимым для этого ремесла. Публицист, в сущности говоря, тот же педагог, только бегущий с азбукою и указкой за текущими явлениями окружающей его действительности. Он ничего нового не говорит, а отвечает лишь то, о чем спрашивают события ... он в жизнь вступил и всю ее прошел учеником, а не учителем, последователем, а не проповедником» [15, с. 254, 256]. Естественное недоверие к биографическому сообщению, не содержащему дат и имен, всё же не перечеркивает того заключения биографа, которое он поместил в вывод – стоит вспомнить отношения Страхова с Достоевским, Толстым, Фетом... Но мы вынуждены не согласиться с характеристикой, данной Страхову-педагогу, – Страхов был состоявшимся педагогом. Об этом говорят и его вполне современные взгляды на воспитание и образование [49, с. 185], и девятилетняя практическая работа в лучшей столичной Гимназии.

На втором году преподавания Страхова, в январе 1854 г., Постельс получил из Округа поручение – составить для гимназий «систематический каталог всех предметов, какие необходимы для преподавания естественной истории в гимназиях и список книг по части зоологии, ботаники и минералогии, могущих служить руководствами для преподавания этих предметов...»¹. Постельс занялся этим поручением сам, но пожелал привлечь к этой работе и Страхова, дав ему для формулировки предложений месяц. Но, очевидно, результат этого сотрудничества был таков, что Постельсу пришлось обратиться за помощью к другому лицу (к учителю 5-й гимназии Ю.И. Симашко). Так этот список, одобренный начальством, и был отпечатан в 1855 г. в виде брошюры с авторством Постельса и Симашко. В конце 1855 г. Страхов получил новое поручение ставшего прихварывать директора Гимназии – привести в порядок все имеющиеся в гимназии пособия по естественной истории; при этом было указано, каким образом должны быть сделаны описания предметов и как их систематизировать². К требуемому сроку работа завершена не была – Страхов представил лишь её часть и своё тому оправдание: «Составлением подробных каталогов предметам я продолжаю заниматься, употребляя на то все свободное от классных занятий время, но как большая их часть вовсе не определена, то на окончание таких каталогов потребуется еще много времени.»³ И четверть века спустя Страхов остро чувствовал свою нерасторопность: «... я вдвое медленнее работаю, чем всякий другой» [58, с. 309].

---

¹Дело о составлении и отпечатании списка учебным пособиям по Естественной истории для гимназий СПб. Учебного округа // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2125. Л. 2-4, 24.

²Отчет 1855 г. Л. 1-8об.

³Там же. Л. 8об., 98.

Но не только директор Постельс оттенял вяловатость (или вдумчивость?) и медлительность (или основательность?) Страхова. В начале 1857/58 учебного года в гимназии появился кандидат физико-математического факультета Университета Карл Карлович Сент-Илер. (В 1827-1831 гг. в Гимназии французский язык преподавал учивший с 1818 г. во многих средних учебных заведениях города бывший капитан французской армии Карл Александрович Сент-Илер, отец Карла Карловича [9, с. 330]). Сдав дополнительный экзамен в Университете на право преподавания в гимназии, Карл Карлович занял место учителя французского языка в младших классах с годовым окладом в 270 руб. Уже через два года, в 1860 г. директор выхлопотал в Округе для Сент-Илера место внештатного старшего учителя естественных наук в младших классах¹. Как внештатник Сент-Илер преподавал без получения жалованья² до ухода Страхова из гимназии. Причем по окончании двухмесячного испытательного срока был удостоен следующей блестящей характеристики³: «каждую неделю по два урока из математики и по 4 урока из естественных наук. Основываясь на своих собственных наблюдениях и наблюдениях г. инспектора гимназии г. директор засвидетельствовал... [что он] обнаружил замечательный в преподавании такт для молодого и еще малоопытного педагога: объяснения его просты и приноровлены к детским понятиям, что редко встречается в столь молодом учителе, только что вышедшим из университета и еще находящимся под влиянием университетского способа чтения лекций. Недоставало в нем первоначально сноровки преподавать таким образом, чтобы поддерживать внимание целого класса, но и этот недостаток, после нескольких указаний... значительно был устранен...». При получении своей единственной награды в гимназии (250 руб.) в 1858 г. Страхов получил совершенно стандартный отзыв: «исполняет свои обязанности с примерным усердием и истинным знанием дела.»⁴ Кипучей энергии младшего Сент-Илера можно позавидовать: кроме работы в гимназии, он занимался исследованиями в зоологическом музее АН и в 1860 г. подготовил не только магистерскую диссертацию [34], но и учебник зоологии [33] (организованный совершенно по другому принципу, чем оглушающее систематикой пособие Ю. Симашко) и впоследствии выдержавший 13 изданий [35]. Прослужив штатным учителем естественных наук (с окладом 937,5 рублей) только год, Сент-Илер отправился за границу «для усовершенствования»; по возвращении, хотя и занимался, кроме научной деятельности, преподаванием в гимназии, но уже – в другой.

Случайное совпадение или нет, но только в 1855 г., уже после того, как Постельс начал побаливать, Страхов сумел заняться своей магистерской диссертацией [15, с. 219]. Возможно, ослабление внимания и требований директора и дало возможность Страхову «разогнуть спину» и нащупать

---

¹ Об учителе Сент-Иллере // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2616. Л. 1,2,15, 23, 23об, 27.

² Там же. С. 27.

³ Об учителе Сент-Иллере // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2616. Л. 26об.-27.

⁴ О наградах учителям гимназии // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2262. Л. 17об.

другую дорогу. В феврале 1856 г. здоровье Постельса пошатнулось, он покинул гимназию и на его место был назначен новый директор – А.С. Воронов¹, словесник по образованию. Этот директор сразу обратил внимание на то, что государственный служащий Страхов, проработав более 5 лет, не имеет чина – соответствующие документы были оформлены, и Николай Николаевич в течение полутора лет стал вначале титулярным советником, а потом и коллежским асессором². Очевидно, Страхов не одобрял никакого социального ранжирования – и в 1856 г.³, и в 1885 г. [41, с. 441-449] он сетовал на необходимость вносить платежи за получение «чина» и ордена (по выслуге лет). Необходимо отметить, что и сословные деления он также почитал лишними: имея право (по чину) на запись в дворянское сословие, он этим правом не воспользовался⁴.

Как серебряный медалист Главного Педагогического института Страхов имел право сдавать магистерский экзамен. (Его друг Иван Вышнеградский проделал это еще в 1854 г., благодаря чему он из ассистента Вышнеградского стал ученым с собственным направлением; в 1858 г. прочитал цикл успешных публичных лекций по механике, а с 1860 г. стал преподавать в Михайловской артиллерийской академии и отправился за границу для подготовки к профессорскому званию). В сентябре 1856 г. Страхов наконец подал прошение в Университет о допущении его к магистерским экзаменам и «защитении диссертации»⁵. В октябре он сдал устные экзамены по зоологии и ботанике, в ноябре – по сравнительной анатомии, физиологии и палеонтологии; в декабре – устный по физике и физической географии и письменный – по зоологии⁶. Только 11 месяцев спустя, в октябре 1857, состоялось «публичное защитение», которое прошло удовлетворительно, а ещё через 2 месяца Страхов был утвержден в звании магистра зоологии приказом министра⁷. Источником сведений о «неудовлетворительности» диспута по диссертации Страхова «О костях запястья млекопитающих» является первый биограф Страхова – Б.В. Никольский [15, с. 219]. Своими подписями в официальных документах профессор С.С. Куторга и приват-доцент Д.И. Менделеев утверждают обратное.

Наверное, решение об «уходе» из зоологии возникло у Страхова именно в 1858 году. Свидетельство тому – неполучение им магистерского диплома, так и пребывающего в университетских архивах с января 1861 г. Впрочем, с гимназическим преподаванием тоже было, наверное, решено – оригинал аттестата ГПИ, необходимый для допуска к «защитению» остался

---

¹ Дело о директоре 2-ой СПб. гимназии А.С. Воронове // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2407. Л. 1.

² *О службе...* Л. 2об.

³ *Письма Вышнеградского.* Л. 105 (15.07.1856).

⁴ *О службе...* Л. 22.

⁵ О допущении окончившего курс в Главном педагогическом институте Николая Страхова к испытаниям на степень магистра зоологии // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 5668. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ О допущении окончившего курс в Главном педагогическом институте Николая Страхова к испытаниям на степень магистра зоологии // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 5668. Л. 14.

там же, в архиве¹. Нельзя отрицать и расхолаживающий пример неполучения доцентского места в Университете блестящим «камрадом» И.А. Вышнеградским (в январе 1858 г.²), к этому времени уже прославившимся своими не только содержательными, но и темпераментными лекциями [41]. Итак, приближалась «беспутная заря возрождения 1859-61», как обозначил это время сам Страхов.

В списке публикаций Страхова 1859-60 учебного года³ присутствуют и стихи, и несколько философских статей, и только ведение рубрики о зарубежных новостях естествознания в журнале Министерства народного просвещения напоминает о профессии Николая Николаевича⁴. Выход на основную жизненную дорогу открыли подработки Страхова – его статьи в многочисленных журналах и газетах, возникших в начале эпохи Александра II. В 1855 г. он еще ничего не сообщал начальству о своих публикациях⁵; в мае 1859 г. порадовал Вышнеградского известием о том, что начинает «находить смысл и интересоваться успехами наук» и списком названий своих будущих работ⁶. Самооценка очень скромная, если учесть, что статья «Физиологические письма», подготовленная 16 декабря 1858 г., вышла в виде трех частей [56] в открытом в январе 1859 г. еженедельнике «Русский мир». Судя по уверенному тону письма Страхова редактору этого еженедельника В.Я. Стоюнину⁷, уже в феврале 1859 г. Николай Николаевич довольно бойко обсуждает гонорары, пользуясь единицей измерения не «строкой» и «листом», а числом знаков и посылает в этот еженедельник не только статьи, но и свои стихи. Стихи публиковал Страхов и в катковском «Русском вестнике» [47], так как считал, «что художественное понимание захватывает предметы шире и глубже всякого другого...» [52]. Редактировавший с 1860 г. новый журнал «Светоч» П.А. Милюков, познакомившись со Страховым через А.А. Григорьева, стал приглашать его на редакционные «вторники», которые посещали и братья Достоевские, вскоре покинувшие «Светоч» и открывшие в 1861 г. свой ежемесячник «Время».

Небесполезно остановиться на фигуре Павла Александровича Милюкова (1817 - 1897) не только потому, что он ошибочно назван биографом Страхова Б.Н. Никольским «сослуживцем Страхова», и не только потому, что именно он инициировал окончательное превращение Страхова из учителя в журналиста, но и потому, что их восприятие Ф.М. Достоевского было почти противоположным. Милюков преподавал во Второй гимназии русский язык в младших классах с 19.05.1844 до 20.09.1849 г.⁸. Как и братья

¹Там же. Л. 116, 118.

²Об определении и увольнении гг профессоров и преподавателей, а также лиц на различные должности по физико-математическому Факультету 1858 г. // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 14698. Л. 2.

³Отчет 1860 г. Л. 5.

⁴О составлении годового по учебной части отчета за 1860 год // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2459. Л. 5.

⁵Отчет 1855 г. Л. 63.

⁶Письма Вышнеградского. Л. 57. (20.05.1859).

⁷Письмо Н.Н.Страхова В.Я. Стоюнину 16.02.1859 // ОР РНБ. Ф. 744. № 263.

⁸Дело об учителе Александре Милюкове // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1664. (Далее – *О Милюкове*) Л. 1- 53.

Достоевские, Милюков – москвич; он учился на филологическом факультете Университета лишь два года (1839 и 1840), сдал учительский экзамен, и в 1844 г. уже преподавал в уездном училище математику, а в Дворянском полку словесность. К моменту своего непродолжительного ареста по делу петрашевцев Александр Петрович преподавал ещё и в Сиротском институте; после допроса и освобождения Милюков остался под секретным надзором, о чём было сообщено по местам его службы¹. 31 октября 1849 г. Милюков подал прошение об увольнении директору Гимназии Постельсу (наверное, вынужденное): «Вследствие усилившейся болезни, не имея возможности продолжить службу...»². Александр Петрович не оставил без своей помощи арестованных Достоевских: старшего сына Михаила Михайловича, семилетнего Федю, взял на дачу к своим трём детям, что сильно облегчило существование оставшихся на 2 месяца без средств жене и четверым младшим детям М.М. Достоевского [14, с. 167-249]. Милюков получил свидание с Ф.М. Достоевским в Петропавловской крепости накануне его отправки по этапу в Омск. В декабре 1859 г. встречал на вокзале вернувшегося с каторги и ссылки Ф.М. Достоевского. В феврале 1867 г., приглашая Милюкова на венчание с А.Г. Сниткиной, Достоевский напоминает ему, что он «родоначальник всего дела», так как именно он организовал помощь «стенографки» в критический момент кабалы у издателя «Русского мира» Стелловского [5]. В своих воспоминаниях о Ф.М. Достоевском Милюков особенно тонко и пронизательно прокомментировал разговоры о мнимой раздражительности и заносчивости Достоевского.

Последние два года преподавания в Гимназии (1859-60 и 1860-61) поражают интенсивностью журналисткой работы Страхова. В редактируемом Милюковым «Свечечке» опубликовано пять его статей в 1860 [45, 46, 51, 53] и одна – в 1861 г. [54]. Во «Времени» братьев Достоевских в 1861 – одна огромная [44] и небольшая полемическая. Желая поддержать друзей-издателей, Страхов поместил в этом же году во «Времени» два отрывка из своей большой переводческой работы («История философии» Куно Фишера) [43, 55], а также пять очень логичных и насмешливых статей-полемик с публикациями журнала «Современник» под псевдонимом «Н. Косица» [26]. (Особенно обращает на себя внимание выступление против корректировки человеческой свободы соображениями социальной целесообразности [48]). Очень последовательно и насмешливо Страхов сравнивает социальные утопии Антоновича и Чернышевского с пожеланием рождения слонов из яиц. Свободу человека Страхов почитал его видовой биологической чертой не только в молодости, но и в конце жизни: «... нужно всячески стараться, чтобы люди могли... бегать сами по себе, без узды и без корды.» [59, с.400]). Часть крупных статей Страхова (о Гегеле, Спинозе) являются изложением (и очень отчетливым и горячим) философии

---

¹О Милюкове. Л. 49.

²О Милюкове. Л. 43.

классиков. Но основная часть его статей («Физиологические письма», «Письма о жизни», «Значение жизни», «Содержание жизни») представляют собой философский анализ открытий и теорий естественных наук, физики, астрономии и химии, которые почти без корректив смыслов и позиций этих ранних публикаций были расширены и изложены в книгах Страхова семидесятых и восьмидесятых годов.

Это ощущение философской зрелости, очевидно, пересилило обычную страховскую нерешительность и самоиронию – он стал подумывать об академической карьере, и не только подумывать, но и обсуждать в близком кругу возможности её реализации в декабре 1860¹ – январе 1861² г. Александровская оттепель пришла в университеты еще в 1855 г. – меньше года спустя после смерти Николая I был отменен «комплект приема», то есть разрешены вольнослушатели. Качественные изменения пришли позже – в 1856 г. восстановлено преподавание государственного права европейских стран, в декабре 1859 г. восстановлены кафедры философии и вновь допущены светские лица к её преподаванию; АН и университетам вернули право выписки книг из-за границы без предварительного цензурного одобрения списка [31, с. 356-361]. Но переход Страхова в Университет не состоялся. Эта пропущенная точка бифуркации осталась большим воспоминанием Страхова на всю жизнь – в очерке о Николае Николаевиче его соседа последних двадцати лет жизни сказано: «...сдал диссертацию на магистра и думал, что пойдет по дороге жизни, как паровоз по рельсам. Оказалось, что владеть пятью иностранными языками и быть магистром философии еще недостаточно для того, чтобы открыть себе путь к кафедре. Туда двери открываются совсем не тем ключом, которым он владел. Некий «тетушкин племянник», вытянутый к получению ученой степени за уши сильными руками, прежде его добрался до кафедры» [40]. Однако не только отсутствие необходимой протекции явилось причиной непопадания на академическую стезю. К «Александровской гласности» наиболее чувствительной оказалась молодежь – подробное изложение неурядиц, травли части преподавателей и студенческих волнений в университете этого периода [17] не входит в задачу настоящей статьи, но закончились они закрытием Университета более чем на 20 месяцев, до июня 1863 г. Безусловно, Страхов, не любивший никакого беспорядка, был осведомлен об этих событиях.

Практическая педагогика не увлекала Страхова (как вообще не может увлечь философа что-то конкретное). Однако к становлению человека, к переходу его из мира биологического («из куска мяса»), он возвращался в своих раздумьях и публикациях неоднократно. Конец статьи «Содержание жизни» [54, кн. 2, с. 1-128], написанной ещё во время работы в Гимназии, посвящен философскому осмыслению взросления. Выпустил Страхов и книгу по практической педагогике [49]. Время её публикации – 1865 г.; завершая предисловие к этой книге, Страхов замечает: «... из этой книжки

---

¹Письма Вышнеградского. Л. 30, 30об. (8.12.1860).

²Письма Вышнеградского. Л. 52об. (24.01.1861).

сама собой вытекает задача: написать учебник естественной истории, который бы строго следовал изложенным здесь понятиям, который бы твердо держался объясненной здесь методы. Если бы обстоятельства позволили, я с величайшим усердием взялся бы за труд такого рода» [49, с. XII].

Первая часть этой книги, названная «О методе наук наблюдательных», написана в декабре 1857 г. и в виде статьи опубликована в 1858 г. как отклик на защиту магистерской диссертации автора [49, с. 1-54]; вторая часть («Органические категории»), написанная в мае 1860 г., появилась в печати в 1861 г. [50], четвертая часть книги («Естественные науки и общее образование») обдумана еще в бытность Страхова студентом ГПИ, а изложены в августе 1864 г.

Эта, последняя часть замечательна не только по своей мысли, но и по истории возникновения. Примерно за год до очередного (VI) выпуска ГПИ было объявлено, что лучшие из творческих студенческих работ будут изданы в специальном сборнике. В VI выпуске (впрочем, как и в следующий) решение оригинальных математических задач творчеством не почитали («По математике сделаны 3 сочинения, из них во всех отношениях отличные – Вышнеградского по прикладной и Страхова по чистой математике» (Решение неравенств первой степени)¹) [37, с. 30 3-й паг.]. Экспериментальные работы по физике и химии были выполнены несколькими студентами ГПИ только следующего, VII выпуска [2, с. 17]; таким образом, в 1851 г. на публикацию могли рассчитывать только выпускники историко-филологического отделения. Два друга – Вышнеградский и Страхов – находчиво сориентировались и написали работы по педагогике. («По классу педагогики, в 1850 г. написали замечательные сочинения. Вышнеградский – об образовательном влиянии математики сравнительно с языкоизучением и о мере и способе преподавания математики. Страхов – об образовательном влиянии естественных наук и способе преподавания оных» [37, с. 23 3-й паг.]). Отличных работ в VI выпуске оказалось так много, что из них опубликовали только три (авторы – золотые медалисты 1853 г. Петр и Николай Лавровские и серебряный медалист Карл Ленгстрем). Как с огорчением сообщил оставшийся летом у старшего брата в городе Страхов, обе работы по педагогике отклонили². Но, очевидно, работы были настолько сильны, что произвели настолько исключительное впечатление на директора ГПИ И.И. Давыдова, что он посчитал возможным поместить анонимно в сборник студенческих работ свою статью «Об основных предметах первоначального образования» [22, с. 283-312], полемизирующую с положениями, защищаемыми его студентами в их неопубликованных работах! Можно полагать, что эта, неопубликованная статья Страхова и стала основой какой-то необыкновенно четкой и бодрой последней главы «Естественные науки и общее образование» книги «О методе естественных

---

¹Дело Совета СПб. ун-та О допущении окончившего курс в Главном педагогическом институте Николая Страхова к испытаниям на степень магистра зоологии // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 5668. Л. 8.

²Письма Вышнеградского. Л. 54об. (21-22.02.1852).

наук и значения их в общем образовании». Мысли, в ней высказанные, просты и актуальны: «Что люди считают своим главным достоинством, своим лучшим украшением, то они стараются передать и внушить своим детям. Воспитание и обучение не могут иметь другого смысла... Идеал образованного человека не должен быть воображаем как определенное состояние; как нечто осуществленное в известное мгновение; в настоящем своем смысле он есть идеал образованной жизни. Воспитание не есть приготовление к известному состоянию, а есть начало правильного развития, первый период образованной жизни... В каждую эпоху своей жизни он должен учиться, размышлять, воспитываться. Годы собственного учения составляют только первый период этого воздействия общей жизни людей на отдельного человека» [49, с. 139, 141]. По мнению Страхова, в общее образование должны войти те предметы, которые не нуждаются в упрощении для отроческого понимания. К этим предметам он причисляет математику, астрономию и языки. История, география, словесность подвергаются в образовании искажениям, которые могут дурно сказаться в будущем. Существующая в естественных науках собственная методика познания (в отличие от математики и языков, использующая не только ресурсы мышления, но и объекты внешнего мира) делает этот предмет необходимым для общего образования: «Эта метода... состоит в *естественной системе* и в способе *сравнительного изучения*... Работа здесь начинается с простого установления тождества и различия, что приводит к возникновению имен... Таким образом происходит на свет *терминология*, огромный искусственный язык, превосходящий объемом каждый из естественных языков». Следующий этап – объединение в группы [49, с. 152-158]. Страхов замечает, что овладение естественнонаучным мышлением очень увлекает часть школьников: «... известно, что при хорошем преподавании она [естественная история] увлекает детей необыкновенно, что ей предаются со страстью» [49, с. 173-174].

Именно два последних года гимназического преподавания полагал Страхов переломными в смене своей деятельности: тридцать лет спустя эта смена ассоциировалась у него не столько с собственным внутренним развитием (далее, на наш взгляд, он идейно в философии почти не продвинулся, он стал Философом Страховым в последние годы преподавания в Гимназии), сколько с конкретными лицами: «Сегодня почему-то вспомнил людей, которые показали мне большое внимание, когда я выступал на писательское поприще; то были: Ап. Григорьев, Ф. Достоевский, Вл. Ламанский и Катков» [59, с. 483]. Внешним знаком этой перемены стала перемена ведущего у ведомого Страхова. Он не откликнулся на предложение Вышнеградского съездить с ним весной 1862 г. на экскурсию в Италию¹ – после увольнения из Гимназии он совершил европейское путешествие с Достоевским.

---

¹Письма Вышнеградского. Л. 117об. (весна-лето 1861).

Однако настроение Страхова в этот последний год преподавания было тяжелым. Мы полагаем, что этому способствовала и неоднократная смена директоров Гимназии в 1859-60 учебном году: А.С. Воронов, А.Н. Тихомадрицкий (инспектор ГПИ во время учебы там Страхова) и А.С. Власов¹). Гимназическая служба (хотя и сильно облегченная внештатником К.К. Сент-Илером) стала отвлекать от главных интересов Страхова. В своих письмах Вышнеградскому Страхов постоянно жалуется. По ответам друга можно реконструировать предметы недовольства. Это и излишняя социальная и политическая направленность дискуссий кружка его новых друзей, в ущерб литературе, философии, наукам². (Это сетование повторилось почти четверть века спустя в написанных Страховым воспоминаниях о Ф.М. Достоевском.) Другое огорчение - журнал задерживает выход статьи и печатает другого автора³. Ещё: кто-то критикует его стихи⁴. В этих сетованиях Страхова и ответах на них Вышнеградского становятся видны душевная стойкость и зрелость одного (тридцатилетнего отца семейства Вышнеградского) и неуверенность в своих силах, поиск лидера другого (тридцатитрехлетнего холостяка Страхова). Вышнеградский пробует «поправить» друга: «...ты же, бедный, все мучишься, все тоскуешь, и как я вижу из твоих писем, решительно не доволен ни обстановкой своею, ни собою – Что это значит? Загадка, которую я часто стараюсь решить, и это мне не удается до сих пор особенно потому, что мне всегда казалось, что ты развит отлично, ... что ты способен наслаждаться всем. Откуда тоска и недовольство? - Или ты устаешь от работы, или работа так не по сердцу? Я стараюсь найти причины недовольства в тебе самом, а не в обстановке, - между тем как ты на неё указываешь и на неё жалуешься главным образом, и это ошибка: обстановка зависит от тебя совершенно, попробуй не приноравливаться к ней, а управлять ею так, чтобы она приноравливалась к тебе. Это право будет лучше»⁵. Это мужество Вышнеградского («... иметь достаточно самоуверенности, чтобы не слушать ничьих советов и работать самому независимо от кого бы то ни было»⁶) осталось недостижимым для Страхова.

Не позднее конца июня 1860 г. Страхов сообщил Вышнеградскому о своём желании сменить место работы, однако покинул он службу только через год с небольшим. И причины тому были вполне материальные. (Вспомним, что горячий Ф.М. Достоевский, увольняясь из военного ведомства, получил от родных свою долю еще не разделенного куманинского наследства. Неторопливый и колеблющийся Страхов никому не наследовал). В 1852 г. был принят новый пенсионный устав, увеличивший время службы учителей для получения половинной пенсии до 20 лет и до полной – 25 годами [20]. В августе 1861 г. было выпущено к нему дополнение,

---

¹О составлении годового по учебной части отчета за 1860 год // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2459. Л. 33об.-34.

²Письма Вышнеградского. Л. 89об. (28.08.1860).

³Письма Вышнеградского. Л. 91. (17.12.1860).

⁴Письма Вышнеградского. Л. 98. (28.08.1860).

⁵Письма Вышнеградского. Л. 76-76об. (17.06.1861).

⁶Письма Вышнеградского. Л. 89 (28.08.1860).

разрешающее досрочное получение половинной пенсии из-за расстроенного здоровья [25]. В конце сентября 1861 г. Страхов подал заявление об увольнении из Гимназии «ввиду болезни»¹. И сделал это вовремя – буквально через несколько недель правила медицинского освидетельствования для получения пенсии были ужесточены [19].

Судьба сделала круг – после кончины Страхова его имя вновь возникло в бумагах министерства Народного просвещения. Его племянница Ольга Даниловна Матченко (дочь сестры Николая Николаевича) пожертвовала главную драгоценность Страхова – его библиотеку (по оценке многолетнего соседа Страхова, содержащую более 12 тысяч томов [39] – этому министерству, а оно, в свою очередь, передало книги в Университет². Последнее, уже посмертное упоминание имени Страхова на философском вторнике в доме Арсеньевых³ было рассказом о Страхове – учителе Гимназии. После длинного и эмоционального доклада, сделанного Б.В. Никольским (позднее он переработал его в очерк и опубликовал, создав для последующих исследователей деятельности Страхова заманчивой, но не совсем надежный источник [15]), взял слово А.Ф. Кони. (Как ораторы и писатели Кони и Страхов были почти антиподами; в частном письме Николай Николаевич даже назвал Анатолия Федоровича Хлестаковым [59, с. 458]). Отдав должное Страхову-журналисту, Кони заключил выступление несколькими эпизодами из своего гимназического прошлого. Что он поведал – неизвестно, ибо в своих опубликованных воспоминаниях [8, с. 65, 71] Кони имя Страхова не упоминает.

Лучше всех, знавших Страхова, ухватил его особенную ценность поэт А.А. Фет, назвавший его «естествоиспытателем, прошедшим через горнило философии» [58, с. 191-192]. Ну, разумеется, и постоянный самоанализ Страхова тоже бьёт в цель: «Эта философия вообще наделала мне бед. Но... чем больше я за неё терплю, тем больше её люблю» [52, с. 126].

Список литературы

1. Акт двадцатипятилетнего юбилея Главного педагогического института, 30 сентября 1853 [Текст]. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1853. – [2], 176, 4 с.
2. Акт седьмого выпуска студентов Главного педагогического института 20 июня 1853 г. [Текст] : отчет о Главном педагогическом институте за 1851-1853 уч. гг. / читанный уч. секретарем А. Смирновым на Акте 7-го вып. студентов ин-та в 1853 г. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1853. – 46 с.
3. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в. [Текст] : обзор архивных документов / сост. Е.М. Балашов, О.В. Иодко, Н.С. Прохоренко ; ред. Г.А. Тишкин. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 243 с.
4. Вирениус А.С. [Воспоминания] [Текст] // Пятидесятилетие 2 С.-Петербургской гимназии : воспоминания : в 2 вып. – Санкт-Петербург, 1880-1881. – Вып. 2. 1844-1851 годы. – Санкт-Петербург, 1881. – С. 5-33.

¹Об учителе Сент-Иллере // ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2616. Л. 22.

² Дело правления СПб. университета по разной переписке...и о передаче библиотеки Страхова // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 11190. Л. 7, 33.

³Синакевич О.В. «Жили-были.» тетр. 8-я. Ч. II. Юность 1894-1900 гг. Гл. 4-я. Зима 1895-1896 гг. // РО РНБ. Ф. 163. № 321. Л. 126об.-127.

5. Достоевский, Ф.М. Письмо 111. А.П. Милюкову 13 февраля 1867. Петербург [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. – Ленинград : Наука, 1996. – Т. 15. Письма 1834-1881 годов. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html>.
6. Историческая записка о состоянии и действиях Одесской второй гимназии за истекший 1848/9 академический год [Текст]. – Одесса : тип. Л. Нитче, 1849. – 13 с.
7. Каратыгин, Н. Приезд императора Николая I в гимназию : из воспоминаний гимназиста сороковых годов / Н. Каратыгин // Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии : в 3 ч. / сост.: А.В. Курганович, А.О. Круглый. – Санкт-Петербург, 1894. – Ч. 1. – С. 29-36.
8. Кони, А.Ф. Из лет юности и старости [Текст] / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Юрид. лит., 1966-1969. – Т. 7. – Москва, 1969. – С. 65-158.
9. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии [Текст] : в 3 ч. / сост.: А.В. Курганович, А.О. Круглый. – Санкт-Петербург : тип. Э. Арнгольда, 1894. – Ч. 2 : 1831-1880. – IV, VI, 431 с.
10. Лазаревский, А.М. Отрывки из автобиографии [Текст] / А.М. Лазаревский // Киевская старина. – 1902. – Т. 77, № 6. – С. 470-494.
11. Лауреаты полной Демидовской премии [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия / Wikimedia Foundation, Inc.; основатели Д. Уэйлс, Л. Сэнгер. – Сан-Франциско, Калифорния, 2001-2018. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демидовская_премия.
12. Маев, Н. Из прошлого 2-й Петербургской гимназии [Текст] / Н. Маев // Русская школа. – 1894. – Т. 1, № 2. – С. 29-39.
13. Месяцеслов на 1849 год [Текст]. – Санкт-Петербург : При Импер. Акад. наук, 1848. – 264 с., 1 л. портр., карт.
14. Милюков, А.П. Литературные встречи и знакомства [Текст] : [рассказы] / А.П. Милюков. – Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1890. – [4], 281 с.
15. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов [Текст] : критико-биограф. очерк / Б.В. Никольский // Исторический вестник. – 1896. – № 4. – С. 216-268.
16. Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге, XIX – начало XX века [Текст] : сб. документов / Арх. упр. С.-Петербурга и Ленингр. обл., Центр. гос. ист. архив С.-Петербурга ; отв. сост. Н.Ф. Никольцева. – Санкт-Петербург : Лики России, 2000. – 359 с., [8] л. ил.
17. Новиков, М.В. Студенческие волнения накануне «эпохи Великих реформ» [Электронный ресурс] / М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 1, № 2. – С. 14-32. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/2013_2g/06.pdf.
18. Одесский календарь на 1876 г. [Текст]. – Одесса : тип. Ульриха и Шульце, 1875. – 72 с., карт.
19. О порядке назначения пенсий по сокращенным по болезням срокам [Текст] // Полное собрание законов Российской империи : Собр. Второе : в 55 т. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. 36 (1861), ч. 2. Законы (37191-37826). – № 37506.
20. О правилах для назначения пенсий и пособий увольняемым от службы чиновникам и семействам их [Текст] // Полное собрание законов Российской империи : Собр. Второе : в 55 т. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. 27 (1852), ч. 1. Законы (25870-26904). – № 26747.
21. О прекращении в некоторых гимназиях преподавания греческого языка и замене сего предмета курсом наук естественных [Текст] // Полное собрание законов Российской империи : Собр. Второе : в 55 т. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. 26 (1851), ч. 2. Законы (25594-25869). – № 25627.
22. Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института, шестого выпуска [Текст]. – Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1852. – [8], 313 с.

23. Орбинский, Р. Публичные лекции о состоянии и устройстве училищ в Англии, Франции и Бельгии, читанные в Ришельевском лицее инспектором 1-й одесской гимназии Р. Орбинским [Текст] / Р. Орбинский. – Одесса : тип. П. Францова, 1861. – 149 с.
24. Орлов, Б.П. Федор Петрович Литке: его жизнь и деятельность [Электронный ресурс] / Б.П. Орлов // Кольские карты : интернет-сайт Мурманской области / разработ. сайта И. Воинов. – Мурманск, 2006-2018. – Режим доступа: http://www.kolamar.ru/library/lithke/lithke_bio.htm.
25. О сохранении в полной силе правил исчисления сроков службы для назначения пенсий чиновникам, выходящим в отставку по болезни [Текст] // Полное собрание законов Российской империи : Собр. Второе : в 55 т. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. 36 (1861), ч. 2. Законы (37191-37826). – № 37339.
26. Перкшина, А.Н. Н. Косица как полемическая литературная маска Н.Н. Страхова [Текст] / А.Н. Перкшина // Памяти Анны Ивановны Журавлевой : сб. ст. / сост.: Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. – Москва, 2012. – С. 397-418.
27. Попов, С.А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России [Текст] / С.А. Попов. – Москва : Фонд «Рус. витязи», 2016. – 116 с. : ил. – (Биб-ка «Старого Цейхгауза»).
28. Путеводитель [Электронный ресурс] : 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина [sic!] и прочие : [в 2 ч.] / сост. В.М. Матвеев. – Санкт-Петербург : тип. К. Вингебера, 1853-1854. – Ч. 1-2. – 320 с. – Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000007514/view#page=429>.
29. Пятидесятилетие 2 С.-Петербургской гимназии [Текст] : воспоминания : в 2 вып. – Санкт-Петербург : [б.и.], 1880-1881. – Вып. 1. 1832-1848 годы. – Санкт-Петербург, 1880. – 36 с.
30. Родионов, А. [Воспоминания] [Текст] // Пятидесятилетие 2 С.-Петербургской гимназии : воспоминания : в 2 вып. – Санкт-Петербург, 1880-1881. – Вып. 1. 1832-1848 годы. – Санкт-Петербург, 1881. – С. 5-11.
31. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 [Текст] / сост. С.В. Рождественский. – Санкт-Петербург : М-во нар. просвещения, 1902. – II, 785, [4] с., портр.
32. Вереха, П. Постельс А.Ф. [Электронный ресурс] / П. Вереха // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. – Санкт-Петербург : Импер. Рус. ист. о-во, 1896-1913. – Т. 14. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 626-629. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002921692#?page=628>.
33. Краткая зоология [Текст] / сост. К. Сент-Илер. – Санкт-Петербург : тип. Ф. Беллизара, 1860. – [4], 124 с.
34. Сент-Илер, К.К. Материалы для монографии семейства Дафнид [Текст] : дис. ... магистра зоологии / К.К. Сент-Илер. – Санкт-Петербург : тип. Импер. Акад. наук, 1860. – [2], 118 с. : ил.
35. Сент-Илер, К.К. Элементарный курс зоологии с приложением задач и летних занятий по зоологии [Текст] / К.К. Сент-Илер. – Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1869. – XII, 220 с.
36. Описание Главного педагогического института в нынешнем его состоянии [Текст]. – Санкт-Петербург : Тип. Импер. Акад. наук, 1851. – IV, 71 с.
37. Смирнов, А. Отчет о Главном педагогическом институте, с начала 1848 по 1-е августа 1849 года, составленный ученым секретарем А. Смирновым [Текст] / А. Смирнов. – Санкт-Петербург : [б.и.], 1850. – [2], 19 с.
38. Смольянинов, К.Н. История Одессы [Текст] / сост. К.Н. Смольяниновым. – Одесса : Гор. тип., 1853. – [4], 284, XIV с.
39. Стахеев, Д.И. Группы и портреты [Текст] : листочки воспоминаний / Д.И. Стахеев // Исторический вестник. – 1907. – № 1. – С. 81-91.

40. Стахеев, Д.И. Пустынножитель [Электронный ресурс] : повесть / Д.И. Стахеев // Стахеев Д.И. Собрание сочинений : в 12 т. – Санкт-Петербург ; Москва, 1902. – Т. 2. – С. 163-256.
41. Стахеев, Д.И. Станислав первой степени и енотовая шуба [Текст] : из воспоминаний о Н.Н. Страхове / Д.И. Стахеев // Исторический вестник. – 1904. – Т. 95, № 2. – С. 441-479.
42. Страхов, Н.Н. Воспоминания и отрывки [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1892. – [6], II, 313 с.
43. Страхов, Н.Н. Главные черты истории философии [Текст] : из «Истории философии» Куно Фишера / Н.Н. Страхов // Время. – 1861. – № 7. – С. 173-200.
44. Страхов, Н. Жители планет [Текст] / Н. Страхов // Время. – 1861 – № 1, о. III. – С. 1-56.
45. Страхов, Н. Значение Гегелевской философии в настоящее время [Текст] / Н. Страхов // Светоч. – 1860. – № 1, о. II. – С. 3-51.
46. Страхов, Н. Значение смерти. Письма о жизни. Письмо IV [Текст] / Н. Страхов // Светоч. – 1860. – № 8, о. II. – С. 1-22.
47. Страхов, Н. Комета [Текст] / Н. Страхов // Русский вестник. – 1860. – Июль, кн. 1. – С. 191-192.; Страхов, Н. В тиши моей жизни ничтожной... [Текст] / Н. Страхов // Русский вестник. – 1860. – Август, кн. 1. – С. 516.
48. Коси, Н. (Страхов Н.) Литературные законодатели [Текст] : письмо в редакцию «Времени» по поводу статьи «Литературные рабочие» («Современник», № 10) / Н. Коси. – Время. – 1861. – № 11, о. II. – С. 105-118.
49. Страхов, Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании [Текст] / Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1865. – XII, 185 с.
50. Страхов, Н.Н. Органические категории [Текст] : по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма». «Библиотека для чтения» 1860 г. № 3 / Н.Н. Страхов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1861. – № 3, ч. неофиц., о. II. – С. 49-63.
51. Страхов, Н. Очерки вопросов практической философии П.Л. Лаврова. СПб., 1860 [Текст] / Н. Страхов // Светоч. – 1860. – № 7, о. III. – С. 1-13.
52. Страхов, Н.Н. Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому [Текст] / Н.Н. Страхов // Русский вестник. – 1901. – № 1. – С. 127-142 ; № 2. – С. 453-469 ; № 3. – С. 125-141.
53. Страхов, Н. Письма о жизни. Письмо I. Письмо II [Текст] / Н. Страхов // Светоч. – 1860. – № 3, о. II. – С. 1-40.
54. Страхов, Н. Содержание жизни [Текст] / Н. Страхов // Светоч. – 1861. – № 1, о. II. – С. 37-58 ; № 2, о. II. – С. 111-128.
55. Страхов, Н. Учение Спинозы о боге [Текст] : из «Истории философии» Куно Фишера / Н. Страхов // Время. – 1861. – № 9. – С. 117-140.
56. Страхов, Н. Физиологические письма [Текст] / Н. Страхов // Русский мир. – 1859. – Письмо I. – № 2. – С. 40-44 ; Письмо 2. – № 22. – С. 523-526 ; Письмо 3. – № 59. – С. 1005-1009.
57. Тихомиров, Б.Н. Адреса Достоевского в Петербурге : критический анализ источников и экспертиза краеведческих публикаций. Часть II : 1859-1881 [Электронный ресурс] / Б.Н. Тихомиров // Неизвестный Достоевский. – 2015. – № 1. – Режим доступа: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf.
58. А.А. Фет и его литературное окружение : в 2 кн. / ИМЛИ РАН ; отв. ред. Т.Г. Динесман. – Москва : ИМЛИ РАН, 2011. – Кн. 1. – 990 с. – (Лит. наследство ; т. 103).
59. Фет, А.А. Переписка с Н.Н. Страховым (1877-1892) [Текст] / А.А. Фет // А.А. Фет и его литературное окружение : в 2 кн. / ИМЛИ РАН ; отв. ред. Т.Г. Динесман. – Москва, 2011. – Кн. 2. – С. 233-550. – (Лит. наследство ; т. 103).

References

1. Akt dvadcatipyatiletnogo yubileya Glavnogo pedagogicheskogo instituta, 30 sentyabrya 1853 [Tekst]. – Sankt-Peterburg : tip. Imp. Akad. nauk, 1853. – [2], 176, 4 s.
2. Akt sed'mogo vypuska studentov Glavnogo pedagogicheskogo instituta 20 iyunya 1853 g. [Tekst] : otchet o Glavnom pedagogicheskom institute za 1851-1853 uch. gg. / chitannyj uch. sekretarem A. Smirnovym na Akte 7-go vyp. studentov in-ta v 1853 g. – Sankt-Peterburg : Tip. Imp. akad. nauk, 1853. – 46 s.
3. Materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta XVIII v. [Tekst] : obzor arhivnyh dokumentov / sost. E.M. Balashov, O.V. Iodko, N.S. Prohorenko ; red. G.A. Tishkin. – Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb. un-ta, 2001. – 243 s.
4. Virenius A.S. [Vospominaniya] [Tekst] // Pyatidesyatiletie 2 S.-Peterburgskoj gimnazii : vospominaniya : v 2 vyp. – Sankt-Peterburg, 1880-1881. – Vyp. 2. 1844-1851 gody. – Sankt-Peterburg, 1881. – S. 5-33.
5. Dostoevskij, F.M. Pis'mo 111. A.P. Milyukovu 13 fevralya 1867. Peterburg [EHlektronnyj resurs] / F.M. Dostoevskij // Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij : v 15 t. – Leningrad : Nauka, 1996. – T. 15. Pis'ma 1834-1881 godov. – Rezhim dostupa: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html>.
6. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii i dejstviyah Odesskoj vtoroj gimnazii za istekshij 1848/9 akademicheskij god [Tekst]. – Odessa : tip. L. Nitche, 1849. – 13 s.
7. Karatygin, N. Priezd imperatora Nikolaya 1 v gimnaziyu : iz vospominanij gimnazista sorokovyh godov / N. Karatygin // Istoricheskaya zapiska 75-letiya S.-Peterburgskoj vtoroj gimnazii : v 3 ch. / sost.: A.V. Kurganovich, A.O. Kruglyj. – Sankt-Peterburg, 1894. – CH. 1. – S. 29-36.
8. Koni, A.F. Iz let yunosti i starosti [Tekst] / A.F. Koni // Koni A.F. Sobranie sochinenij : v 8 t. – Moskva : YUrid. lit., 1966-1969. – T. 7. – Moskva, 1969. – S. 65-158.
9. Istoricheskaya zapiska 75-letiya S.-Peterburgskoj vtoroj gimnazii [Tekst] : v 3 ch. / sost.: A.V. Kurganovich, A.O. Kruglyj. – Sankt-Peterburg : tip. EH. Arngol'da, 1894. – CH. 2 : 1831-1880. – IV, VI, 431 s.
10. Lazarevskij, A.M. Otryvki iz avtobiografii [Tekst] / A.M. Lazarevskij // Kievskaya starina. – 1902. – T. 77, № 6. – S. 470-494.
11. Laureaty polnoj Demidovskoj premii [EHlektronnyj resurs] // Vikipediya : svobodnaya ehnciklopediya / Wikimedia Foundation, Inc.; osnovateli D. Uehjls, L. Sehnger. – San-Francisko, Kaliforniya, 2001-2018. – Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/Demidovskaya_premiya.
12. Maev, N. Iz proshlogo 2-j Peterburgskoj gimnazii [Tekst] / N. Maev // Russkaya shkola. – 1894. – T. 1, № 2. – S. 29-39.
13. Mesyaceslov na 1849 god [Tekst]. – Sankt-Peterburg : Pri Imper. Akad. nauk, 1848. – 264 s., 1 l. portr., kart.
14. Milyukov, A.P. Literaturnye vstrechi i znakomstva [Tekst] : [rasskazy] / A.P. Milyukov. – Sankt-Peterburg : A.S. Suvorin, 1890. – [4], 281 s.
15. Nikol'skij, B.V. Nikolaj Nikolaevich Strahov [Tekst] : kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skij // Istoricheskij vestnik. – 1896. – № 4. – S. 216-268.
16. Nachal'noe i srednee obrazovanie v Sankt-Peterburge, XIX – nachalo XX veka [Tekst] : sb. dokumentov / Arh. upr. S.-Peterburga i Leningr. obl., Centr. gos. ist. arhiv S.-Peterburga ; otv. sost. N.F. Nikol'ceva. – Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2000. – 359 s., [8] l. il.
17. Novikov, M.V. Studencheskie volneniya nakanune «ehpohi Velikih reform» [EHlektronnyj resurs] / M.V. Novikov, T.B. Perfilova // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2013. – T. 1, № 2. – S. 14-32. – Rezhim dostupa: http://vestnik.yspu.org/releases/2013_2g/06.pdf.
18. Odesskij kalendar' na 1876 g. [Tekst]. – Odessa : tip. Ul'riha i SHul'ce, 1875. – 72 s., kart.

19. O poryadke naznacheniya pensij po sokrashchennym po boleznyam srokom [Tekst] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii : Sobr. Vtoroe : v 55 t. – Sankt-Peterburg, 1830-1885. – T. 36 (1861), ch. 2. Zakony (37191-37826). – № 37506.
20. O pravilah dlya naznacheniya pensij i posobij uvol'nyaemym ot sluzhby chinovnikam i semejstvam ih [Tekst] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii : Sobr. Vtoroe : v 55 t. – Sankt-Peterburg, 1830-1885. – T. 27 (1852), ch. 1. Zakony (25870-26904). – № 26747.
21. O prekrashchenii v nekotoryh gimnazyah prepodavaniya grecheskogo yazyka i zamene sego predmeta kursom nauk estestvennyh [Tekst] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii : Sobr. Vtoroe : v 55 t. – Sankt-Peterburg, 1830-1885. – T. 26 (1851), ch. 2. Zakony (25594-25869). – № 25627.
22. Opyty istoriko-filologicheskikh trudov studentov Glavnogo pedagogicheskogo instituta, shestogo vypuska [Tekst]. – Sankt-Peterburg : tip. Akad. nauk, 1852. – [8], 313 s.
23. Orbinskij, R. Publichnye lekcii o sostoyanii i ustrojstve uchilishch v Anglii, Francii i Bel'gii, chitannye v Rishel'evskom licee inspektorom 1-j odesskoj gimnazii R. Orbinskim [Tekst] / R. Orbinskij. – Odessa : tip. P. Francova, 1861. – 149 s.
24. Orlov, B.P. Fedor Petrovich Litke: ego zhizn' i deyatel'nost' [EHlektronnyj resurs] / B.P. Orlov // Kol'skie karty : internet-sajt Murmanskoj oblasti / razrab. sajta I. Voinov. – Murmansk, 2006-2018. – Rezhim dostupa: http://www.kolamap.ru/library/litke/litke_bio.htm.
25. O sohranении v polnoj sile pravil ischisleniya srokov sluzhby dlya naznacheniya pensij chinovnikam, vyhodyashchim v otstavku po bolezni [Tekst] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii : Sobr. Vtoroe : v 55 t. – Sankt-Peterburg, 1830-1885. – T. 36 (1861), ch. 2. Zakony (37191-37826). – № 37339.
26. Perkschina, A.N. N. Kosica kak polemicheskaya literaturnaya maska N.N. Strahova [Tekst] / A.N. Perkschina // Pamyati Anny Ivanovny ZHuravlevoj : sb. st. / sost.: G.V. Zykova, E.N. Penskaya. – Moskva, 2012. – S. 397-418.
27. Popov, S.A. Mundir studentov i uchashchihsya doreformennoj Rossii [Tekst] / S.A. Popov. – Moskva : Fond «Rus. vityazi», 2016. – 116 s. : il. – (Bib-ka «Starogo Cejhgauza»).
28. Putevoditel' [EHlektronnyj resurs] : 60 000 adresov iz Sankt-Peterburga, Carskogo Sela, Petergofa, Gatchina [sic!] i prochie : [v 2 ch.] / sost. V.M. Matveev. – Sankt-Peterburg : tip. K. Vingebera, 1853-1854. – CH. 1-2. – 320 s. – Rezhim dostupa: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000007514/view#page=429>.
29. Pyatidesyatiletie 2 S.-Peterburgskoj gimnazii [Tekst] : vospominaniya : v 2 vyp. – Sankt-Peterburg : [b.i.], 1880-1881. – Vyp. 1. 1832-1848 gody. – Sankt-Peterburg, 1880. – 36 s.
30. Rodionov, A. [Vospominaniya] [Tekst] // Pyatidesyatiletie 2 S.-Peterburgskoj gimnazii : vospominaniya : v 2 vyp. – Sankt-Peterburg, 1880-1881. – Vyp. 1. 1832-1848 gody. – Sankt-Peterburg, 1881. – S. 5-11.
31. Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802-1902 [Tekst] / sost. S.V. Rozhdestvenskij. – Sankt-Peterburg : M-vo nar. prosveshcheniya, 1902. – II, 785, [4] s., portr.
32. Verekha, P. Postel's A.F. [EHlektronnyj resurs] / P. Verekha // Russkij biograficheskij slovar' / izd. pod nablyudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A.A. Polovcova. – Sankt-Peterburg : Imp. Rus. ist. o-vo, 1896-1913. – T. 14. – Sankt-Peterburg, 1905. – S. 626-629. – Rezhim dostupa: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002921692#?page=628>.
33. Kratkaya zoologiya [Tekst] / sost. K. Sent-Iler. – Sankt-Peterburg : tip. F. Bellizara, 1860. – [4], 124 s.
34. Sent-Iler, K.K. Materialy dlya monografii semejstva Dafnid [Tekst] : dis. ... magistra zoologii / K.K. Sent-Iler. – Sankt-Peterburg : tip. Imp. Akad. nauk, 1860. – [2], 118 s. : il.
35. Sent-Iler, K.K. EHlementarnyj kurs zoologii s prilozheniem zadach i letnih zanyatij po zoologii [Tekst] / K.K. Sent-Iler. – Sankt-Peterburg : Obshchestv. pol'za, 1869. – XII, 220 s.
36. Opisanie Glavnogo pedagogicheskogo instituta v nyneshnem ego sostoyanii [Tekst]. – Sankt-Peterburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1851. – IV, 71 s.

37. Smirnov, A. Otchet o Glavnom pedagogicheskom institute, s nachala 1848 po 1-e avgusta 1849 goda, sostavlennyj uchenym sekretarem A. Smirnovym [Tekst] / A. Smirnov. – Sankt-Peterburg : [b.i.], 1850. – [2], 19 s.
38. Smol'yaninov, K.N. Istoriya Odessy [Tekst] / sost. K.N. Smol'yaninovy. – Odessa : Gor. tip., 1853. – [4], 284, XIV s.
39. Staheev, D.I. Gruppy i portrety [Tekst] : listochki vospominanij / D.I. Staheev // Istoricheskij vestnik. – 1907. – № 1. – S. 81-91.
40. Staheev, D.I. Pustynnozhitel' [EHlektronnyj resurs] : povest' / D.I. Staheev // Staheev D.I. Sobranie sochinenij : v 12 t. – Sankt-Peterburg ; Moskva, 1902. – T. 2. – S. 163-256.
41. Staheev, D.I. Stanislav pervoj stepeni i enotovaya shuba [Tekst] : iz vospominanij o N.N. Strahove / D.I. Staheev // Istoricheskij vestnik. – 1904. – T. 95, № 2. – S. 441-479.
42. Strahov, N.N. Vospominaniya i otryvki [Tekst] / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1892. – [6], II, 313 s.
43. Strahov, N.N. Glavnye cherty istorii filosofii [Tekst] : iz «Istorii filosofii» Kuno Fishera / N.N. Strahov // Vremya. – 1861. – № 7. – S. 173-200.
44. Strahov, N. ZHiteli planet [Tekst] / N. Strahov // Vremya. – 1861 – № 1, o. III. – S. 1-56.
45. Strahov, N. Znachenie Gegelevskoj filosofii v nastoyashchee vremya [Tekst] / N. Strahov // Svetoch. – 1860. – № 1, o. II. – S. 3-51.
46. Strahov, N. Znachenie smerti. Pis'ma o zhizni. Pis'mo IV [Tekst] / N. Strahov // Svetoch. – 1860. – № 8, o. II. – S. 1-22.
47. Strahov, N. Kometa [Tekst] / N. Strahov // Russkij vestnik. – 1860. – Iyul', kn. 1. – S. 191-192.; Strahov, N. V tishi moej zhizni nichtozhnoj... [Tekst] / N. Strahov // Russkij vestnik. – 1860. – Avgust, kn. 1. – S. 516.
48. Kosi, N. (Strahov N.) Literaturnye zakonodateli [Tekst] : pis'mo v redakciyu «Vremeni» po povodu stat'i «Literaturnye rabochie» («Sovremennik», № 10) / N. Kosi. – Vremya. – 1861. – № 11, o. II. – S. 105-118.
49. Strahov, N. O metode estestvennykh nauk i znachenii ih v obshchem obrazovanii [Tekst] / N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. EH. Praca, 1865. – XII, 185 s.
50. Strahov, N.N. Organicheskie kategorii [Tekst] : po povodu stat'i g. EHdel'sona «Ideya organizma». «Biblioteka dlya chteniya» 1860 g. № 3 / N.N. Strahov // ZHurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. – 1861. – № 3, ch. neofic., o. II. – S. 49-63.
51. Strahov, N. Ocherki voprosov prakticheskoy filosofii P.L. Lavrova. SPb., 1860 [Tekst] / N. Strahov // Svetoch. – 1860. – № 7, o. III. – S. 1-13.
52. Strahov, N.N. Pis'ma N.N. Strahova k N.YA. Danilevskomu [Tekst] / N.N. Strahov // Russkij vestnik. – 1901. – № 1. – S. 127-142 ; № 2. – S. 453-469 ; № 3. – S. 125-141.
53. Strahov, N. Pis'ma o zhizni. Pis'mo I. Pis'mo II [Tekst] / N. Strahov // Svetoch. – 1860. – № 3, o. II. – S. 1-40.
54. Strahov, N. Soderzhanie zhizni [Tekst] / N. Strahov // Svetoch. – 1861. – № 1, o. II. – S. 37-58 ; № 2, o. II. – S. 111-128.
55. Strahov, N. Uchenie Spinozy o boge [Tekst] : iz «Istorii filosofii» Kuno Fishera / N. Strahov // Vremya. – 1861. – № 9. – S. 117-140.
56. Strahov, N. Fiziologicheskie pis'ma [Tekst] / N. Strahov // Russkij mir. – 1859. – Pis'mo I. – № 2. – S. 40-44 ; Pis'mo 2. – № 22. – S. 523-526 ; Pis'mo 3. – № 59. – S. 1005-1009.
57. Tihomirov, B.N. Adresa Dostoevskogo v Peterburge : kriticheskij analiz istochnikov i ehkspertiza kraevedcheskih publikacij. CHast' II : 1859-1881 [EHlektronnyj resurs] / B.N. Tihomirov // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2015. – № 1. – Rezhim dostupa: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf.
58. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie : v 2 kn. / IMLI RAN ; otv. red. T.G. Dinesman. – Moskva : IMLI RAN, 2011. – Kn. 1. – 990 s. – (Lit. nasledstvo ; t. 103).
59. Fet, A.A. Perepiska s N.N. Strahovym (1877-1892) [Tekst] / A.A. Fet // A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie : v 2 kn. / IMLI RAN ; otv. red. T.G. Dinesman. – Moskva, 2011. – Kn. 2. – S. 233-550. – (Lit. nasledstvo ; t. 103).

Салманова И.Ф.
Белгородский государственный институт
искусств и культуры, г. Белгород, Россия

**ПЕРЕПИСКА КАК ФОРМА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ:
ОТ ПЕРЕПИСКИ Н.В. СТАНКЕВИЧА К ПЕРЕПИСКЕ
Л.Н. ТОЛСТОГО И Н.Н. СТРАХОВА**

Аннотация. Статья посвящена дружеской переписке как форме философствования, рассмотренной на примере писем Н.В. Станкевича к современникам и переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Стрехова. Прослеживается эпистолярная традиция, раскрывающая новые грани отечественной философской мысли.

Ключевые слова: дружеская переписка, диалог, философствование, исповедь, традиция, самопознание, переживание, синтез, Н.В. Станкевич, Л.Н. Толстой, Н.Н. Стрехов.

Salmanova I.F.
Belgorod State Institute of Arts and Culture
Belgorod, Russia

**CORRESPONDENCE AS A FORM OF PHILOSOPHIZING: FROM
N.V. STANKEVICH'S CORRESPONDENCE TO CORRESPONDENCE
BETWEEN L.N.TOLSTOY AND N.N. STRAKHOV**

Abstract. The article is devoted to friendly correspondence as a form of philosophizing, examined on the example of Stankevich's letters to his contemporaries and the correspondence between L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov. An epistolary tradition is traced, revealing new facets of Russian philosophical thought.

Key words: friendly correspondence, dialog, philosophizing, confession, tradition, self-cognition, emotional experience, synthesis, N.V. Stankevich, L.N. Tolstoy, N.N. Strakhov.

Кульминация в развитии отечественной эпистолярной культуры наступает только в XVIII – первой трети XIX века, когда частная переписка начинает восприниматься как «факт литературы» [7, с. 121-137].

Непосредственное влияние на отечественную эпистолярную культуру западноевропейской романистики, успевшей ввести исповедальность в разнообразные литературные жанры, очевидна. «Романами» называли свою переписку, восходящую к литературе, питающуюся ею, люди XVIII в., чьи письма, не переставая быть средством связи, документом частной жизни, превращались в форму самопознания, самовыражения личности, форму освоения действительности» [3, с. 86]. «Литературность», обволакивая переписку, подчас превращала ее в подобие литературной игры; интимные излияния облекались в форму художественных упражнений, становились «книжным» способом чувствования и самовыражения. Эпистолярная

исповедальность, подчиненная литературной моде, становится предметом пародирования. Ярким примером такой пародии может быть «Моя исповедь» Н.М. Карамзина, который подвергает сомнению важнейший принцип исповеди – предельную искренность. Между тем, дружеская переписка, по словам П. Флоренского, «не терпит позы». В русской культуре опыт дружеской переписки остается благотворным, ничем не заменимым способом не только исповедального самораскрытия, но и формой философствования.

Л.Я. Гинзбург отмечала, что для молодого поколения 1830-х годов была свойственна напряженная философичность, своеобразно отразившаяся на стиле дружеской переписки. Авторское «я» превращалось в объект философии, и письмо приобретало лишь форму психологического анализа, наполненную весьма отвлеченным философским содержанием (письма Бакунина, Белинского [2, с. 82]). Развивая мысль Л.Я. Гинзбург, Л.Н. Морозенко отмечает, что «письма становились продолжением теоретических споров в философских кружках», имея в виду прежде всего кружок Н.В. Станкевича. «Вчерашний оппонент с той же горячностью развивал свои мысли в письме к другу. Нередко философия выражала не только систему мышления, но и строй чувств. Из науки умозрительной она превращалась в некую почти материальную среду существования личности» [6, с. 112]. Цитируя одно из писем Н.В. Станкевича, исследователь совершенно точно отмечает, что здесь «поэтическое философское размышление является одновременно исповедью сокровенных мнений и чувств. В нем нет боязни быть не понятым, оно проникнуто чистосердечным доверием к адресату» [6, с. 112]. Однако исповедальной переписку Станкевича, с точки зрения Морозенко, можно считать только в смысле формы передачи своего состояния, образа мыслей другому лицу, «в этой исповеди еще нет сомнения в ней самой», это «размышления и переживания вслух, но не с самим собой» [6, с. 113]. С точки зрения исследователя исповедь монологична и наиболее органичной исповедальной формой является дневник; при этом, анализируя дневники Толстого и Чернышевского, он практически избегает слов «исповедь» и «исповедальность», хотя в дневниках того и другого выделяет одно из важнейших исповедальных начал – «способность ставить самих себя в положение наблюдаемого» [6, с. 113]. Морозенко явно не учитывает диалогическую природу исповедального слова. «Почти материальная среда существования личности» достигается в переписке Станкевича именно благодаря всепроникающей исповедальности со всеми присущими ей типологическими чертами: искренностью, почти дневниковой автобиографичностью, естественной для эпистолярного письма диалогичностью, исповедальной многожанровостью и «недремлющей оглядкой на себя, или *рефлексией*», которая подмечала «настроение души в самую минуту ее развития» [1, с. 122].

К своему самому близкому другу Януарию (Януарий Михайлович Неверов) Станкевич обращается как к исповеднику, раскрывая ему потаенные уголки своей души, делится всеми своими впечатлениями и

мыслями. Он и есть тот «ближний», искренние признания которому приближают к Богу. После отъезда Неверова за границу в 1833 году Станкевич пишет ему письма почти ежедневно. В письме от 1 мая 1833 года читаем: «Друг мой! Я дорого дал бы за то, чтобы святыня души твоей не возбуждала укоров в моей душе. Но может быть тебе назначено очистить мою душу» [5, с. 32]. Письмо заканчивается словами: «Я всегда с тобою! Бог милостив: мы вновь найдем друг друга, встретимся... и пламеннее благословим Иисуса за святые чувства, которыми Он наградил человека. Да будет над тобою милость Распятого; об этом молить Его – дружба!» [5, с. 33]. Вот еще пример святой искренности по отношению к другу в письме от 13 октября 1833 года: «Да, ангел мой! Я чувствую над собою кроткую десницу Искупителя, который не дал бурям жизни похитить у меня мое блаженство. Ты, ты мой друг – поэзия души моей! Ты способен пересоздать меня, ты можешь поддержать во мне все святое» [5, с. 54].

Приподнятая, восторженная, молитвенная интонация, не лишенная литературности, пронизывает всю переписку. Однако это не мешает Станкевичу в тех же письмах проявлять свою, вполне земную, наблюдательность, быть, по-пушкински, шутливым, остроумным, ироничным. Интонационный регистр постоянно переключается, и это в форме дружеского письма не кажется натянутостью, неестественностью. Это, скорее, дает возможность пишущему письмо проявляться с разных сторон, высвечивать целостность своей натуры.

Иногда переписка становится прямым обменом «исповедями». В письме к Т.Н. Грановскому от 29 сентября 1836 года Станкевич пишет: «Буду отвечать тебе на твою исповедь и на твои сомнения точно также, как я отвечаю себе на свои... Чтоб нам лучше понимать друг друга, я расскажу тебе в немногих словах историю моей душевной жизни, исключив из нее все, что относится к *домашнему быту* моей души: это дело постороннее» [5, с. 194-196]. Подчеркнем, что для Станкевича исповедальность – путь к самопознанию – диалогичен по природе. Понять другого – это значит рассказать ему историю собственной души; и наоборот, понять себя – значит выслушать исповедь другого. Причем речь идет о самом важном – о собственном предназначении, о смысле собственной жизни. Здесь нет ни назидания, ни проповеднического пафоса, но есть внимательное, заинтересованное отношение к внутреннему становлению, духовному росту друг друга.

Отправным для каждого становится его собственная душа, ее запросы, и каждый стремится в зеркале другой души, души друга, распознать себя. Феномен переписки в том, что в ней царит дух равноправия и свободы, раскрепощенный обмен внутренним, еще не устоявшимся «багажом» мыслей и чувств. В письме к Грановскому Станкевич раскаивается в самом главном – в недоверии к собственной душе, в подражании чужому, исходящему извне; он окончательно решает заняться философией. Он пишет: «Г-ий, веришь ли? Оковы спали с души, когда я увидел, что вне одной всеобъемлющей идеи нет знания, что жизнь есть самонаслаждение любви и что все другое – призрак.

Да, это мое твердое убеждение. Теперь есть цель передо мною: я хочу полного единства в мире моего знания, хочу дать себе отчет в каждом явлении, хочу видеть связь его с жизнью целого мира, его необходимость, его роль в развитии этой идеи». И тут же звучит призыв к другу: «Больше простора душе, мой милый Г-ий! Теперь ты занимаешься историей: люби же ее, как поэзию, - прежде нежели ты свяжешь ее с идеею, - как картину разнообразной и причудливой жизни человечества, как задачу, которой решение не в ней, а в тебе, и которое вызовется строгим мышлением, приведенным в науку. Поэзия и философия – вот душа сущего. Это жизнь, любовь; вне их все мертво» [5, с. 197]. Здесь отчетливо проявляется характер философствования Станкевича, в котором изначально отсутствует академическая сухость теоретизирования, рациональные посылы систематизации мысли. Все сухо и мертво и в жизни, и в философии без животворящих начал – поэзии и любви.

Любовь, как Богом данное человеку чувство, жертвенна, абсолютно бескорытна, и эту божественную любовь, это «самонаслаждение любви» Станкевич хочет осмыслить как всеобъемлющую идею. Более того, он мечтает не только и не столько ее сформулировать, теоретически обосновать, но и жить, воспринимать жизнь по законам любви. В «Моей метафизике», изложенной в одном из писем, Станкевич, рассуждая об отношении человека к природе и Разумению (Разуму, Творцу), заключает: «Рассудок мой подтверждает эти положения; сердце мое не противоречит им и чисто верит в те минуты, когда я люблю» [5, с. 20]. В незаконченных, предсмертных заметках о науке Станкевич писал: «Да. Философия есть ход к абсолютному. Результат ее есть *жизнь идеи* в самом себе. Наука кончилась. Далее нельзя строить науки и начинается постройка жизни» [5, с. 223].

Феномен переписки Станкевича заключается не только в том, что она стала органичной формой философствования, но и в ее исповедальности – уникальном состоянии души и одновременно неизменном творческом качестве, позволяющем синтезировать отвлеченную мысль и конкретное переживание жизни.

Размышления Станкевича, безусловно, резонировали в сердце молодого Толстого, посвятившего себя поиску всеобъемлющей идеи, не противоречащей ни разуму, ни сердцу. Толстой не мог не увлечься личностью Станкевича. Много, что ему открылось в переписке Станкевича (восторженный отзыв о переписке в письме к А.А. Толстой от 23 августа 1858 г.), найдет отражение в его собственных дневниках, письмах, художественном творчестве, в его философско-религиозных исканиях. Главное, в чем они «совпали» - это «уяснение собственной души», «недремлющая оглядка на себя», доверие только к тому, что воспринято и пережито внутренне. Форма переписки для обоих – органичный, исповедальный способ самовыражения и самопознания. Непосредственная передача чувств и мыслей в переписке, касалось ли это бытовых, каждодневных, интимных впечатлений, словом, «мелочности», как сказал бы Толстой, или «домашнего быта души», как говорил Станкевич, не мешало

«генерализации» - постановке самых важных вопросов, касающихся смысла человеческого бытия. Переписку самого Толстого (с Н.Н. Страховым, А.А. Толстой, С.С. Урусовым) можно назвать продолжением *традиции философско-исповедальной переписки*, положенной Н.В. Станкевичем. Переписка Толстого с А.А. Толстой, в которой впервые упоминается Станкевич, также носит исповедальный характер. Ярчайшим примером переписки, в которой органично сосуществуют философское и исповедальное начала, является многолетняя переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова.

Переписка Толстого и Страхова продолжалась двадцать шесть лет и насчитывала 467 писем. Исследовательский интерес к переписке обусловлен необходимостью проникновения в глубинную природу творческого диалога, который, при определенном «единстве воззрений на жизнь», «на известной высоте душевной не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным» [4, т. 1, с. 14]. Здесь мы имеем дело с диалогическим процессом «высвобождения» той духовной энергии, которая необходима обоим в сложный период их творческих исканий.

Структура переписки прозрачна и сложна одновременно. Ее внешняя канва, несмотря на многоаспектную насыщенность и разноплановость, может рассматриваться с точки зрения разных эпистолярных уровней, которые формируются и развиваются по ходу жизненных обстоятельств и отражают не только личные творческие контакты Толстого и Страхова, но и эпохальные перипетии. Переписка носила одновременно и деловой, и информационно-публицистический, и глубоко дружеский характер. Каждый из уровней переписки, безусловно, заслуживает отдельного исследования, так как, по словам А.А. Донскова, переписка писателя и философа представляет собой «незатронутый источник».

С нашей точки зрения, переписка интересна как обоюдный, глубоко творческий процесс взаимного постижения, проникновения во внутренний ход мыслей и чувств друг друга. «Занят я Вами беспрестанно» [4, т. 2, с. 759]; «Но что бы я ни делал, я всегда о Вас думаю...» [4, т. 2, с. 784]; «Всегда от Вас я получал освежение, всегда Ваши речи и все Ваше присутствие подымали меня; много я о Вас думаю и много люблю Вас и потому видеть и чувствовать Вашу душевную жизнь лицом к лицу – для меня большая радость, сильно меня трогает и оживляет» [4, т. 2, с. 792], - пишет Страхов Толстому. Открываться перед Толстым «как на духу» становится жизненно необходимым для философа. «Ваша внутренняя жизнь всегда меня очень интересует и представляется мне значительной очень, несмотря на внешнее ее однообразие [4, т. 2, с. 1004], - пишет Толстой Страхову. Толстой вдумывается «в те душевные особенности» друга, которые, как ему кажется, «он знает по себе» [4, т. 2, с. 998]. И продолжает: «На то только мы, любящие друг друга люди, и нужны друг другу, чтобы общаться духом» [4, т. 2, с. 698]. Необходимым становится не только обоюдное всматривание, распознавание внутреннего состояния, но и постоянное, заинтересованное

обсуждение творческих достижений друг друга; требование не только похвал и лестных отзывов, коими изобилуют письма Страхова, но и жесткой критики и самокритики, на которой настаивает Толстой. Речь в данном случае идет не столько о внутренних совпадениях и согласованности «одних и тех же взглядов на жизнь» (в таком случае истинно творческого диалога, безусловно, не получилось бы), сколько о преодолении в переписке всякой умышленности, искусственности, этикетности, мешающей распознаванию «чужого» и «родного», «сближающего» и «разделяющего». Тут мы имеем дело с особым уровнем переписки с ее внутренней интригой, раскрывающейся только в текстах писем. Проникновение в этот исповедальный, духовно-интимный слой переписки представляется нам первостепенным, так как позволяет неформально представить весь самый сложный комплекс идей и проблем, мучительно решаемых в этот переходный, кризисный для обоих период.

Поиск и освещение духовно-нравственных основ жизни в доступных научному познанию пределах и рамках, либо разрушение их и переживание этого процесса внутри себя и для себя – вот основная смысловая оппозиция, на которой выстраивается внутренняя коллизия переписки художника и ученого. Интенсивность и глубина внутренних исканий продиктована необходимостью обретения чувства истинности жизни, поиском «сердечного знания», исключая фальшь, искусственность, претенциозность, «чуждость» к которым ощущает и Толстой, и Страхов. «О, риторика! тебя ничем и никогда не выжить. Всегда только как редкое исключение будут некоторые *писать*, остальные же *сочинять* [4, т. 1, с. 98], - писал Страхов Толстому. Сочинительство чуждо переписке, сориентированной на разговор о главном, существенном: «...сначала о так называемых делах, т.е. о пустяках, а потом не о делах, т.е. о существенном» [4, т. 1, с. 14], - так начинается одно из первых писем к Страхову Толстой. Существенным является вопрос о смысле жизни, путях его постижения и реализации. На протяжении всей переписки он остается стержневым и определяющим ее динамику. Специфику этого судьбоносного для обоих диалога определяет то, что в нем участвуют глубоко симпатизирующие друг другу, близкие по мироощущению, но совершенно разные по натуре личности: активный, деятельный, бесстрашный субъективист-Толстой, для которого его «я», смысл его жизни становится отправным, и объективный мыслитель Страхов, для которого собственное «я» не представляет никакого интереса, а его личная жизнь никак не вписывается (поначалу) в русло столь важного разговора.

К началу переписки и Толстой, и Страхов уже состоявшиеся творческие личности, за плечами которых почти 50 лет жизни; оба испытывают глубокую неудовлетворенность окружающим и собой; оба нуждаются в «задушевном» собеседнике, способном понять, проникнуть во внутренние переживания и размышления Другого. Абсолютная непохожесть Толстого и Страхова чрезвычайно важна для понимания творческой природы

диалога, развития его внутренней коллизии, которая, собственно, и является главным предметом нашего осмысления.

Абсолютная непохожесть Толстого и Страхова не только не мешала диалогическим отношениям, но стала питательной почвой для их плодотворного развития. Страхов в своем исповедальном письме отмечал: «Присматриваясь к людям, я наконец замечаю и то, что в них много тех самых черт, которые я готов был считать своею особенностью, и тогда, *рассматривая себя в них* (курсив мой – И. С.), начинаю смотреть на себя иначе, чем в том хаотическом и печальном «свете», в котором обыкновенно созерцаю собственную фигуру» [4, т. 2, с. 543]. В своем исповедальном саморазоблачении перед Толстым Страхов, по сути, определяет «механизм» творческих диалогических отношений: необходимость взглянуть на себя, самоопределиться через призму другого; увидеть себя в другом, чтобы вернуться к себе, чтобы окончательно ощутить свою самобытность. Внутренняя жизнь каждого, и Толстого, и Страхова, становится тем психологическим зеркалом, взглянув в которое, возникает неистребимая потребность в самоанализе, в окончательной самопроверке и самоопределении. Именно поэтому Толстому 70-х годов нужен не только Страхов - проникновенный слушатель и умнейший собеседник, но и Страхов исповедально саморазоблачающийся. Исповедальность становится, с нашей точки зрения, той внутренней основой, на которой и из которой вырастает все остальное, вся сложнейшая умственная и духовная работа каждого.

Прежде чем определить по отношению к окружающему миру, к науке, философии, искусству, религии, необходимо самоопределиться и этому самоопределению способствует «погружение» в другого. Уникальность переписки в том, что она запечатлела не только толстовский путь к «Исповеди», но и исповедальное развитие Страхова. Это исповедальное саморазоблачение инициирует Толстой, который и становится его «исповедником». Именно перед ним, абсолютно не сосредоточенный на себе Страхов, «омывает свою душу» и считает его «судьей, перед которым ни за что не хотелось бы провиниться» [4, т. 2, с. 775]. Однако исповедальные признания Страхова не превращают мягкого и податливого философа в марионетку в «руках» мятущегося, мощно преобразующего себя и окружающее, Толстого, но в определенном смысле укрепляют его духовно, помогают обрести внутреннее самостояние. В этом, думается, и заключается вся благотворная сила и тайна творческих диалогических отношений.

С самого начала Толстой определяет некий уровень диалогических отношений со Страховым. В разговоре «о существенном» должна, по его мысли, возникать не столько близость, сколько чуждость, независимость и свобода. Именно это состояние Толстой испытал с Ф. И. Тютчевым и Н. Н. Страховым, «чуждыми путешественниками», повстречавшимися ему «на этой пустынной дороге». Однако сам Толстой не выдерживает сухой отстраненности и объективной холодности чисто интеллектуального общения. Он слишком возбужден, мучается внутренними сомнениями, жаждет сокровенного, исповедального разговора.

Сдвиг в отношениях начинается после прочтения Толстым книги Страхова «Мир как целое». Естественнонаучную работу Страхова Толстой воспринимает субъективно, ему «не хватает нравственного смысла в книге (указания на идею добра)» [4, т. 1, с. 92]. Страхов моментально, будто ожидая именно этого замечания, откликается: «О, как бы я хотел иметь точные формулы для Вашего взгляда, для мысли о нравственной цели мира, и как бы хотел видеть отношение этой мысли ко всему, что есть в моей книге и... от чего я не могу отказаться!» [4, т. 1, с. 92]. С этого момента в переписке разворачивается диспут о методе познания сущности жизни, о роли философии, науки, религии в постижении ее смысла, о возможности или невозможности примирения научно-объективного и духовно-субъективного в понимании своего «я» и мира. Однако в марте 1875 года, в пору интенсивного писания и печатания «Анны Карениной», Толстой пишет Страхову: «Вы думаете, что я о себе одном думаю. Напрасно. Я чувствую людей, которых я люблю, и я чувствую вас и знаю, что в вас в эти два года... многое выросло внутри, и я догадываюсь, но мне хочется подробно узнать, ощупать, что и куда?» [4, т. 1, с. 205]. Страхов из Рима откликается: «Но я писал Вам все о Вас, да о Вас потому, что искренно вхожу в Ваши интересы и мысли. Я поступаю так почти со всеми, даже иногда с пустейшими людьми... Но что правда, то правда; я от Вас скрывался, я не был откровенен, говоря о самом себе. Отчего же? Скажу прямо – мне было стыдно открывать Вам то уныние, тот упадок духа, которые овладели мною...» [4, т. 1, с. 207]. Вот начало исповедальной переписки. Толстой только теперь, на пятом году интенсивного общения со Страховым, распознает в нем глубокую внутреннюю неудовлетворенность. «Немного мне открылось ваше душевное состояние, но тем более мне хочется в него проникнуть дальше» [4, т. 1, с. 211]. Это желание проникнуть дальше зиждется не «на умственном интересе», который преобладал в общении со Страховым, а «на сердечном влечении». Далее Толстой советует Страхову освободиться от излишней объективности, открыто и искренне проявить свое внутреннее духовное ядро, не стыдиться саморазоблачения. «Вы всегда говорите, думаете, пишете об общем – объективны. И все мы это делаем, но ведь это обман, законный обман, обман приличия, но обман, вроде одежды. Объективность есть приличие, необходимое для масс, как и одежде... И вы слишком одеваетесь объективностью и этим портите себя, для меня по крайней мере. Какие критики, суждения, классификации могут сравниться с горячим, страстным исканием смысла своей жизни?» [4, т. 1, с. 211]. Именно с этого момента переписка приобретает новые черты, четко подразделяясь на собственно философские письма с неизменными исповедальными вкраплениями и дружеские. Теперь Толстой и Страхов движутся в одном философско-исповедальном русле, которое приводит одного к «Исповеди», к окончательной духовной и творческой перестройке, обретению религиозной основы в жизни и творчестве, другого – к новому этапу философской деятельности, главным в которой становится нравственный смысл постигаемого. Однако непохожесть движения очевидна: один, Толстой,

воодушевлен и мучительно «работает» мыслью и сердцем, чтобы добыть решение или пояснение высших вопросов; другой, Страхов, «будто усталый и бессильный», только вечно смотрит на эти вопросы, только беспрестанно обращается к ним своею мыслью, почти не ожидая разрешения.

Вопрос о пассивном и деятельном отношении к жизни становится одним из ключевых в переписке. Внутренняя интрига диалога строится по сути на столкновении глубоко не равнодушного, но все же абстрактно-созерцательного, внутренне рефлексирующего, но не реализующего себя в конкретных поступках, Страхова, и активно преобразующего себя и окружающее, требующего непрерывного вмешательства, бесконечно стремящегося к единству слова и поступка Толстого.

С этой точки зрения за Страховым тянется шлейф опыта, так называемых, кающихся, но ничего не предпринимающих «лишних людей». Однако именно Страхов с восторгом воспринимал жизнотворческую энергию и полноту Толстого: «Вы, Лев Николаевич, не только гениально пишете, но и гениально живете» [4, т. 1, с. 325]. Страхов неустанно называл Толстого не только «самым цельным и последовательным писателем», но и «самым цельным и последовательным человеком». В 1893 году, в пору интенсивной работы Толстого над «Царством Божиим внутри вас», Страхов писал ему: «Вы очень счастливы – нет, не так нужно говорить – самое существенная Ваша черта в том, что Вашу жизнь и деятельность Вы на самом деле подчиняете Вашим убеждениям, не только избегаете противного им, но и исполняете то, что с ними согласно. И Вы столько сделали, не только думали, а действительно сделали! Более полной жизни трудно придумать. Как нелепы все толки о том, что Вам нужно было бы оставаться романистом, и что вы заблуждаетесь, вздумавши сверх того быть человеком!» [4, т. 2, с. 916]. Страхов при этом не был безоговорочным поклонником и последователем идей Толстого, его религиозной этики. Он не раз указывал великому Льву на «голую назидательность», призывая его не забывать себя самого – художника. Однако это не мешало ему «поверять» себя в свете толстовской жизнотворческой полноты, сравнивать себя с ним. Более того, сквозь призму феномена толстовской целостности Страхов пытался осмыслить некое переходное состояние всей русской жизни. Однако самого Толстого состояние зыбкости, раздвоенности уже не устраивает. Он неизменно движется вперед и провоцирует к этому движению Страхова.

Формой данного движения для Страхова, с точки зрения Толстого, должна была стать исповедь. Он считал, что Страхову «недостает толчка веры в себя, в важность дела, недостает энергии заблуждения, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя» [4, т. 1, с. 423]. Толстой всячески провоцирует колеблющегося Страхова на исповедальное слово. Страхов прислушивается к его совету, «подумывает» и «укрепляется в мысли» написать не биографию, но что-то подобное исповеди. «Напишу *Вместо исповеди* и посвящу Вам. Боюсь, что разыграются дурные чувства, которых так много возбуждает в нас наше милое Я» [4, т. 1, с. 458], - не без иронии замечает Страхов. «Истинно радуюсь и горжусь тем, что мой совет –

писать свою жизнь, занял вас» [4, т. 1, с. 462], - отвечал Толстой, ожидая многое от страховской исповеди. В это время Толстой сам пишет набросок под заглавием «Моя жизнь», начатый еще в 1878 г., который можно назвать прелюдией к «Исповеди».

Когда же исповедь Страхова, полная горечи саморазоблачения и неверия в себя, все же прозвучала в письме от 17 ноября 1879 года, Толстой резко и безапелляционно ответил: «И вам писать свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно было в ней. А надо знать». Судя по тону советов, которые далее дает Толстой, он сам уже переступил через черту сомнений, его устами заговорил проповедник: «Верьте, перенесите центр тяжести в мир духовный, все цели вашей жизни, все желания ваши выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела Божии, исполняйте Волю Отца, и тогда вы увидите свет и поймете» [4, т. 2, с. 545].

Так зачем же Толстому понадобилась исповедь Страхова? Думал ли он помочь другу, приобщить его к собственному пути в искании истины, или «примеривался» к Страхову как художник, видя в нем прототип одного из героев. Скорее всего, исповедь Страхова послужила для него толчком к окончательному преодолению своего всепоглощающего «я», внутреннему преображению и окончательному обретению духовной основы – веры в Бога, предоставляющей право публичной исповеди и проповеди.

С другой стороны, исповедальный опыт, который не прекращался до конца переписки, помог Страхову не только «сбросить мундир и ордена», но и окончательно уяснить свое истинное предназначение. «Об Вашем совете я прилежно думал и наконец сказал себе: Как странно! Они хотят, чтобы я перестал быть самим собою! Ведь моя объективность и есть выражение моего ума, моей натуры. Я не могу говорить о своих личных делах и вкусах; мне это стыдно, стыдно заниматься собою и занимать других своею личностью» [4, т. 2, с. 909]. Он остается верен самому себе, несмотря на то, что до конца дней своих продолжает исповедоваться перед Толстым. Страхов ищет «общие мерки чувств и мыслей», не выставляя «за норму, пример и закон своих мнений и волнений» (4, т. 2, с. 909-910). В своем творчестве философ стремится «возводить свои мысли до общеинтересного, для всех законного и убедительного», и только тогда он уверен, что «не обманывает свойства своей души [4, т. 2, с. 910].

Таким образом, исповедальное начало переписки Толстого и Страхова, продолжающей традицию, начатую Н.В. Станкевичем, помогает не только уяснить ее внутреннюю динамику, но и убедиться в том, что, двигаясь в одном направлении в постижении истины, оба преодолевают «разговорность» и отвлеченную абстрактность в обсуждении онтологических проблем, оба искренни и открыты в диалогическом пространстве переписки. Русская эпистолярная культура стала тем *свободным* пространством, в котором абсолютно неформально творилась и переживалась философская мысль. В целом эта живая, исповедально-диалогическая культура является, с нашей точки зрения, уникальным явлением, позволяющим по-новому взглянуть на природу отечественной философской и художественной мысли.

Список литературы

1. Анненков, П.В. Биография Николая Владимировича Станкевича / П.В. Анненков // Николай Владимирович Станкевич : переписка его и биограф., написанная П.В. Анненковым / Н.В. Станкевич. – Москва, 1857. – С. 1-237.
2. Гинзбург, Л.Я. «Былое и думы» Герцена / Л.Я. Гинзбург. – Москва : Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1957. – 374 с.
3. Лазарчук, Р.М. Переписка Толстого с Т.А. Ергольской и А.А. Толстой / Р.М. Лазарчук // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; под ред. Г.Я. Галаган, Н.И. Пруцкова. – Ленинград, 1979.
4. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов : полное собрание переписки = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov : Complete correspondence : в 2 т. / сост.: Л.Д.Громова, Т.Г. Никифорова ; ред. А.А. Донсков. – Ottawa ; Москва : Гос. музей Л.Н. Толстого, 2003. – Т. 1. – 488 с. – (Tolstoy Series ; т. 6) ; Т. 2. – С. 489-1080 : 1 л. портр. – (Tolstoy Series ; т. 7).
5. Станкевич, Н.В. Николай Владимирович Станкевич : переписка его и биограф., написанная П.В. Анненковым / Н.В. Станкевич. – Москва : Тип. Каткова и К°, 1857. – 238, 395 с.
6. Морозенко, Л.Н. У истоков нового этапа в развитии психологизма : ранние дневники Толстого и Чернышевского / Л.Н. Морозенко // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; под ред. Г.Я. Галаган, Н.И. Пруцкова. – Ленинград, 1979. – С. 112-132.
7. Тынянов, Ю.Н. Литературный факт : сб. / Ю.Н. Тынянов. – Москва : Высш. шк., 1993. – 318 с.

References

1. Annenkov, P.V. Biografiya Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha / P.V. Annenkov // Nikolaj Vladimirovich Stankevich : perepiska ego i biogr., napisannaya P.V. Annenkovym / N.V. Stankevich. – Moskva, 1857. – S. 1-237.
2. Ginzburg, L.YA. «Byloe i dumy» Gercena / L.YA. Ginzburg. – Moskva : Goslitizdat. Leningr. otd-nie, 1957. – 374 s.
3. Lazarchuk, R.M. Perepiska Tolstogo s T.A. Ergol'skoj i A.A. Tolstoj / R.M. Lazarchuk // L.N. Tolstoj i russkaya literaturno-obshchestvennaya mysl' : sb. st. / AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkin. dom) ; pod red. G.YA. Galagan, N.I. Pruckova. – Leningrad, 1979.
4. L.N. Tolstoj i N.N. Strahov : polnoe sobranie perepiski = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov : Complete correspondence : v 2 t. / sost.: L.D. Gromova, T.G. Nikiforova ; red. A.A. Donskov. – Ottawa ; Moskva : Gos. muzej L.N. Tolstogo, 2003. – T. 1. – 488 s. – (Tolstoy Series ; t. 6) ; T. 2. – S. 489-1080. – (Tolstoy Series ; t. 7).
5. Stankevich, N.V. Nikolaj Vladimirovich Stankevich : perepiska ego i biogr., napisannaya P.V. Annenkovym / N.V. Stankevich. – Moskva : Tip. Katkova i K°, 1857. – 238, 395 s.
6. Morozenko, L.N. U istokov novogo ehtapa v razvitii psihologizma : rannije dnevniki Tolstogo i Chernyshevskogo / L.N. Morozenko // L.N. Tolstoj i russkaya literaturno-obshchestvennaya mysl' : sb. st. / AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkin. dom) ; pod red. G.YA. Galagan, N.I. Pruckova. – Leningrad, 1979. – S. 112-132.
7. Tynyanov, YU.N. Literaturnyj fakt : sb. / YU.N. Tynyanov. – Moskva : Vyssh. shk., 1993. – 318 s.

Сорокина Д. Д.
г. Москва, Россия

Н. Н. СТРАХОВ В 1840–1850-е гг.: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Аннотация. Подступы Н. Н. Стрехова к литературной критике обнаруживаются в его прозе 1840–1850-х гг., а также в письмах тех лет. Анализ ранних литературных опытов Стрехова позволяет говорить о том, что уже на первом этапе его творчества были заложены те фундаментальные критерии оценки художественных произведений, которые в дальнейшем позволили трудам критика по праву занять видное место в истории русской литературы.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н.Н. Стрехов, литературная критика, романтизм, реализм.

Sorokina Daria D.
Moscow, Russia

N. N. STRAKHOV IN 1840s–1850s: FORMING LITERARY-CRITICAL VIEWS

Abstract. N. N. Strakhov's approach to the critical literary practice can be traced in his prose works and letters of 1840s–1850s. The analysis of his early literary works makes it possible to maintain that already at the first stage of Strakhov's creative career the fundamental estimation criteria of fiction writings were founded. Later they helped works by this critic take by right a prominent place in history of Russian literature.

Key words: the Russian literature of the XIX century, N. Strakhov, critical literary practice, romanticism, realism.

Отличительной чертой ранних литературно-художественных опытов Н. Н. Стрехова является их ярко выраженная критическая составляющая. Уже в 1840–1850-е гг. прослеживается формирование Стрехова как самобытного критика, своеобразие критического таланта которого в полной силе раскрылось в 1860–1880-х гг.

Формирование художественно-эстетических воззрений Н. Н. Стрехова пришлось на период бурной общественной жизни и напряженной идейной борьбы. 1840–1850-е гг. явились периодом интенсивного развития искусства, общественной и эстетической мысли в России. Русскими эстетиками в эти годы был выдвинут ряд проблем, требовавших немедленного осмысления. Остро встали вопросы о взаимоотношении русского и западного искусства, о специфике русской художественной культуры, об отношении искусства к действительности [см. 2, с. 10].

Литературно-критическая позиция молодого Стрехова складывалась во многом и под влиянием чтения русской и зарубежной литературы. Немалую

роль в становлении художественно-эстетической системы Страхова играла немецкая классическая философия, и, прежде всего, философия Гегеля.

Индивидуальные особенности таланта Страхова также во многом определили дальнейшее проявление критического начала в его раннем творчестве. Критическая доминанта в прозе Страхова 1840–1850-х гг. в значительной степени была обусловлена аналитическим складом его ума. Развитию природного таланта способствовало основательное естественнонаучное образование. Разбирая художественное произведение, Н. Н. Страхов и позже применял основы научного метода, а именно: четкость и строгость анализа, поиск объективной истины. Все это создавало глубоко индивидуальный, неповторимый стиль Страхова-критика.

Выработке эстетической позиции будущего критика способствовали и собственные попытки создания художественных произведений. Сохранились художественно-автобиографические опыты Н. Н. Страхова студенческих лет: повесть «По утрам» (1850), представляющая собой наибольший художественный интерес в ряду юношеских творческих попыток будущего критика, «Записки Демона» (1846–1848 гг.), а также небольшие фрагменты «Под арестом» (сер. 1840-х гг.), «Опыты» (1847–1850), «Записки Монте-Кристо» (1848), «Груша и Стратопович» (1849), «По праздникам» (1849), «Последний год студенчества» (1850–1851).

Потребность выразить свое мнение о прочитанных произведениях вылилась в ранней прозе Н. Н. Страхова в виде развернутых критических отступлений. Страхов уже в юности обладал уникальным умением чувствовать художественные достоинства литературных произведений и отличать подлинные шедевры. Эта способность критика с годами развилась до совершенства.

Тематика раннего творческого наследия Страхова свидетельствует о широте литературно-критических вопросов, к которым он обращался. При прочтении художественно-автобиографической прозы и писем Страхова 1840–1850-х гг. в хронологическом порядке хорошо видно, как от более простых вопросов будущий критик переходил к важным литературным и эстетическим проблемам.

Первые критические замечания Н. Н. Страхова находим в художественно-автобиографических зарисовках «Записки Демона». Одно из замечаний относится к театральной драме К. Д. Ефимовича «Владимир Заревский» (1846). Описывая впечатления от недавно виденной на сцене Александринского театра пьесы, Страхов так сформулировал свою оценку художественной стороны произведения: «Эта драма самая пустая, склеенная из избитых и избито изложенных эффектов. Тут есть и сумасшествие, и измена, и смерть изменившей, и самоубийство, и мать, ждущая сына, и старушка, ухаживающая за больною барышнею, и плут управитель, и дурак слуга и пр., и пр. Все есть, но нет драмы» [1].

Мастерству писателей молодой Страхов уделял пристальное внимание, пытаясь осмыслить их новаторство, место в русской и мировой литературе. Анализируя художественную форму произведения, будущий критик старался

выявить то, что составляло существенную силу того или иного писателя. В этом отношении весьма показательным является развернутое сравнение романов В. Скотта «Гай Маннеринг или Астролог» и М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в автобиографической повести Страхова «По утрам». Сравнивая художественное мастерство двух писателей, будущий критик пришел к выводу, что в романе «Гай Маннеринг» «глубокого художественного умения» он не нашел. «И странно для меня самого, – пишет молодой Страхов, – когда я, сравнив его, например, с “Героем нашего времени”, ставлю произведение Лермонтова далеко выше. А ведь известно, что Вальтер Скотт – всемирное имя, что поставить его в ряду имен Шекспира, Гете, Гомера нисколько не странно; и известно также, что Лермонтова называли молодым человеком, подававшим надежды. Между тем какая у него стройность, простота и единство создания. Далее этого художественность едва ли может простираться» [3, с. 383]. Отсюда видно, что Страхов уже в своей ранней прозе пытался решить важные проблемы эстетики, в частности, проблему художественности.

Интерес к философской проблематике художественных произведений занимал в раннем творческом наследии Н. Н. Страхова чрезвычайно большое место: это и вечные начала человеческой жизни, и поиски идеала, и жажда правды, и любовь к истине. В центре внимания Страхова оказывались и нравственные искания героев произведений. Характеризуя литературных персонажей, будущий критик пытался вскрыть духовные поиски самого автора, прояснить его жизненную позицию. В этом отношении вполне характерна оценка молодым Страховым творчества и жизненных взглядов М. Ю. Лермонтова, данная будущим критиком в повести «По утрам» на фоне лирики поэта и романа «Герой нашего времени». При всем восхищении талантом Лермонтова, видя в нем гениального художника и незаурядную личность, признавая в его сочинениях «изумительную силу искусства», Страхов, тем не менее, не находил в сочинениях поэта высокого нравственного идеала.

Антинигилистическая позиция Н. Н. Страхова определилась очень рано. С полной ясностью она проявилась уже в самом начале 1850-х гг. Огромную роль в этом играли философские взгляды Страхова: уже в молодости он был противником утилитарного взгляда на искусство, выступал с критикой механистического материализма и узко-эмпирического подхода к объяснению бытия.

Отношение молодого Страхова к проявлявшимся в начале 1850-х гг. нигилистическим тенденциям красноречиво и однозначно демонстрируют портреты двух эпизодических персонажей в повести «По утрам». Прогрессивно мыслящие молодые люди изображены в произведении не без авторской иронии: «Следя за умственными и нравственными движениями всего человечества, глубоко сочувствуя всем современным жизненным вопросам европейских народов, они явились пророками и мучениками новых идей, – говорит главный герой повести о двух своих знакомых, – на пышных площадях и в блистательных палатах, полных ликующей толпы, они с

содроганием и гневной скорбью слышали стоны изнывающих под цепями братьев и всюду видели роскошные пированья сильных над грудями развалин и потоками крови. <...> Это были люди, оживляемые каким-то лихорадочным желанием высказывать свое неверие и смелые мысли. Их, казалось, вечно восхищала высота их понятий. О чем бы с ними не говорили, хоть об табаке, они непременно сведут речь на то, что они ни во что не веруют. <...> В них было столько наслаждения глубиной своих европейских идей и взглядов, они с таким усердием наперерыв старались высказать презрение или милостивое снисхождение ко всему родному, что я невольно применил к ним резкие стихи поэта: Им не понятна и смешна / Своя страна. Их ум развратен, / И совесть их прокажена!» [3, с. 386–387]. В последних строках этого отрывка прямо высказана мысль о любви к своему Отечеству, понимании оснований истоков русской национальной жизни, надежда на свою землю и вера в свой народ. Здесь же – смелое выступление против необоснованного восхищения идеями Запада – «совершенно чуждых и совершенно посторонних» для России. В повести «По утрам» впервые в творчестве Страхова поставлен вопрос о России как примере особого типа духовной жизни и самобытного развития.

Развитие истории русской литературы Страхов видел в освобождении от иностранных заимствований и постепенном приобретении самобытности в русском словесном творчестве. Повесть «По утрам» ясно показывает, что представления Страхова о постепенном росте национального самосознания, последовательном обретении русской литературой национального характера формировались уже на самом раннем этапе его творчества. Такому взгляду в значительной мере способствовала широкая эрудиция будущего критика, позволявшая ему на фоне богатого и обширного материала русской и западноевропейской романтической и реалистической литературы увидеть национальную специфику литературы русской. Появление такого самобытного таланта в русской культуре, как Гоголь, Страхов уже тогда определял как «непостижимое таинство русской силы» [3, с. 426]. А главную заслугу великого писателя будущий критик видел в том, что он «пошел спокойно по своей дороге», не допуская в свое творчество иностранные заимствования.

К проблеме народности, вопрос о которой в середине 1850-х гг. встал с новой силой и остротой, было обращено внимание молодого Страхова. «Я верю, что словесность – отражение ума народа, смысл того, что он делает» [3, с. 425], – в этих словах двадцатидвухлетнего Страхова заключена вера в необъятные творческие силы, заложенные в русском народе. Подтверждение могучей жизненной силы России молодой Страхов видел в таких талантах, как Ломоносов, Пушкин, Гоголь. В этом же утверждении находим зачатки будущих программных почвеннических мыслей критика об идее русской народности, нашедшей глубокое воплощение в творчестве крупнейших русских писателей, об органичности духовного развития нации, а также о том, что каждый писатель в той или иной мере является выразителем народного духа. По справедливому замечанию М. И. Щербаковой, «о

русской литературе, о русских писателях Страхов судил по их способности выразить правду о русском национальном характере» [4, с. 5].

Мысли о судьбе России, ее прошлом, настоящем и будущем всегда волновали Страхова. России, ее месте и роли во всемирной истории, особому типу русской духовной жизни будут посвящены выдающиеся труды критика. Открытый финал повести «По утрам» в определенном смысле стал отправной точкой в сторону поиска Страховым живых начал, нравственных и духовных основ русской жизни: «Моя мысль – об России, моя вечная дума!.. Думаю о том, что в ней так мне дорого и свято; думаю об этой необъятной массе людей, в которую проникает умственная жизнь. Чего нельзя ожидать от этих пробуждающихся миллионов? Можно ли не содрогнуться при мысли о силах и величии, которые когда-нибудь выскажет эта молодая, могучая, неисчислимая толпа?» [3, с. 425]. Из этих строк видно стремление Страхова познать сущность русского национального характера; здесь же рождается вера критика в особую духовную и историческую миссию России. В этом высказывании уже намечено и развитие национально-патриотической темы в творчестве Страхова.

Движение Страхова к пониманию реализма как одного из величайших достижений русской культуры видно уже в его ранних литературно-критических замечаниях. Этому во многом способствовало острое ощущение Страховым связи произведений искусства с национальной жизнью, историческими и социальными факторами.

Многообразие и глубина поднимаемых современной литературой вопросов, идейные споры, духовные искания, мировоззренческие конфликты, которые занимали русское общество и были напрямую связаны с особенностями культурно-исторического развития России, вырабатывали у Страхова отношение к реализму как к сложному явлению, позволявшему в рамках единого творческого метода сосуществовать многообразию его вариантов. Начиная со второй половины 1840-х гг. Страхов отдает явное предпочтение реалистическим произведениям над романтическими. Переход Страхова от романтизма к реализму ярко отразился в его собственных творческих попытках. Молодой автор пробовал создать художественные произведения, опираясь именно на реалистическую поэтику.

Из прозы, писем и дневника Страхова 1840–1850-х гг. видно, как внимание будущего критика от сентиментальной и романтической литературы все больше обращалось к литературе современной. Литературно-эстетические высказывания о недавно вышедших произведениях находим на страницах его ранней прозы. Так, в частности, в «Записках Демона» и повести «По утрам» содержатся замечания критического характера о поэзии А. Н. Плещеева, прозе Д. В. Григоровича.

Большую ценность в этом отношении представляет повесть «По утрам». На страницах произведения Страховым были сформулированы глубокие литературно-критические мысли, которые позже, усложняясь и углубляясь, нашли свое законченное выражение в программных работах критика: это и вопросы о народности и самобытности русской литературы, о развитии

русского искусства, о духовных и нравственных основах русской жизни, отношении к материализму и нигилизму, рассуждения о новаторском характере творчества Пушкина, о принципиальном значении повестей Гоголя для судеб русской литературы и др.

К концу 1850-х гг. уже успели сложиться главные черты мирозерцания и эстетических взглядов Н. Н. Стрхова. В напряженной атмосфере идейных исканий, которыми было проникнуто русское общество, сформировалась творческая индивидуальность будущего критика. Тогда же наметилась и стержневая проблематика его будущего литературно-критического и философского наследия. Таким образом, внушительный потенциал для развития литературно-критического таланта Н. Н. Стрхова был заложен в 1840–1850-х гг.

Список литературы

1. Стрхов, Н.Н. Записки Демона / Н.Н. Стрхов // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. – Ф. 1. – Ед. хр. № 5273.
2. Кантор, В.К. Русская эстетика середины XIX века: теория в контексте художественной культуры / В.К. Кантор, А.Л. Осповат // Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века / сост. В.К. Кантор. – Москва, 1982. – С. 7-41. – (История эстетики в памятниках и документах).
3. Стрхов, Н.Н. По утрам / Н.Н. Стрхов // Толстой и о Толстом : материалы и исслед. / РАН, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва, 2010. – Вып. 4. Материалы к комментариям / отв. ред. М.И. Щербакова. – С. 368-430.
4. Щербакова, М.И. «Радейте и не оскудевайте» : из переписки И.С. Аксакова и Н.Н. Стрхова / М.И. Щербакова // И.С. Аксаков – Н.Н. Стрхов : переписка / Группа славян. исслед. при Оттавском ун-те, Ин-т мировой лит. РАН ; сост. М.И. Щербакова. – Оттава ; Москва, 2007.

References

1. Strahov, N.N. Zapiski Demona / N.N. Strahov // Institut rukopisi Nacional'noj biblioteki Ukrainy im. V.I. Vernadskogo. – F. 1. – Ed. hr. № 5273.
2. Kantor, V.K. Russkaya ehstetika serediny XIX veka: teoriya v kontekste hudozhestvennoj kul'tury / V.K. Kantor, A.L. Ospovat // Russkaya ehstetika i kritika 40-50-h godov XIX veka / sost. V.K. Kantor. – Moskva, 1982. – S. 7-41. – (Istoriya ehstetiki v pamyatnikah i dokumentah).
3. Strahov, N.N. Po utram / N.N. Strahov // Tolstoj i o Tolstom : materialy i issled. / RAN, In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. – Moskva, 2010. – Vyp. 4. Materialy k kommentariyam / otv. red. M.I. SHCHerbakova. – S. 368-430.
4. SHCHerbakova, M.I. «Radejte i ne oskudevajte» : iz perepiski I.S. Aksakova i N.N. Strhova / M.I. SHCHerbakova // I.S. Aksakov – N.N. Strahov : perepiska / Gruppy slavyan. issled. pri Ottavskom un-te, In-t mirovoj lit. RAN ; sost. M.I. SHCHerbakova. – Ottava ; Moskva, 2007.

Старыгина Н.Н.

*Поволжский государственный технологический университет
г. Йошкар-Ола, Россия*

**Ф.И. ТЮТЧЕВ И Н.Н. СТРАХОВ
(К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОМ КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ)**

Аннотация. В статье обосновывается мысль о преемственности духовной (христианской) традиции в русской культуре, что позволяет выявить общие закономерности формирования и проявления философско-религиозного «контекста эпохи» в творчестве Ф.И. Тютчева и Н.Н. Стрехова. Сравнительно-типологический анализ статьи «Россия и Революция» и стихотворения «Наш век» Ф.И. Тютчева, публицистики 1860-1870-х годов Н.Н. Стрехова выявил философские, религиозные, идеологические совпадения и созвучия между ними, что в значительной степени объясняется важной для каждого из них идеей «борьбы с Западом». Также показаны некоторые общие для поэта и философа-публициста приемы поэтики и структурирования текстов.

Ключевые слова: христианский контекст, духовная традиция, нигилизм, традиционализм, идеал, вера, безверие, свой, чужой.

Starygina Natalya N.

*Volga State Technological University
Yoshkar-Ola, Russian Federation*

**F. I. TYUTCHEV AND N.N. STRAKHOV
(THE QUESTION OF THE PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS
CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE AND THE CONTINUITY
OF CHRISTIAN SPIRITUAL TRADITION)**

Abstract. The article explains the idea of the continuity of spiritual (Christian) tradition in Russian cultures, which allows to reveal General regularities of the formation and manifestation of philosophical and religious "context of the era" in the work of F. I. Tyutchev and N.N. Strakhov. Comparative-typological analysis of the article "Russia and the Revolution" and the poem "Our century" by Tyutchev, journalism 1860-1870 years N. Strakhova revealed philosophical, religious, ideological similarities and consonances between them, which is largely due to the important for each of them the idea of "struggle with the West." Also shown are some common for the poet and philosopher-publicist techniques of poetics and text structuring.

Key words: christian context, spiritual tradition, nihilism, traditionalism, ideal, faith, disbelief, own, alien.

«Главная заслуга Стрехова в плане развития русской общественной мысли заключается именно в его яростной борьбе против идей «просвещения», которую он, называл «борьбой с Западом». Это роднит

его с Ф.М. Достоевским, Ф.И. Тютчевым, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым, В.В. Розановым. В общей перспективе развития русской общественной мысли он является своего рода передаточным звеном между позднейшими славянофилами и деятелями русского религиозного ренессанса» [1]. В высказывании С. Лабанова внимание привлекает объединение имен Н.Н. Страхова (1828-1896) и Ф.И. Тютчева (1803-1873). Действительно, два великих деятеля русской культуры ярко представляют отечественную духовную культуру, их творчество развивалось в христианском контексте русской светской культуры XIX века и формировало его. Они совпадали во многом, осмысливая русскую историю, ментальность русского человека, веру и т.д.

Очевидно, что «взаимоотношения» христианства и светской культуры складывались по-разному, выявлялись неравномерно и специфически в разные периоды истории России. Одним из координирующих этот процесс факторов, его движущей силой и необходимым условием являлось соотношение «своего» и «чужого», национального и инонационального, традиционного и нового (см. [3]). Для Тютчева и Страхова «борьба с Западом» (см. выше приведенную цитату) становится актуальной в разные исторические периоды. Великий поэт-мыслитель, наблюдавший французскую революцию, пишет статью «Россия и Революция» (1848). Великий философ, публицист и литературный критик в 1860-1870-е годы вступает в полемику с русскими нигилистами, пишет ряд статей («Нечто о петербургской литературе» (1861), «Еще о петербургской литературе» (1861), «Пример апатии» (1862), «Нечто об авторитетах» (1862), «Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений» (1862), «Отцы и дети» (1862), «Слово и дело» Комедия в 5-ти действиях Ф. Н. Устрялова» (1863), «Люди, как животные, и животные, как люди» (1864), «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (1865), «Бедность нашей литературы» (1867), «Дым» (1867), «Герцен» (1870), «Милль. Женский вопрос» (1870), «Последние произведения Тургенева» (1871), «Штраус» (1873), «Ход нашей литературы, начиная от Ломоносова» (1873), «Дарвин» (1873) и др.), выступая против привнесенных извне в русскую культуру идей, остро реагируя на агрессивное воздействие «чужой» культурной традиции.

Основная идея, которую обосновывает в своей статье Ф.И. Тютчев, заключается в утверждении того, что "Революция - прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа Революции; это ее особенный, отличительный характер" [12, 273]. Н.Н. Страхов, изучая русский нигилизм, указал на преобладающее в нем революционное – разрушительное – начало, основанное на отрицании Бога. Нигилизм, писал он, есть «неверие, сомнение, скептицизм ... отсутствие живых верований, прочных основ для мысли» [5, X]. Это «отрицание всяких сложившихся форм жизни» [6, 51], это «порыв мысли освободиться от старых понятий ... последовательное искание нового пути для жизни и деятельности ума» [5, X].

Позже, в «Письмах о нигилизме» (1881) Страхов дал развернутое характеристику нигилизма как мировоззрения, несовместимого с христианской верой: «Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушения. Нигилизм это не простой грех, не простое злодейство; это и не политическое преступление, не так называемое революционное пламя. Поднимитесь ... еще на одну ступень выше, на самую крайнюю ступень противлений законам души и совести; нигилизм, это – грех трансцендентальный, это – грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это – чудовищное извращение души, при котором злодеяние является добродетелью, кровопролитие – благодеянием, разрушение – лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую. Безумие ... под видом доблести дает простор всем страстям человека, позволяет ему быть зверем и считать себя святым» [8, 74-75].

Для обоих мыслителей, подчеркнем, характерен этический подход к осмыслению явления. Н.Н. Страхов, как мы могли убедиться, рассматривает нигилизм как «грех человеческой гордости», в чем совпадает с Ф.И. Тютчевым, ранее писавшим: "Человеческое я, желая зависеть лишь от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом, человеческое я, заменяя собою Бога, конечно не составляет еще чего-либо нового среди людей; но таковым сделалось самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся, в силу этого права, овладеть. Вот это-то новое явление и получило в 1789 году название Французской революции" [12, 273]. Тютчев в революции, а Страхов в нигилизме видели антихристианское торжество человеческого "я", человеческой гордыню.

Безверие современного человека Тютчев воспринимает как инациональную идею и как болезнь духа, поскольку для него "Россия прежде всего христианская империя; Русский народ - христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более душевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы" [12, 273].

По мнению Страхова, нигилизм основан на безбожии, что и приводит к отрицанию абсолютных ценностей, приоритета духовного начала в человеке, рождает скептицизм и пессимизм мировосприятия, социальный нигилизм: «Символ веры отрицателей ... очень прост ... Бога нет, а царя не надо» (Цит. по кн.: [2, 11]).

Русский национальный характер в характеристике Страхова противоречив (что, кстати, позволило философу обосновать мысль о том, что распространению нигилистических идей в России способствовали специфические особенности русского характера): «потребность самоосуждения, самообличения и даже самооплевывания ... составляет одну из черт русского характера. Самодовольство и самовосхваление для нас

нестерпимы ... Малым нас не удовлетворишь; шаг за шагом мы идти не умеем; подавай нам все сразу» [6, 2]. В русском человеке сочетаются крайности, в его «натуре есть задаток глубокого цинизма, составляющего как бы противовес чистому и высокому энтузиазму, тоже несомненно таящемуся в русских душах» [6, 52]. Отсюда вывод – «скептицизм, недоверие, отсутствие наивности, насмешливость, бездейственная, но умная леность, – все эти черты русского характера находят здесь (в нигилизме. – Н. С.) себе исход» [6, 52].

Страхов, как и Тютчев (см. [12, 273]), понимал различие между западноевропейской и русской ментальностью и верил в возможность национального возрождения: «коренное наше зло состоит в том, что мы не умеем жить своим умом, что вся духовная работа, какая у нас совершается, лишена главного качества: прямой связи с нашей жизнью, с нашими духовными инстинктами. Влияние Европы постоянно отрывает нас от нашей почвы ... русский народ, однако же никогда не отдавался исключительно материальным и государственным интересам, а, напротив, постоянно жил и живет в некоторой духовной области, в которой видит свою истинную родину, свой высший интерес. ... Европейское просвещение, этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли должно быть для нас побуждением и средством к такому сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов» [7, I-V]. Мысль о бесперспективности нигилизма в России Страхов обосновал чувством национального самосохранения, присущим народу: «не такой мы народ, чтобы поверить, что глубокие основы жизни могут быть сегодня открыты, завтра переделаны, послезавтра радикально изменены» [5, 108].

Подробная, несколько ироническая характеристика нигилистических взглядов дана философом в статье «Милль. Женский вопрос» (1870):

«Между Богом и природою нет разницы. Бог есть природа, олицетворенная человеческой фантазией.

Между духом и материей нет разницы. Дух есть некоторая деятельность материи.

Между организмами и мертвыми телами нет разницы. Организмы суть создания физических и химических сил.

Между животными и растениями нет разницы. Чувствительность и так называемое произвольное движение суть явления рефлексов, совершающихся механически.

Между человеком и животными нет различия. Душевные явления человека совершаются точно так же, как и у животных.

Между душою и телом нет различия. Душа есть некоторая деятельность тела.

Между мужчиною и женщиною нет различия. Женщина есть как бы безбородый мужчина меньшего роста, чем обыкновенно бывают мужчины.

Между нравственностью и стремлением к счастью нет различия. Нравственно то, что ведет к человеческому благополучию.

Между прекрасным и полезным нет различия. Прекрасно только то, что ведет к некоторой пользе.

Между искусством и наукою нет различия. Искусство есть только особая форма для популяризации истин науки» [7, 175-177].

Невозможно в этой связи не вспомнить стихотворение «Век» (1864) Я.П. Полонского, предвосхищающее в какой-то мере данную характеристику:

*Век девятнадцатый – мятежный, строгий век –
Идет и говорит: «Бедняжка человек!
О чем задумался? Бери перо, пиши:
В твореньях нет творца, в природе нет души.
Твоя вселенная – брожение сил живых,
Но бессознательных, - творящих, но слепых,
Нет цели в вечности; жизнь льется, как поток.
И, на ее волнах мелькнувший пузырьёк,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес, -
Туда ж, куда упал и раб твой, и Зевес,
И червь, и твой кумир, фантазию твою
Я разбиваю в прах... покорствуй, я велю!»
Он пишет – век идет, он кончил – век проходит.
Сомненья вновь кипят, ум снова колобродит,
И снова слушает бедняжка-человек,
Что будет диктовать ему грядущий век [3, 159].*

Страхов, как и Яков Полонский, указал на те идеи нигилизма, которые радикально расходятся с религиозным пониманием мира и человека: «Новая мудрость, утверждающая, что для нее вещи друг от друга не различаются, тем самым утверждает, что она отрекается от познания, что она забыла, или потеряла и то первое ведение, которое по священным сказаниям получил первый человек и которое состояло тоже в умении различать, именно различать доброе от злого» [7, 178-179].

Но если Я. Полонский создал образ поникшего под грузом «новых идей» челоока, смирившегося и покорного, то Страхов постоянно ставит человека перед выбором, сталкивая христианские идеи и идеалы и нигилистические. Нигилизм для него - «бессердечие, отсутствие истинного чувства добра, нравственная слепота. Это не живое, теплое стремление сердца, а напротив, отвлеченная жестокость, холодный, головной порыв» [8, 85]. Философ настаивает, что в ситуации выбора человек должен проявлять нравственную активность, а результатом деятельности его души должен стать путь нравственного совершенствования. На этом пути человек способен обрести гармонию и цельность духа: «каждый из нас, уже в силу своего христианского воспитания, должен бы был глубоко чувствовать свое нравственное несовершенство. Современное нравственное состояние людей должно бы нам являться темным и низменным в сравнении с тем высоким идеалом добра, чистого подвига, сияющей душевной красоты, который внушается нам, по-видимому, с детства. Вероятно, человечество глубоко

извратилось, если оно уже не видит этого идеала, уже смотрит на его проповедь как на пустые слова и фразы <...> требуется усердное служение некоторым положительным идеалам, ясные требования определенного строения человеческой жизни, и затем уже мы можем свободно сострадать людям» [8, 103-104].

В связи с этим Страхов подчеркивал непреходящее значение религиозного идеала для человека: «Вот мы отвергли религию ... Но ведь душу, раз приобщившуюся этому началу, уже повернуть назад нельзя; мы откинули религию, но религиозности мы откинуть не могли ... здоровье, свобода, материальное обеспечение – все это вздор перед тайными требованиями ... души, душе человеческой нужна иная пища, нужен идеал, которому можно было бы жертвовать всем, за который бы можно было умереть. Если нет у нас такой высшей цели, ... то нам, христианам по воспитанию, противеют заботы о личных благах и удобствах, нам становится стыдно нашего благополучия» [8, 94-95].

Как и Страхов, Тютчев видит современного человека в сложной ситуации выбора. Образ лирического героя его стихотворения «Наш век» (1851) созвучен образу человека, созданному в философских и литературно-критических трудах Страхова. Это человек, тоскующий по идеалу, оказавшийся в ситуации выбора между противоположными идеями, увлекшийся идеями отрицания и внутренне не удовлетворенный их содержанием.

Поэт точно "ставит диагноз" нравственной болезни современника: "Не плоть, а дух растлился в наши дни...", - и выявляет первопричину растления духа-безверие:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры - но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
"Впусти меня! - Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!.." [12, 71].*

В статьях Н.Н. Страхова объектом философских рассуждений являются современность и современники. То же самое мы наблюдаем в стихотворении: поэт типизирует явление (растление духа) за счет того, что объектным персонажем стихотворения является не конкретная личность, а человек вообще, "абстрактный" современник лирического героя. То, что речь идет о современнике, обозначено в заглавии стихотворения ("Наш век") и указанием: "в наши дни".

Интересно, что в трудах Страхова важным структурирующим приемом, организующим полемический текст, является прием

противопоставления. Композиционно-сюжетным основанием стихотворения Тютчева также становится принцип образно-смысловой антитезы: плоть - дух, вера - безверие, свет - тьма.

Содержание и поэтика стихотворения «Наш век» обусловлена ориентацией на христианскую этико-эстетическую традицию. "Наш век" не содержит точных библейских цитат, но его символика соответствует системе христианских символов. Как мы уже могли убедиться, философские размышления Страхова основаны и стимулированы его религиозным умонастроением и мирочувствованием.

Образ «тютчевского» современника – это образ человека, погруженного в мучительные переживания, сомнения, ощущение собственной раздвоенности. Его мучает «духовная жажда», «жажда веры». *«И сознает свою погибель он, // И жаждет веры - но о ней не просит... // Не скажет ввек, с молитвой и слезой, // Как ни скорбит перед замкнутой дверью...»*. Эти строки должны быть прочитаны в контексте христианской этико-эстетической традиции. В них выражено понимание трагедии современника не только как результата безверия, но и как особого душевного состояния: страстного, греховного, одержимого гордыней. Напомним, что страсть по отношению к душевной жизни - страдание духа, порабощаемого желанием. Развитие страстей приводит к деформации душевной сферы. Такое состояние - результат грехопадения человека, оторвавшегося от живого общения с Богом. Человек занят тварным бытием, он стремится овладеть кажущимся земным благом.

Грех тютчевского героя - в отчаянной тоске, ропоте, бунте, гордыне, но главное - в безверии. Преодолеть страстное расположение души можно через раскаяние и покаяние, осознание своей греховности, смирение. Но именно смирения нет в душе возгордившегося современника, полагает Тютчев. Подчеркнув эту мысль, поэт выделил графически (курсивом) - *"не просит"*; усилил отрицание, начав следующую строфу также с частицы "не": "Не скажет ввек...". Символом отсутствия смирения в душе современника становится в стихотворении указание на его неспособность к общению с Богом в молитве: *"Не скажет ввек, с молитвой и слезой..."*. Но, лишенный молитвы и слез, герой стихотворения оказывается перед "замкнутой дверью".

Но и в текстах Н.Н. Страхова подспудно присутствует образ «замкнутой двери». По его мнению, нигилисты «зачеркивают целые области человеческих идеалов» [9, 126]: «политическое честолюбие, служение общему благу, заняло в наше время то место, которое осталось пустым в человеческих душах, когда из них исчезли религиозные стремления ... Как прежде для человека считалось высшею задачей спасение его души, так теперь считается – обязанность чем-нибудь содействовать общему благу» [8, 96-97].

Тютчева и Страхова объединяет мысль о бесплодности и бесперспективности отрицания Бога, христианских ценностей. Путь отрицания – путь, ведущий в тупик. «Никаких семян мысли в нем

(нигилизме. – Н. С.) не было. Это был не умственный поворот, а бесплодное шатание мыслей, не умеющих и не стремящихся во что-нибудь сложиться. Это шатание быстро пошло по давно пробитым колеям революционаризма и анархизма, то есть пошло в отрицательную сторону, как самую легкую и всегда открытую, но оно не дало нам никакого положительного плода» [5, XIII], - пишет Страхов. Герой Тютчева «сознает свою гибель».

Конечно, приведенными примерами не исчерпываются совпадения и переклички между содержанием творчества Ф.И. Тютчева и Н.Н. Страхова. Но общность в понимании мира и человека очевидна. И обусловлена она тем, что и поэт, и философ в разное время и в различных идеологических ситуациях были последовательными приверженцами и выразителями русской христианской духовной традиции. В ситуации противостояния «своего» и «чужого» в культуре срабатывает «инстинкт» национального самосохранения: она с новой силой переживает «свое», родное, исконное. В отечественной культуре это - христианская духовная традиция, развивающаяся непрерывно и стабильно. В культурной жизни России ситуация раскола общественного сознания воздействием мощного влияния западноевропейских учений и идей не является уникальной. Умы современников Французской революции будоражат идея радикального преобразования общества. В 1860-е годы под влиянием идей позитивизма, материализма и нигилизма происходит резкая поляризация двух типов мировосприятия: позитивистско-материалистического и религиозно-идеалистического. И то, и другое русскими традиционалистами воспринималось как проявление «чужой» ментальности. Ими осознавалось, что русская ментальность обусловлена христианством, православием. Феномен таких культурных актов, как творчество Тютчева и Страхова (как и многих других русских культурных деятелей) заключается в выражении – в рамках светской культуры – христианской духовной традиции. Воплощением этого «выражения» стал, прежде всего, христианский образ человека, активная полемика с «новыми идеями» в публицистике, литературной критике и беллетристике.

Тютчев и Страхов развивали традиции светской христианской культуры, обеспечивали её преемственность и сохранность.

Список литературы

1. Лабанов, С. Философ-почвенник [Электронный ресурс] : к 175-летию со дня рождения Н.Н. Страхова / С. Лабанов // Православие.ru : интернет-журнал Сретенского монастыря / гл. ред. Архимандрит Тихон (Шевкунов). – Москва, 1999-2018. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/70.html>.
2. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов [Текст] : критико-биограф. очерк / Б.В. Никольский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. – 56 с.
3. Полонский, Я.П. Сочинения [Текст] : в 2 т. / Я.П. Полонский. – Москва : Худож. лит., 1986. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. – 492 с.
4. Старыгина, Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов [Текст] / Н.Н. Старыгина. – Москва : Яз. славян. культуры, 2003. – 352 с. – (Studia philologica).

5. Страхов, Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885) [Текст] / Н.Н. Страхов. – 4-е изд. – Киев : И.П. Матченко, 1901. – Т. 1. – [4], XVI, 387 с.
6. Страхов, Н.Н. Бедность нашей литературы [Текст] : критический и исторический очерк / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Неклюдова, 1868. – 73 с.
7. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе [Текст] : исторические и критические очерки. Кн. 1 / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. С. Добродеева, 1882. – XII, 362 с.
8. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе [Текст] : исторические и критические очерки. Кн. 2 / Н.Н. Страхов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1890. – XXX, 567 с.
9. Страхов, Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861-1865 [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1890. – XII, 596 с.
10. Страхов, Н.Н. О методе естественных наук и значение их в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1865. – XII, 185 с.
11. Страхов, Н.Н. Значение естественных наук в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов // Естествознание и география. – 1899. – № 9. – С. 10-38.
12. Тютчев, Ф.И. Россия и Революция [Текст] / Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Русская звезда: стихи, статьи, письма. – Москва, 1993. – С. 272-284.

References

1. Labanov, S. Filosof-pochvennik [Elektronnyy resurs] : k 175-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Strakhova / S. Labanov // Pravoslavie.ru : internet-zhurnal Sretenskogo monastyrja / gl. red. Arkhimandrit Tikhon (SHevkunov). – Moskva, 1999-2018. – Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/70.html>.
2. Nikol'skiy, B.V. Nikolay Nikolaevich Strakhov [Tekst] : kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skiy. – Sankt-Peterburg : Tip. A.S. Suvorina, 1896. – 56 s.
3. Polonskiy, YA.P. Sochineniya [Tekst] : v 2 t. / YA.P. Polonskiy. – Moskva : KHudozh. lit, 1986. – Т. 1. Stikhotvoreniya i poemy. – 492 s.
4. Starygina, N.N. Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860-1870-kh godov [Tekst] / N.N. Starygina. – Moskva : YAz. slavyan. kul'tury, 2003. – 352 s. – (Studia philologica).
5. Strakhov, N.N. Kriticheskie stat'i ob I.S. Turgeneye i L.N. Tolstom (1862-1885) [Tekst] / N.N. Strakhov. – 4-е изд. – Киев : I.P. Matchenko, 1901. – Т. 1. – [4], XVI, 387 s.
6. Strakhov, N.N. Bednost' nashey literatury [Tekst] : kriticheskij i istoricheskij ocherk / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. N. Neklyudova, 1868. – 73 s.
7. Strakhov, N.N. Bor'ba s Zapadom v nashey literature [Tekst] : istoricheskie i kriticheskie ocherki. Kn. 1 / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. S. Dobrodeeva, 1882. – XII, 362 s.
8. Strakhov, N.N. Bor'ba s Zapadom v nashey literature [Tekst] : istoricheskie i kriticheskie ocherki ocherki. Kn. 2 / N.N. Strakhov. – 2-е изд. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1890. – XXX, 567 s.
9. Strakhov, N.N. Iz istorii literaturnogo nigilizma 1861-1865 [Tekst] / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1890. – XII, 596 s.
10. Strakhov, N.N. O metode estestvennykh nauk i znachenie ikh v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. E. Pratsa, 1865. – XII, 185 s.
11. Strakhov, N.N. Znachenie estestvennykh nauk v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strakhov // Estestvoznaniye i geografiya. – 1899. – № 9. – S. 10-38.
12. Tyutchev, F.I. Rossiya i Revolyutsiya [Tekst] / F.I. Tyutchev // Tyutchev F.I. Russkaya zvezda: stikhi, stat'i, pis'ma. – Moskva, 1993. – S. 272-284.

Тоичкина А.В.*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия***ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ФИЛОСОФОВ
Н.Н. СТРАХОВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о значении переводов сочинений немецких философов, выполненных Н.Н. Страховым, для развития его философских идей. В частности, анализируются отрывки из «Истории новой философии» Куно Фишера. Эти отрывки были опубликованы Страховым в журналах «Время» и «Светоч» за 1861 год. Метод описания истории философии, разработанный К. Фишером, оказывается очень важным для понимания философских идей и трудов Н.Н. Страхова.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, Куно Фишер, история философии, истина, Бог, природа, дух.

Toichkina Aleksandra V.*St.Petersburg State University, St. Petersburg, Russia***N.N.STRACHOV'S TRANSLATION OF WORKS OF THE GERMAN
PHILOSOPHERS IN THE CONTEXT OF HIS PHILOSOPHICAL IDEAS**

Abstract. The article deals with the question of the meaning of the N.N.Strachov's translation of works of German philosophers for the development of his philosophical ideas. In particular, analyzes excerpts from the "History of New Philosophy" by Kuno Fisher. This passages were published by Strachov in the magazines "Vremya" and "Svetoch" for 1861. The method of describing the history of philosophy, developed by K. Fisher, is very important for understanding the philosophical ideas and works of N.N.Strachov.

Keywords: N.N.Strachov, Kuno Fisher, history of philosophy, truth, God, nature, spirit.

Философское наследие Н.Н. Страхова (1828-1896) закономерно вызывает большой интерес, споры и дискуссии. Сочинения Страхова не укладываются в наши представления о системной философии, а, зачастую, о философии вообще. Но, может быть, именно поэтому он оригинален и интересен как философ. Переводческая деятельность Н.Н. Страхова составляет важную и требующую отдельного изучения страницу его творчества (проблема эта уже была поставлена: [Антонов, 2007, с. 22], [Снетова, 2013, с. 47-50]). Н.В. Снетова в своей монографии «Николай Страхов: западная и русская философская мысль в интерпретации органициста» (Перьм, 2013) рассматривает вопрос о методологии философии истории у Страхова и его понимание философии, но не учитывает значение его переводов, в частности, перевода «Истории новой философии» Куно Фишера. Кажется несомненным то, что случайных трудов в перечне его переводов нет. Кроме того, есть свои закономерности в

выборе сочинений, начиная от «Истории новой философии» Куно Фишера и заканчивая скандальными лекциями Д. Штрауса о Вольтере. А если мы учтем стиль Страхова, его манеру опосредованного изложения своих философских взглядов, то переводы окажутся среди важнейших его высказываний на ниве идейной и духовной борьбы второй половины XIX века. Думается, что именно с этой точки зрения и стоит подойти к исследованию переводов Н.Н. Страхова. Тема эта, безусловно, очень значительна в силу, по крайней мере, объема переведенных им текстов. Так, только объем переводов из «Истории новой философии» Куно Фишера (четыре тома, 1862-1865 гг. и – отдельно – книги «Франциск Бакон Веруламский», 1867 г.) составляет более двух с половиной тысяч страниц.

Конечно, возникает вопрос о методе исследования: как рассматривать тексты переводов, как провести грань между суждениями, близкими переводчику и чуждыми. Представляется, во-первых, важным обратить внимание на те тексты, которые были выделены самим переводчиком. Так, отрывки из «Истории новой философии» К. Фишера Страхов отдавал в периодические издания, журналы «Время» и «Светоч», с которыми был тесно связан. Другие переводы, в частности, «Франциск Бакон Веруламский» Куно Фишера, «Жизнь птиц» А. Брема, «Введение в изучение опытной медицины» К. Бернара, «Воспоминания из детства и молодости» Ренана, «Об уме и познании» Тэна сопровождалось специальными статьями, которые Страхов публиковал в таких изданиях, как «Отечественные записки» и «Гражданин».

Кроме того, необходимо рассмотреть круг важных для философских воззрений Страхова тем, в контексте развития которых он и предпринимал те или иные переводы. Круг таких тем значителен. Обозначим сейчас такие из них, как темы истории философии (и философии истории), проблема отношения реализма и идеализма. В рамках данного исследования я не претендую на то, чтобы рассмотреть весь комплекс переводов, или, связанный с ними круг тем и проблем. Остановлюсь на переводах из «Истории новой философии» Фишера, которые Н.Н. Страхов опубликовал в № 7 и № 9 журнала братьев Достоевских «Время» и № 9 «Светоча» за 1861 год.

Страхов пришел в журнал братьев Достоевских в начале 1860-х гг. со своими позициями, и которые соответствовали идеологическим установкам редакции. Так, Страхов привнес в редакцию «Время» тему **нигилизма**. В своих «Воспоминаниях» Страхов пишет: «Начало борьбы с нигилистическим направлением положил сам Федор Михайлович в своей статье: “ - бов и вопрос об искусстве” (“Время” 1861 г., февраль), в которой он опровергал стремление сделать из искусства чисто служебное средство. Он начал с довольно мягких возражений; главным образом он восставал против нарушения законов искусства и против мысли о бесполезности таких художественных произведений, которые не имеют ясной тенденции. Но мне не терпелось и хотелось скорее стать в прямое и решительное отношение к нигилистическим учениям. Могу сказать, что во мне было

постоянно какое-то органическое нерасположение к нигилизму и что с 1855 года, когда он стал заметно высказываться, я смотрел с большим негодованием на его проявление в литературе» [Страхов, 1990, с. 433-434]. Потом, уже много лет спустя, Страхов опубликует основную часть своих статей, вышедших во «Времени» и «Эпохе» в сборнике под названием «Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. Письма Н. Косицы. – Заметки летописца и пр.» (СПб., 1890). В некотором смысле обобщающим по этой теме трудом станут его «Письма о нигилизме», которые были написаны вскоре после смерти Достоевского и цареубийства в 1881, а вышли в составе второй книги «Борьбы с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890). Таким образом, тема эта оказалась одной из стержневых тем его творчества. Рецензии на роман Тургенева «Отцы и дети» и роман Достоевского «Преступление и наказание» тоже написаны в контексте борьбы Н.Н. Стрехова с нигилизмом. Борьба с нигилизмом для философа Стрехова по большей части выливалась в борьбу с вульгарным материализмом и атеизмом. Но с проблематикой нигилизма тесно связана и тема философии истории. И, видимо, совершенно не случайно Стрехов отдает в 5 номер журнала «Время» за 1861 год свой перевод отрывка из «Истории новой философии» Куно Фишера, в котором немецкий философ излагает близкие Стрехову представления не только по истории философии, но и по философии истории. Многотомный труд Куно Фишера как раз и построен на понимании истории философии как истории познания истины (напомню эпиграф к переводу книги Куно Фишера «Франциск Бакон Веруламский. Реальная философия и ее век», СПб., 1867: «Истина есть дочь времени»). В этой концепции понимание истории философии как истории систем соединяется с идеей развития, в трактовке которой К. Фишер пытался «совместить диалектическое развитие с современными ему идеями эволюционизма, хотя, конечно, речь шла не об эволюции материи, а о саморазвитии духа. Для него развитие не завершается ни одним своим моментом – оно есть нечто целое, как сама жизнь. При этом Фишер настаивал, что развитие идет от бытия через сущность к цели. Система логических и в то же время метафизических категорий, которую он представлял, находила свою кульминацию в идее финальности, гарантирующей целесообразное развитие, выходящее за пределы просто данного» [Панченко, с. 11].

Сама личность Куно Фишера (1824-1907) – современника Н.Н. Стрехова, безусловно, была близка ему. К. Фишер «был выдающимся историком-энциклопедистом, литератором и искусствоведем, педагогом, биографом» [Панченко, с. 6].

Он, как и Стрехов, не создал философской системы. Фишер, по замечанию В. Виндельбранда, «не чувствовал себя призванным создать новую систему философии и, на что он сам мне указывал как на важнейшее, не считал время, в котором он жил, созревшим для этого дела» [Виндельбранд, с. 29].

Так же, как и Страхов, Фишер предпочитал выражать свои философские взгляды опосредованно. Так, в 10 томах «Истории новой философии» – главном труде его жизни – Фишер излагает свои философские представления об истине, об истории, о категории развития и т.д. опосредованно через последовательное рассмотрение эпох, биографий, систем философов в их историческом развитии. Его умение понять и представить читателю биографии и системы философских представлений философов разных эпох, исходя из времени, с одной стороны, а с другой, – в «их идеальной истине» конечно же внутренне были близки Страхову с его «философией органического понимания» [Антонов, с. 72]. Сам метод К. Фишера, в котором установка на незыблемое понятие истины уживалась с историзмом и критицизмом, и который при этом достигал «совершенного проникновения в развитие целого» [Виндельбранд, с. 26], безусловно, был важен для Страхова на его пути к созданию «Мира как целого», а в дальнейшем – «Борьбы с Западом в нашей литературе» и «Философских очерков». Были родственны и их эстетические черты натур, круг интересовавшихся проблем (таких, как проблемы познания, идеализма и реализма, формы и содержания, свободы и детерминизма, соотношения воли и разума). Оба они боролись в век позитивизма за «вечные истины» и отстаивали самодостаточную ценность философии как науки, непреходящую ценность гуманитарного образования. Без сомнения, что перевод пяти книг «Истории новой философии» К. Фишера стал для Страхова важным этапом в формировании его философских представлений и его философского метода. И для журналов «Время» и «Светоч» он предложил те отрывки, которые, видимо, считал наиболее актуальными в борьбе с наступающими силами нигилизма, материализма и социализма. Так, в № 7 «Времени» за 1861 год опубликован отрывок под названием «Главные черты истории философии (Из истории философии Куно Фишера) перев. Н. Страхов». В примечании «от редактора», автором которого, скорей всего был тот же Страхов, говорится следующее: «Три лекции, которые мы предлагаем читателям, принадлежат к вводным лекциям первого тома “Истории новой философии” Куно Фишера. Сами по себе они образуют почти строгое целое. Мы взяли их из перевода этой книги, приготовляемого г. Н. Страховым к печати» [Фишер 1861, 7, с. 173]. В выбранных Страховым для публикаций трех лекциях Фишер обосновывает свое понимание истории философии, которое зиждется у него на категории развития: «<...> мы должны внутри самой философии, в ее *собственном развитии* искать оснований для ее разделений: <...> сама философия разделяет себя и по закону своего собственного гения, следовательно по некоторому имманентному закону, описывает сферы своей истории. <...> <Разделение> вытекает из сущности вещи, оно не субъективно, но объективно, не есть внешнее, но имманентное» [Фишер 1861, 7, с. 176]. Фишер рассматривает философию как свободную деятельность мысли. И одним из важнейших механизмов развития философии, с его точки зрения, является процесс «высвобождения духа из

природы»: «<...> человек, при постепенном ходе своего образования, возвышается до сознания своей духовности» [Фишер 1861, 7, с. 177]. Далее он рассматривает основные этапы формирования философского миропонимания в истории человечества: дохристианский мир (восточный, греческий и римский миры) и собственно христианский. Отдельное место он уделяет принципу протестантизма – «мыслящему духу»: «<...> ум отрицает всякое бытие, которое не соответствует мышлению и не следует из него непосредственно. Для него нет другого бытия, кроме мышления. <...> Я мыслю, следовательно, я существую. В этом изречении протестантское мировое начало нашло себе философскую формулу, а философия нового времени свой принцип» [Фишер 1861, 7, с. 185].

Во второй лекции Фишер останавливается в этом же аспекте на протестантском мировом начале и рассматривает в соотношении эпохи философии. Он определяет так миссию философа Нового времени: «Задача же философа состоит именно в том, чтобы читать явления *в связи* и показать, как история развивает новое постепенно и с мудрою экономией приводит в движение разнообразные силы для того, чтобы приготовить основы для новой человеческой жизни» [Фишер 1861, 7, с. 191]. «<...> мыслящий дух не есть какой-то аэробат, живущий в облачных замках, <...> он находится в имманентной связи с земным жилищем и нуждается в твердой географической основе для того, чтобы жить твердою историею. <...> Для человеческого духа с этих пор нет более другой истины, кроме *законов*, которые он открывает» [Фишер 1861, 7, с. 191-192].

В третьей лекции рассматривается исторический ход развития новой философии и ее периоды (догматический, критический, философия тожества). В этой лекции Фишер обозначает дуализм *эмпиризма* и *идеализма*. Под идеализмом он понимает «философское направление, которое сознательно примет мышление за принцип познания, за источник истины» [Фишер 1861, 7, с. 194]. «Новая философия необходимо будет развиваться, как в двойном ряду, в противоположных системах эмпиризма и идеализма, и будет продолжать эти антагонистические ряды развития до той точки, где будет способна разрешить их противоположность» [Фишер 1861, 7, с. 194]. Мышление – истинное бытие, единственный источник истины. Творец нового эмпиризма – Бэкон Веруламский, творец нового идеализма – Декарт. Рассматривая соотношение двух принципов, Декарта и Бэкона, Фишер пишет: «<...> человеческая познавательная способность, будет ли она действовать как *опыт* или как *умозрение* - может овладеть истиною <...> человеческое мышление действительно может исследовать *сущность* и *природу* вещей» [Фишер 1861, 7, с. 195]. Соответственно и деление на три периода в истории философии проводится Фишером исходя из характеристики мышления. В догматической философии нет «*самоиспытания*»: истина полагается вне человеческого самопознания, философы понимают сущность вещей, но забывают о субъекте познания [Фишер 1861, 7, с. 196]. В критический период предметом становится не субстанция, а субъект, познается не сущность вещей, а «самое-себя», т.е.

истина понимается как самопознание (Кант, Фихте). Наконец, в философии тождества доказывається единство мышления и бытия, или тождество субъекта и объекта (Шеллинг и Гегель) [Фишер 1861, 7, с. 197-198]. «Философия должна и стремится быть абсолютною, или истинною системою познания. Если только вообще такое познание существует, то философия обязана произвести его. Итак, в чем состоит жизненный вопрос всякого философствования? Очевидно в том, существует ли абсолютная способность познания, или достигает ли истины человеческая познавательная способность? Т.е. другими словами, можем ли мы, мысля, переступить пределы объективного мира и познать его собственную сущность? Человеческая познавательная способность абсолютна, как скоро мы проникаем в природу вещей, как скоро наша мыслящая сущность вместе содержит и сущность вещей, или как скоро субъект и объект, мышление и бытие тождественны» [Фишер 1861, 7, с. 198]. Вопрос о характере понимания мышления становится у Фишера методологическим приемом периодизации эпох в истории философии. Для Страхова это, видимо, важнейшие мысли, которые ложатся на его концепцию ума и мышления, на его понимание смысла философии и истории философии как науки. Установка на объективный анализ, на историчность и неполноту в познании истины в ту или другую эпоху дает толчок Страхову в формулировании собственных положений о характере мышления (напомню статьи Страхова «Значение Гегелевой философии в настоящее время», «Светоч» № 1, 1860; «Главная черта мышления», «Отечественные записки», № 2, 1866).

Публикация отрывков, а потом и самой «Истории» К. Фишера вызвала полемику. С рецензией на первый том выступил в «Современнике» М.А. Антонович («Современник», 1862, кн. 2). «Эта рецензия, по замечанию В.С.Нечаевой, вызвала резко отрицательное отношение во «Времени» (1862, № 3) вплоть до обвинения Антоновича в непонимании основ философии. Автора «Времени» особенно задевали бездоказательные упреки Антоновича Куно Фишеру, что он искажил Гегеля, а также замечания, что напрасно Фишер избрал Декарта и Спинозу, а не «великих натуралистов». «Время» отвечало, что естественные науки нам более знакомы, чем философия, но что, очевидно, названные философы не соответствуют интересам «Современника» и что ему вообще не нужна философия и ее история». [Нечаева, с. 178] Во «Времени» вышла и анонимная сочувственная рецензия на второй том «Истории» К. Фишера – «Век немецкого просвещения» - под общим названием «История мысли» («Время», 1863, кн. 2).

Два других отрывка, опубликованные Страховым в 1861 году в журналах «Время» и «Светоч», были взяты им из части первого тома «Истории новой философии» Фишера, посвященной жизни и философскому наследию Спинозы. Судя по всему, Спиноза был чрезвычайно значимой фигурой для Страхова в конце 1850-х – начале 1860-х гг., на первом этапе фактического создания книги «Мир как целое». Так в дошедших до нас письмах Аполлона Григорьева дважды упоминается Спиноза – один раз в

письме от 19 октября 1861 года из Оренбурга: «Жду я с нетерпением книжки “Времени“. Меня ужасно интересует статья твоя из Куно Фишера о Спинозином Боге и другая, по всей вероятности, твоя же об индюшках и Гегеле» [Григорьев, с. 264]. Второй раз – в письме Григорьева Страхову от 8 июля 1864 года. Он обращается к Страхову: «Милый Спиноза! Вчера все-таки толковали мы как-то неопределенно» [Григорьев, с. 284]. Судя по всему, тема Спинозы возникала в разговорах Страхова с Григорьевым неоднократно. И, судя по обращению, идеи Спинозы были для Страхова важны как в 1861, так и в 1864 году. Он отдает в журнал «Время» фрагмент «Учение Спинозы о Боге. (Из истории философии Куно Фишера)» с примечанием «от редактора»: «Отрывок из первого тома, которого перевод готовится к печати. Куно Фишер указывает на это место, как на изложение взгляда, собственно ему принадлежащего» [Фишер 1861, 9, с. 117].

В отрывке излагается понятие Бога в соответствии с учением Спинозы. Речь идет о понятии, или идее Бога. В Боге «сущность и явление, понятие и существование составляют одно и то же». Бог «есть то, что содержится в его понятии: природа или естественный порядок вещей» [Фишер 1861, 9, с. 118]. «Бог Спинозы есть равенство свободы и необходимости: он свободен, потому что он безграничен или бесконечен, он необходим, потому что лишен самости и безличен. <...> в уме Спинозы бесконечное существо превышает всякую границу, а следовательно, и границу личности [Фишер 1861, 9, с. 118]. Куно Фишер выносит в центр полемические суждения Якоби и Мендельсона вокруг проблемы личности Бога у Спинозы. Фишер разводит идею Бога, воплощенную в философских трактатах Спинозы, и личность Бога в живом религиозном восприятии, о котором пишет Якоби. Фишер пишет о том, что вся проблема заключена в понимании мышления как такового. В главке об атеизме Фишер пишет: «если Бог есть понятие, взвешиваемое логически, то он очевидно есть высшее или абсолютное понятие, объемлющее собою все другие, и я не вижу, каким образом когда-нибудь философия может обойтись без такого понятия, и как поэтому возможно, чтобы какая-нибудь философия его отрицала. Потому что познание становится философией только тогда, когда оно восходит к некоторому высочайшему понятию, и если достоинства такого понятия представляет многообразную лестницу степеней и не могут быть отчеканены во всеобщую ходячую монету, то ни в каком случае однако же невозможно совершенное отсутствие или *alpha privatum* понятия о Боге. Искать этого понятия значит философствовать; не искать его или относиться к нему равнодушно, значит нефилософствовать; отрицание этого понятия составляет противоположность всякому философствованию и всякому пониманию» [Фишер 1861, 9, с. 128]. Т.е. по К. Фишеру «вместе с понятием о Боге нужно отринуть понятие вообще. Каким образом это возможно? Конечно только при мышлении *чуждом понятий* и *противном понятиям*. Мышление чуждое понятиям отрицает само себя; одно есть мышление *алогическое*, другое *нелогическое*. Первое вообще не есть

мышление, потому что мышление состоит только в понятиях; второе так мало развито, что оно в одно и то же время одно и то же утверждает и отрицает, и действует против закона противоречия, первого правила обыкновенной логики. И так атеизм, отрицающий понятие о Боге, есть или бессмысленное слово, или в высшей степени смутная мысль, во всяком случае *логическая невозможность*, которая может встретиться где угодно, но только не в философии, так как философия всегда, даже на низшей своей степени и в неглубокой форме, все-таки есть некоторый род теории. Система же атеизма есть величайшая нелепость, какую только можно выдумать, потому что из чистого отрицания понятий, составляющих атеизм, никаким образом невозможно сделать системы, всегда состоящей из связного порядка понятий» [Фишер 1861, 9, с. 128]. Религия и атеизм, в отличие от философии, по Фишеру – разнонаправленные «жизненные состояния»: «Религия есть человеческая жизнь в ее стремлении к бесконечному. Атеизм есть человеческая жизнь в ее стремлении к единичному и преходящему бытию. Религия есть преданность, атеизм есть своекорыстие. <...> философия, рассматриваемая сама по себе, не есть ни религия, ни атеизм» [Фишер 1861, 9, с. 129]. Бог у Спинозы – это необходимость, «внутренняя закономерность самого мира, следовательно, ни рок, ни судьба, ни фатум», а «порядок природы, необходимо проистекающий из ее законов» [Фишер 1861, 9, с. 132]. Далее, в главке о «понятии теизма» Фишер рассматривает вопрос о «бесконечности Бога»: определение это нельзя рассматривать как экстенсивную величину. Как интенсивная величина бесконечность Бога можно рассматривать как «бесконечную силу, которая не может состоять ни в какой иной деятельности, как в *мышлении*» [Фишер 1861, 9, с. 135]. «И так спинозовский Бог составляет первоначальную мыслительную силу и, следовательно, не есть ни лишенное мысли существо, ни слепая сила, но мировой ум, как создатель и первообраз мудрого и в порядке существующего творения. По этому первообразу нетрудно отгадать устройство самого образа, который в этом случае есть мир. Если Бог представляет ум, начертывающий план мира, то произведением божественной силы без сомнения будет *наилучший мир* и отдельные вещи будут в постепенном порядке лестницы приближаться к Богу. Таким представлением, по-видимому, теизм спасен, но вместе с тем спиносизм перешел в теодицею Лейбница» [Фишер 1861, 9, с. 135].

В главе о «спиносизме и теизме» Фишер пишет, что «философия Спинозы мыслит Бога как вполне бесконечное существо и, отрицая в нем каждое ограничение, она не может понимать его в форме личного существования, не может отделять его от природы и принимать его за непосредственный предмет по ту или по эту ее сторону. Таким понятием отрицается всякое определенное представление о Боге и, следовательно, отнимая от него всякое представление или воззрение, это понятие в самом принципе противоречит всякому теизму» [Фишер 1861, 9, с. 137]. И далее: «Философия Спинозы отрицает дуализм иудейской религии, она

превращает *монос* в *пан* и, следовательно, монотеизм в пантеизм. Мысля совершенное существо, Спиноза должен обнимать им все бытие, следовательно, ничего не может исключать из него, потому что иначе это существо было бы недостаточно и несовершенно. Его Бог не исключает мира и не противостоит ему, как особый субъект; он не может действовать на мир извне и потому составляет не *causa transiens*, а *causa immanens* мира. Этот Бог не может ничего избирать из мира для своих целей, потому что он вообще не избирает, а *действует*; поэтому в отношении к нему нет избранного народа, так как вообще ничто не существует в отношении к нему; <...> он действует не по аффектам, но по основаниям: он не есть ревнующий Бог, мстящий за грехи отцов, потому что в нем нет ни ревности, ни грехов. В этом Боге немеют страсти, волнующие человеческую грудь, он пульсирует в целом мироздании вечным ритмом причинности. Он не сравнивает вещей, он только их производит; <...> Бог Спинозы <...> есть не древний завет, а вечно обновляющийся мир, и вот почему иудейские вероучители проклинали своего философа за то, что он мыслил этого Бога» [Фишер 1861, 9, с. 140].

В «Светоч» Страхов отдал отрывок под названием «Значение и жизнь Спинозы Н. Страхова (из истории Новой философии Куно Фишера)». В трех частях этого отрывка последовательно рассматривается понимание сущности мира и природы в философском осмыслении Спинозы, его жизнь и дается обзор его сочинений. Фишер ставит вопрос: «Что такое этот мир? Очевидно, единство или совокупность вещей, и именно, определяя точнее, та совокупность или связь, в которой человек гармонирует с другими вещами, и не образует сам по себе особого мира, а еще менее производит из себя такой особый мир» [Фишер 1861, 9, II с. 101]. Фишер рассматривает, как менялось философское понимание природы от античной греческой философии к философии Нового времени. Спиноза в этом ряду характеризуется Фишером как «религиозный мыслитель и чистый натуралист»: «истина была в его душе и любовь к ней составляла его жизнь» [Фишер 1861, 9, II с. 10-108].

Круг идей, изложенный в рассмотренных отрывках из «Истории новой философии» Фишера, с одной стороны, был важен для Страхова в контексте его борьбы с нигилизмом и просвещенчеством, с другой - являлся творческой лабораторией, в которой создавались такие его труды, как «Мир как целое». Приведу некоторые из его идей, высказанных в работах начала 1860-х гг. В статье «Значение Гегелевой философии в настоящее время», опубликованной в 1 номере «Светоча» за 1860 год, Страхов писал: «Человечество до сих пор отзывается какою-то тоскою, каким-то страхом за самого себя. Почему всегда истину считают недостижимой? Почему смотрят на себя, как на что-то промежуточное, как на ступень для более счастливых потомков? Такое расположение духа несправедливо. **Истина доступна человеку во всем ее величии, во всем сиянии. Мы живем не половинною, но полною, настоящею жизнью, мы – центр и мира вселенной, со всем ее прошедшим и будущим**» [Страхов 1860, 1, с. 51].

Именно в философии как науке Страхов видел возможность познать истину в ее полноте. Истина в данном случае, судя по всему, понимается как полное соответствие представления вещи (или предмету). По Фишеру, каждая истина имеет свою историю, без которой она не могла бы осуществиться. «Но если истинные представления не даны нам готовыми с самого начала, то им предстоит еще родиться из духа, то есть образоваться, следовательно, пройти процесс образования, который не может быть ничем иным, как постепенно прогрессирующим упорядочением наших понятий, которые в их первоначальном естественном укладе не соответствуют объектам» [Фишер 2003, с. 43]. Страхов выбирает естественнонаучные пути познания, которые нужны ему для исследования природы, человека и познания Бога. В книге «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1865) он обосновывает значение избранного им метода. Мысль Фишера об имманентных законах развития философии Страхов использует для сферы органической природы: «<...> организмы являются <...> существами, которые сами себя вырабатывают, как бы пользуются случайностями для своего совершенствования» [Страхов 1865, с. XI]. Умственную деятельность человека Страхов рассматривает в категориях органической философии, с опорой на естествознание. В «Письмах о жизни», рассматривая жизнь человека в контексте естественнонаучных наблюдений над жизнью живых организмов, он с пристрастием анализирует основные проблемы человека в контексте других явлений органической жизни. Для него, видимо, этот вырабатываемый им метод принципиально важен, как залог объективности его философского познания мира, а через мир и Бога. Отвечая на вопрос о бытии, в третьем «Письме о жизни» Страхов пишет: «<...> действительно жизнь есть сон, но *сон со смыслом*, сон, имеющий в себе такую цель и такое значение, что **нам не нужно действительности, если она есть где-нибудь за границами жизни**. Таким образом жизнь легко отличается от снов, о которых справедливо сказано: “Когда же складны сны бывают?” <...> **Бытие вообще есть самая возможная из всех возможностей**. Другое дело, если вы спросите: действительно ли внешний мир *таков*, каким мы его видим? Тогда можно ответить вам тоже вопросом: а *каким* он вам кажется? Что вы нашли в нем? И тогда можно будет разбирать, возможно ли и необходимо ли то, что содержится в ваших понятиях о внешнем мире» [Страхов 1860, 5, с. 15-16]. Н.Н. Страхов по мировоззрению идеалист – дух для него первичен по отношению к материи, но дух вне материи у него не существует: все сосредоточено в земном измерении. Что существует «по ту сторону» эмпирической жизни? Страхова, судя по всему, не привлекал процесс домысливания возможного «по ту сторону», что явится одним из важнейших априорных положений для его работы «Жители планет», которая была опубликована в первом номере «Времени» за 1861 год, а потом стала частью трактата «Мир как целое». В Бога – как духовное начало этого мира – он верил, но духовное начало с его точки зрения можно анализировать только в явлениях реальной текущей эмпирической

действительности, и Божий закон воплощается в законах этого мира. Такое понимание идеализма предопределило строй его философских сочинений: для Страхова принципиально важны органическая философия («мир как целое»), вопрос о характере познания. «История новой философии» К. Фишера будет оставаться для Страхова образцовым сочинением по данной теме, видимо, до конца жизни. В «Философских очерках» (СПб., 1895) в статье «О задачах истории философии» Страхов добрым словом вспомнит Фишера и предложит свое понимание не только истории философии, но и философии как таковой: « <...> ищущий высшей и последней философии должен изучать фихте-гегелевский идеализм и затем найти отношение этого идеализма к последующей критике и трудам последовавших мыслителей, расширять, изменять и отрицать, если нужно, его положения, - словом развивать его, если окажутся у нас на то силы. Но основы его сохранить придется, потому что, если он и не есть сама философия, то, во всяком случае, одно из действительных воплощений философии. А по закону развития, в каждом новом фазисе основы только раскрываются, уясняются, но не изменяются» [Страхов 1895, с. 480]. Категория развития, на которой строил свою «Историю новой философии» К. Фишер, для Страхова, в контексте его философии, явилась неким идеалом возможного для человека постижения истины.

Список литературы

1. Антонов, Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н.Страхова как мыслителя переходной эпохи : моногр. / Е.А. Антонов. – Белгород : БелГУ, 2007. – 168 с.
2. Виндельбанд, В. Куно Фишер : памятная речь на траурном митинге Университета в городском зале Гейдельберга 23 июля 1907 / В. Виндельбанд // Фишер К. История новой философии. Введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Веруламский / К. Фишер. – Москва, 2003. – С. 16-38.
3. Григорьев, А.А. Письма / А.А. Григорьев. – Москва : Наука, 1999. – 497 с.
4. Нечаева, В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861-1863 / В.С. Нечаева. – Москва : Наука, 1972. – 316 с.
5. Панченко, А.И. Предисловие составителя и редактора / А.И. Панченко // Фишер К. История новой философии. Введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Верлуамский / К. Фишер. – Москва, 2003. – С. 5-15.
6. Снетова, Н.В. Николай Страхов: западная и русская философская мысль в интерпретации органициста : моногр. / Н.В. Снетова – Пермь : Изд-во ПГНИУ, 2013. – 162 с.
7. Страхов, Н. Значение гегелевской философии в настоящее время / Н. Страхов // Светоч. – 1860. – № 1, о. II. – С. 3-51.
8. Страхов, Н. Письма о жизни. Письмо III / Н. Страхов // Светоч. – 1860. – № 5, о. II. – С. 1-23.
9. Страхов, Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1865. – XII, 185 с.
10. Страхов, Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Н.Н. Страхов // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. – Москва, 1990. – Т. 1. – С. 375-532.
11. Страхов, Н.Н. Философские очерки / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1895. – XVI, 530 с.

12. Страхов, Н.Н. Главные черты истории философии : из «Истории философии» Куно Фишера / Н.Н. Страхов // Время. – 1861. – № 7. – С. 173-200.
13. Страхов, Н.Н. Значение и жизнь Спинозы : из «Истории новой философии» Куно Фишера / Н.Н. Страхов // Светоч. – 1861 – № 9. – С. 99-128.
14. Страхов, Н.Н. Учение Спинозы о Боге : из «Истории философии» Куно Фишера / Н.Н. Страхов // Время. – 1861. – № 9. – С. 117-140.
15. Фишер, К. История новой философии. Введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Веруламский / К. Фишер. – Москва : АСТ, 2003. – 541с.

References

1. Antonov, E.A. Antropocentricheskaya filosofiya N.N.Strahova kak myslitel'ya perekhodnoj ehpoi : monogr. / E.A. Antonov. – Belgorod : BelGU, 2007. – 168 s.
2. Vindel'band, V. Kuno Fisher : pamyatnaya rech' na traurnom mitinge Universiteta v gorodskom zale Gejdel'berga 23 iyulya 1907 / V. Vindel'band // Fisher K. Istoriya novoj filosofii. Vvedenie v istoriyu novoj filosofii. Frenhsis Behkon Verulamskij / K. Fisher. – Moskva, 2003. – S. 16-38.
3. Grigor'ev, A.A. Pis'ma / A.A. Grigor'ev. – Moskva : Nauka, 1999. – 497 s.
4. Nechaeva, V.S. ZHurnal M.M. i F.M. Dostoevskih «Vremya» 1861-1863 / V.S. Nechaeva. – Moskva : Nauka, 1972. – 316 s.
5. Panchenko, A.I. Predislovie sostavitelya i redaktora / A.I. Panchenko // Fisher K. Istoriya novoj filosofii. Vvedenie v istoriyu novoj filosofii. Frenhsis Behkon Verluamskij / K. Fisher. – Moskva, 2003. – S. 5-15.
6. Snetova, N.V. Nikolaj Strahov: zapadnaya i russkaya filosofskaya mysl' v interpretacii organicista : monogr. / N.V. Snetova – Perm' : Izd-vo PGNIU, 2013. – 162 s.
7. Strahov, N. Znachenie gegelevskoj filosofii v nastoyashchee vremya / N. Strahov // Svetoch. – 1860. – № 1, o. II. – S. 3-51.
8. Strahov, N. Pis'ma o zhizni. Pis'mo III / N. Strahov // Svetoch. – 1860. – № 5, o. II. – S. 1-23.
9. Strahov, N.N. O metode estestvennyh nauk i znachenii ih v obshchem obrazovanii / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg. : Tip. EH. Praca, 1865. – XII, 185 s.
10. Strahov, N.N. Vospominaniya o Fedore Mihajloviche Dostoevskom / N.N. Strahov // F.M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov : v 2 t. – Moskva, 1990. – T. 1. – S. 375-532.
11. Strahov, N.N. Filosofskie ocherki / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh , 1895. – XVI, 530 s.
12. Strahov, N.N. Glavnye cherty istorii filosofii : iz «Istorii filosofii» Kuno Fishera / N.N. Strahov // Vremya. – 1861. – № 7. – S. 173-200.
13. Strahov, N.N. Znachenie i zhizn' Spinozy : iz «Istorii novoj filosofii» Kuno Fishera / N.N. Strahov // Svetoch. – 1861 – № 9. – S. 99-128.
14. Strahov, N.N. Uchenie Spinozy o Boge : iz «Istorii filosofii» Kuno Fishera / N.N. Strahov // Vremya. – 1861. – № 9. – S. 117-140.
15. Fisher, K. Istoriya novoj filosofii. Vvedenie v istoriyu novoj filosofii. Frenhsis Behkon Verulamskij / K. Fisher. – Moskva : AST, 2003. – 541s.

Секция 1
**AD MEMORIAM. НАСЛЕДИЕ Н.Н. СТРАХОВА
И КОНЦЕПТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

УДК 130.2

Заец И.Н.
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск, Луганская Народная Республика

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: СТРАХОВ, СОЛОВЬЕВ

Аннотация. В статье освящена деятельность гениальных литературных критиков, философов России 19 века Н. Н. Страхова и В.С. Соловьева. Их работы уникальные по своему содержанию и силе воздействия на умы общественности и сегодня относятся к числу мощнейшего инструмента воздействия на духовную жизнь общества и его моральные устои.

Ключевые слова: литературная критика, русская литература XIX в., духовная жизнь, Н. Н. Страхов, В.С. Соловьев, реализм, нигилизм.

Zaets I.N.
Luhansk national agrarian University
Lugansk, LPR

LITERARY CRITICISM: STRAKHOV, SOLOVYOV

Abstract: the article highlights the activities of the brilliant literary critics, philosophers of Russia of the 19th century N. N. Strakhova and V. S. Solovyov. Their work is unique in its content and strength of impact on the minds of the public and today are among the most powerful tools of influence on the spiritual life of society and its moral foundations.

Key words: literary criticism, Russian literature of XIX century, spiritual life, N. N. Strakhov, V. S. Soloviev, realism, nihilism.

Пока жива и здорова наша поэзия, до тех пор нет причины сомневаться в глубоком здоровье русского народа.
Н.Н. Страхов

Понятие «критика» появилось как своеобразная форма литературного искусства еще во времена античности, со временем став настоящим профессиональным занятием, долго носившим «прикладной» характер, направленный на общую оценку произведения, поощряющий или наоборот осуждающий авторское мнение, а также рекомендующий или нет книгу другим читателям.

На территории России рассвет литературной критики приходится на середину 19 века, когда она, став уникальным и ярким явлением в русской литературе, начала играть в общественной жизни того времени огромную

роль. В произведениях выдающихся критиков XIX столетия (В.Г. Белинского, А.А. Григорьева, Н. А Добролюбова, Д. И Писарева, А.В. Дружинина, Н. Н. Страхова, М. А. Антоновича) был заключен не только подробный обзор литературных сочинений других авторов, а и разбор личностей главных персонажей. Активно использовалось обсуждение художественных принципов и идей, виденье и интерпретация всей картины современного мира в целом, его моральных и духовных проблем, путей их решения. Эти статьи уникальные по своему содержанию и силе воздействия на умы общественности и сегодня относятся к числу мощнейшего инструмента воздействия на духовную жизнь общества и его моральные устои.

Русская критика второй половины XIX века развивается весьма драматично. Общественная жизнь страны необычайно усложнилась, возникло множество политических направлений, которые спорили друг с другом. Пестрой и многослойной оказалась и картина литературного процесса. Критическая мысль специализировалась по отдельным направлениям и школам. Литературное развитие в целом и место в нем отдельного произведения раскрывалось теперь всей совокупностью критических направлений и школ.

Разнообразие литературно-критических оценок во второй половине XIX века было связано с нарастающей общественной борьбой. С 1855 года в общественной жизни выявляются, а к 1859 году вступают в бескомпромиссную борьбу две исторические силы – революционная демократия и либерализм. Голос «мужицких демократов», обретающий силу на страницах некрасовского журнала «Современник», начинает определять общественное мнение в стране.

В европеизации России славянофилы видели угрозу самой сущности русского национального бытия. Поэтому они отрицательно относились к преобразованиям и правительственной бюрократии, были активными противниками крепостного права. Бесспорным достоинством либерально-западнической критики было пристальное внимание к специфике литературы, к отличию ее художественного языка от языка науки, публицистики, критики. Характерна также была заинтересованность к «непреходящему и вечному» в произведениях классической русской литературы к тому, что определяет их неувядающую жизнь во времени. Но вместе с тем попытки отвлечь писателя от «житейских волнений» современности, приглушить авторскую субъективность, недоверие к произведениям с ярко выраженной общественной направленностью свидетельствовали о либеральной умеренности и ограниченности общественных взглядов этих критиков.

Другим общественно-литературным течением середины 60-х годов, снимавшим крайности западников и славянофилов, было так называемое «почвенничество». Духовным его вождем был Ф. М. Достоевский, издававший в эти годы два журнала – «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865). Сподвижниками Достоевского в этих журналах являлись литературные критики Аполлон Александрович Григорьев и Николай Николаевич Страхов.

Почвенники в какой-то мере унаследовали взгляд на русский национальный характер, высказанный Белинским в 1846 году. Белинский писал: «Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала цвет и плод... Известно, что французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца».

Основные идеи "почвеннической" критики оказался роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н.Н. Страхова. Подобно славянофилам почвенники считали, что «русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент».

Н.Н. Страхов (псевдоним – Косица) явился единственным в истории русской критики второй половины XIX века глубоким истолкователем «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Свою работу он не случайно назвал «критической поэмой в четырех песнях». Сам Лев Толстой, считавший Страхова своим другом, сказал: «Одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н. Н. Страхов».

Активный сотрудник неославянофильских журналов «Время», «Эпоха», «Заря», в которых он отстаивал идею «русской самобытности» и монархии и подвергал критике либеральные и нигилистические воззрения, бывшие тогда весьма популярными, открыто выкладывал своё враждебное отношение к западу. В то же время, Страхов был видным философом-идеалистом, стремившимся истолковать науку в пантеистическом духе и построить систему «рационального естествознания», основанную на религии, опираясь на эстетику И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф.Ницше, Н.Гартмана, на труды А. Потебни.

Страхов был – мостом от «почвенников» к символистам. Уже Страхов выделял наиболее импонирующих ему поэтов, жрецов чистой формы, ритма, полутонов – А. Майкова, Я. Полонского, А. Фета, Ф. Тютчева, А. Толстого, которых поднимут на щит позднее В. Соловьев и символисты. Страхов считал их особой «школой» талантов, как бы помня завет А.С. Хомякова – собрать воедино «русскую школу» в искусстве.

Излюбленными темами Страхова были следующие: борьба с западными влияниями в русской литературе (на эту тему у него есть специальный сборник статей); история русского «нигилизма» и борьбы с ним (сборник статей); творчество Пушкина, которое Страхов противопоставлял как недостижимый идеал всем современным русским и мировым писателям; творчество И. Тургенева и Л. Толстого, которых он расценивал с точки зрения борьбы в русской литературе «нигилистических» и «почвеннических» начал.

Под широко понимаемым «нигилизмом» Страхов подразумевал отрицание сложившихся форм жизни, явление, навеянное Западом, но по своей стихийно-дилетантской сути оказавшееся русским. Образцовое обличение «нравственного хаоса нигилизма», поднявшегося до отцеубийства, он увидел в «Братьях Карамазовых», а самую фамилию

Карамазов считал фатально напоминающей фамилию Каракозов. Нигилизм превращался в кличку, под него старательно подводились все литераторы враждебного лагеря. Наиболее негодными для «почвенников» были, конечно, демократы и революционеры. «Освобождение крестьян, – жаловался Страхов, – как будто подало лозунг ко всяческому освобождению умов». Но Страхов старался возвысить «почвенничество» над обеими крайностями – над «славянофильством» и над «западничеством», хотя, по существу, склонялся к первому и только хотел его несколько приспособить к новым условиям. В критических очерках сборника «Бедность нашей литературы» Н.Н. Страхов обвинял славянофилов в том, что они слишком убаюкивали себя иллюзиями, будто после Петра I остались еще живы на Руси какие-то старые коренные начала, а «западников» он критиковал за то, что они породили нигилизм, т. е. полное отрицание «почвы». «Бедна наша литература, – восклицал Страхов, – но у нас есть Пушкин». Пушкин и должен был всех примирить, он – твердая почва. Страхов оказался единственным критиком, или одним из малого их числа (включая сюда и П.В. Анненкова), который высоко оценил роман «Война и мир», принятый, как известно, в критике осудительно, со всех сторон.

Николай Страхов указывал на новые, еще не замеченные черты психологизма писателя. Все действующие лица у Льва Толстого не только имеют ярко выраженную физиономию, а «растут» на протяжении романа; Толстой умеет раскрывать «родственное сходство тех душ, которые связаны родством по крови». Таковы все Ростовы, Болконские, Курагины. Мы чувствуем, что Соня, живущая в доме Ростовых, – существо совсем «другого корня»; каждое чувство раскрывается Толстым не только само по себе, но еще и усложняется всеми порождаемыми им «отзывами». Толстой – мастер совмещения различных планов в одном психологическом эпизоде.

Но все эти особенности поэтики Толстого-психолога Страхов сводил к следующей внесоциологической схеме: Толстой – певец народной, «органически сложившейся жизни» (Мережковский потом назовет Толстого «ясновидцем плоти»), обличитель, но не социальных зол, а всего искусственного, наносного, напускного, нерусского. Патриотизм и народность «Войны и мира» сильно извращались Страховым. А в «Анне Карениной» он увидел отражение лишь «вечных вопросов жизни», страстей души. Так отрицалось всякое социальное значение романа. Страхов считал, что «Анна Каренина» подводит к мысли о религии как к выходу из хаоса и отчаяния («Взгляд на текущую литературу», 1883).

Гоголь и ранний Достоевский, по мнению критика, не созрели для изображения праведников. Лишь Толстому удалось раскрыть внутреннюю красоту человека, ибо он ищет в каждом «искры Божией», «старается найти и определить со всею точностью, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни». В результате «пустотой и мертвенностью души» Иртеньевым, Лениным и Нехлюдовым открывается духовная красота, проблески «истинной жизни». Однако в чем собственно состоит эта красота, в чем суть истинной духовной жизни Страхов не уточняет.

Все эти оттенки понимания специфики искусства ценны. Накопления такого рода наблюдений никогда не пропадали даром в истории критики, рано или поздно они кем-то подхватывались, очищались от формализма и возводились в целую систему научных представлений с более правильным общим их философским и историческим объяснением.

Владимир Сергеевич Соловьёв известен, прежде всего, как русский философ-идеалист, однако его творческое наследие представлено также публицистикой, литературной критикой и поэзией. На мировоззренческое становление критика большое влияние оказал профессор П. Юркевич.

Основные критические труды писателя публиковало издание «Вестник Европы», расцениваемое современниками как журнал либерально-профессорского толка. С ним автор сотрудничал с 1880-х и до конца жизни. В своей критике Соловьёв примерял роль проницательного «судьи», обращающего внимание на личный пафос художника и на его место в мире идеального. Основным предметом критических изысканий писателя была поэзия мировоззренческих близких ему авторов.

Критическое наследие автора принималось далеко не всеми, в том числе и теми, кто признавал талантливость его философских и поэтических произведений. Своеобразным введением к философско-критическим трудам Соловьёва стали созданные в 1889–1890 годах в области эстетики работы «Красота в природе» и «Общий смысл искусства». В первой работе красота виделась автору «преображением материи» под воздействием воплощённого в ней сверхматериального начала и рассматривалась в качестве формы выражения идеи. Во второй работе критик говорил о целях и задачах искусства, а художественному произведению давал определение «ощутительного» изображения предмета и явления в его конечном состоянии или же в свете будущего.

Художнику-философу отводили роль пророка, а восприятие красоты – роль категории, в которой должны воплощаться добро и истина. Критик называл красоту силой, укрощающей «недобрую тьму» и отсекающей от неё свет.

Эстетика и критика В.С. Соловьёва отображалась как идейный источник теории младосимволизма. Истоки литературной критики Владимира Соловьёва раскрываются в его философии всеединства – это своеобразный синтез материализма с идеализмом. Где сущность мира и цель мирового процесса открылась философу в мистических видениях, в образе Софии как Вечной Женственности и предполагает «полное взаимное проникновение и свободную солидарность духовных и материальных, идеальных и реальных, субъективных и объективных факторов и элементов вселенной».

Принцип всеединства лежит и в основе эстетики Соловьёва. Главная эстетическая категория – красота – для Соловьёва есть «ощутительная форма» добра и истины. «Для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно, чтобы она была воплощена в материальной действительности» [1]. Поэтому именно красота становится главной силой преобразования мира, звеном, связующим две основные стихии бытия – вещество и дух. «Красота нужна

для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [3].

Красота определяется Соловьевым как «преображение материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала», далее уточняется, что «она есть воплощение идеи» [1]. У Соловьева понимание идеи, по сути, основано на нравственном критерии. Идеей Соловьев называет «то, что само по себе достойно быть», критерий же эстетического достоинства предмета – «наиболее законченное и многостороннее воплощение этого идеального момента в данном материале» [2].

Красота в природе уже есть объективная действительность. Однако в человеческом мире она еще не обрела полного воплощения. Поэтому задачу искусства критик видит «не в повторении, а в продолжении того художественного дела, которое начато природой ...» [4]. Слова Ф.М. Достоевского «красота спасает мир», вложенные им в уста князя Мышкина, становятся лейтмотивом статей Соловьева по эстетике.

Соловьев возносит творчество выше других сфер жизни – сферы знания (теософии) и сферы практической жизни (теократии), потому что оно единственное осуществляет связь с Абсолютом. В семидесятые годы искусство представляется ему «теургией», жизнетворчеством, что означает возможность преобразования бытия через эстетическую сферу. Таким образом, искусство, по Соловьеву, оказывается, с одной стороны – пророчеством о будущем всеединстве, а с другой – ориентиром, путеводной звездой для человечества. В работе «Теория лирики Владимира Соловьева и основные критерии оценки лирического произведения» – рассматриваются теоретико-литературные взгляды критика, определившие его принципы оценки лирической поэзии.

Чистая лирика больше всех других форм литературы отвечала требованиям Соловьева к искусству, как пророчеству. Вопрос о природе поэзии в том или ином аспекте затрагивается критиком почти во всех статьях, посвященных поэтам. Первое требование критика к поэту – вера в объективность красоты в мире и умение видеть эту красоту.

Владимир Соловьев впервые определяет лирику, как объективный род литературы и возражает с гегелевским определением лирики как «поэзии субъективности». Философ допускает некоторое упрощение концепции Гегеля: как отмечает С.Н. Бройтман, «Несмотря на критику Гегеля, философ здесь лишь доводит до предела наличную и у него тенденцию «оправдания» субъективности лирики указанием на «объективный» характер ее содержания».

Критическое отношение к субъективности лирики у Соловьева, очевидно, обуславливается неприятием той стороны романтического комплекса, который связан с индивидуализмом. Соловьев не отрицает субъективности лирики совсем, а возражает против представления ее как родовой сущности лирической поэзии: такое определение характеризует лирику только со стороны формальной, с точки зрения субъектно-объектных отношений. Для Соловьева более важен аксиологический поход, он пытается определить лирику по ценности внутреннего содержания.

К концу своей жизни, в последних критических статьях, у философа наблюдается явный уклон в сторону этического: добро и красота, неразделимость которых он проповедовал, в современной ему декадентской литературе оказываются разделимыми; он начинает признавать существование «красивого зла», «изыщной лжи», «эстетического ужаса». Рассматривая в этом огромную опасность для современного искусства, он активно борется с такими «подделками» и «фальсификациями красоты» [5].

Отталкиваясь от имеющихся направлений развития литературной критики, Соловьев формулировал принципы своего критического метода, задачей которого он видел «в оценке данной поэтической деятельности по существу, т.е. как прекрасного предмета, представляющего в тех или других формах правду жизни или смысл мира». Указанная критика, стало быть, отделила формы объективного мышления только от вещи, но оставила их в субъекте в том виде, в каком она их нашла.

Список литературы

1. Касаткина, В.Н. Тютчев и русские символисты / В.Н. Касаткина // Вопросы поэзии и драматургии : сб. ст. / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева ; ред. В.А. Бочкарев. – Куйбышев, 1977. – Вып. 2. – С. 69-87. – (Научные труды ; т. 187).
2. Колкер, Ю. Ручается разум и свидетельствует совесть. Владимир Соловьев как литературный критик / Ю. Колкер // Русская мысль. – Париж, 2000. – 3 авг. (№ 4329).
3. Мозговая, Э.Я. Философско-эстетические взгляды Владимира Соловьева и русский символизм / Э.Я. Мозговая // Владимир Соловьев: взгляд сквозь столетие : материалы филос. чтений / ред.-сост. С.Б. Роцинский. – Москва, 2002. – С. 161-173.
4. Николаев, П.А. Философско-эстетический идеализм и литературная мысль в России на рубеже XIX и XX вв. / П.А. Николаев // Классическое наследие и современность : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Ленинград, 1981. – С. 59-68.
5. Соловьев, С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева / С.М. Соловьев. – Брюссель : [б. и.], 1977. – XIV, 434 с.

References

1. Kasatkina, V.N. Tyutchev i russkie simvolisty / V.N. Kasatkina // Voprosy poezii i dramaturgii : sb. st. / Kujbyshev. gos. ped. in-t im. V.V. Kujbysheva ; red. V.A. Bochkarev. – Kujbyshev, 1977. – Vyp. 2. – S. 69-87. – (Nauchnye trudy ; t. 187).
2. Kolker, YU. Ruchaetsya razum i svidetel'stvuet sovest'. Vladimir Solov'ev kak literaturnyj kritik / YU. Kolker // Russkaya mysl'. – Parizh, 2000. – 3 avg. (№ 4329).
3. Mozgovaya, EH.YA. Filosofsko-ehsteticheskie vzglyady Vladimira Solov'eva i russkij simvolizm / EH.YA. Mozgovaya // Vladimir Solov'ev: vzglyad skvoz' stoletie : materialy filos. chtenij / red.-sost. S.B. Rocinskij. – Moskva, 2002. – S. 161-173.
4. Nikolaev, P.A. Filosofsko-ehsteticheskij idealizm i literaturnaya mysl' v Rossii na rubezhe XIX i XX vv. / P.A. Nikolaev // Klassicheskoe nasledie i sovremennost' : sb. st. / AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkin. dom) ; otv. red. D.S. Lihachev. – Leningrad, 1981. – S. 59-68.
5. Solov'ev, S.M. ZHizn' i tvorcheskaya ehvolyuciya Vladimira Solov'eva / S.M. Solov'ev. – Bryussel' : [b. i.], 1977. – XIV, 434 s.

Мирошниченко Е.А.

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

«ТОЛКИ О Л.Н. ТОЛСТОМ». К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ¹

Аннотация. Работа посвящена полемике вокруг нравственного учения

Л.Н. Толстого. Автор на основе архивных материалов реконструирует некоторые исторические обстоятельства появления статьи Н. Н. Стрхова «Толки о Толстом»; обозначает точки соприкосновения и мировоззренческие противоречия между представителями двух поколений мыслителей XIX в. – Н.Н. Стрховым и Д.Н. Цертелевым.

Ключевые слова: русская философия XIX в., Л.Н. Толстой, Н.Н. Стрхов, Д.Н. Цертелев, этика, эстетика.

Miroshnichenko E.A.

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov,
Russian Federation*

«TALKS ABOUT TOLSTOY». TO THE HISTORY OF ONE PUBLICATION

Abstract. The work is devoted to a polemic around the moral teachings of L.N. Tolstoy. The author on the basis of archival materials reconstructs some historical circumstances of the appearance of N.N. Strakhov's article «Talks about Tolstoy»; denotes points of contact and worldview contradictions between representatives of two generations of thinkers of the XIX century – N.N. Strakhov and D.N. Tsertelev.

Keywords: Russian philosophy of the nineteenth-century, L.N. Tolstoy, N.N. Strakhov, D.N. Tsertelev, ethics, aesthetics.

Диалогичность, присущая русской культуре, всегда привлекала к себе внимание российских исследователей. Как заметил Б. И. Пружинин: «Русская философия – это своего рода интеллектуальная, культурно-философская ткань, где каждый философ – нить, переплетающаяся с другими» [12, с. 16], потому так важно не утратить связующие нити истории русской философии, сохранить и восстановить забытые имена русских мыслителей.

Реконструкция философских диалогов XIX столетия (или «разговоров», в терминологии, предложенной Т. Г. Щедриной) [12], нам представляется возможной в ходе изучения наследия ранее забытых философов, оказавшихся на периферии русской философской мысли. Одно из таких «забытых» имен – Дмитрий Николаевич Цертелев, религиозный философ, мистик, идеалист и общественно-политический деятель второй половины XIX столетия. Эта фигура поразительным образом объединяет вокруг себя Э. фон Гартмана, П. Д. Юркевича, Л. Н. Толстого,

---

¹ Полный текст писем Н. Н. Стрхова и Е. Н. Феоктистова см. в журнале «История философии». 2018. № 2.

Н. Н. Страхова, Вл. С. Соловьева, Д. С. Мережковского, Е. П. Блаватскую и др.

В данной работе мы на основе архивных материалов постараемся реконструировать историческую канву одного из таких «разговоров», «толков» о Л.Н. Толстом и вокруг Л.Н. Толстого, участниками которого становятся Н. Н. Страхов и Д. Н. Цертелев.

Нравственное учение Л.Н. Толстого, как известно, со времени своего формирования и появления воспринималось неоднозначно. «Одни – либералы и эстетики считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие – революционеры, радикалы считают меня мистиком, болтуном; правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом», – с сожалением отмечает писатель в одном из писем 1884 года [10, т. 63, с. 201]. А его эстетическое учение, по свидетельствам современников, вызвало в обществе «целый переполох».

Во всеобщее бурное обсуждение учения Л.Н. Толстого, помимо признанных корифеев русской философии, вступает и молодое поколение мыслителей, и среди этих имен есть и имя Д.Н. Цертелева. Он посвящает разбору его учения несколько работ, наиболее крупными из которых стали «Нравственная философия графа Л.Н. Толстого» (1889) и «Теория искусства графа Л.Н. Толстого» (1899). С одной стороны, в этих книгах Д.Н. Цертелев практически «препарирует» учение Л.Н. Толстого, высказывая собственный взгляд на поставленные вопросы. С другой стороны, Д.Н. Цертелев перемежает достаточно подробный анализ практически реферативным изложением некоторых запрещенных в России того времени трудов Л.Н. Толстого. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что таким приемом Д.Н. Цертелев, не раз оспаривавший, но, тем не менее, глубоко сочувствовавший идеям великого художника и мыслителя, делает свой вклад в легальное распространение некоторых его идей. Одна из таких работ Д.Н. Цертелева – «Учение гр. Л.Н. Толстого о жизни» (1890) – становится поводом для появления на свет «психологического этюда» Н.Н. Страхова «Толки о Л.Н. Толстом». В письме от 24 июля 1890 г. к Л.Н. Толстому он замечает: «Всё ношусь с мыслью писать об Вас. Статья Цертелева об Вас в июле “Русск<ого> Обозрения” – истинное безобразие: так нетолково всё и путано» [7, с. 407]. Н.Н. Страхов, с одной стороны, ставит перед собой непростую задачу – защитить Л.Н. Толстого от превратного понимания, занимает «позицию... обличителя общественного мнения, адвоката Толстого» [5, с. 181]; а с другой – истолковать, объяснить деятельность Толстого после кризиса 1870–х гг., «найти правильную точку зрения на Толстого» [6, с. 103].

То, что взгляд молодого поколения на личность и учение Л.Н. Толстого является в корне неверным, для Н.Н. Страхова не подлежит сомнению. Вл. Соловьев и его друг Д.Н. Цертелев всё еще воспринимаются Н.Н. Страховым «недоучившимися гимназистами» [7, с. 161], какими увидел их критик еще в 70–е гг. XIX в. Однако в 1891 г. Д.Н. Цертелев имеет репутацию серьёзного философа, переводчика и критика, он занимает должность главного редактора журналов «Русский вестник» (в 1887 г.) и

«Русское обозрение» (в 1890–1892 гг.). Письма Н.Н. Страхова к Д.Н. Цертелеву 1887–1891 гг., хранящиеся в РГАЛИ, отражают драматическую эволюцию взаимоотношений «мэтра» Н.Н. Страхова и «молодого» редактора Д.Н. Цертелева.

В письмах 1887–1890 гг. Н.Н. Страхов, на правах старшего товарища, рекомендует авторов и материалы, которые следовало бы опубликовать Д.Н. Цертелеву во вверенных ему журналах; многократно даёт указания по поводу печатания собственных рукописей. Зная доброжелательное отношение к себе и интерес редактора к философии Л.Н. Толстого, Н.Н. Страхов решает опубликовать «Толки...» именно в «Русском Обозрении», о чем сообщает Д.Н. Цертелеву в письме от 1 февраля 1891 г. Приведём отрывок из этого письма здесь:

«Многоуважаемый Дмитрий Николаевич,

Сегодня я начал статью под заглавием “Толки об Л.Н. Толстом” и думаю, что во две или три недели я её кончу. Прошу для неё места в мартовской книжке Вашего журнала. Статья будет не более 30 страниц... Постараюсь быть аккуратным, и, если бы что-нибудь мне помешало, извещу Вам заранее...

Ваш искренне преданный Н. Страхов» [9].

Страхов надеется завершить статью к марту и, будучи уверен в ее публикации, очень торопится. Однако критика ждёт безрадостные новости. 12 марта цензурный комитет тормозит публикацию «Толков...», но Страхов не теряет надежды увидеть свою работу в «Русском обозрении», о чем сообщает Цертелеву в ряде писем. Редактор держит Страхова в неведении, что немало задевает Страхова, хотя это молчание может объясняться тем, что Цертелев не оставляет надежды на разрешение дела в их пользу. Письмо от главного цензора России – Е.М. Феокистова – Цертелев получает еще 20 апреля 1891 г., и ответ этот неутешителен. Феокистов видит в Л.Н. Толстом еретика, более того, сравнивает его учение с сектантством. Поэтому статья Страхова, полная восхищения Толстым, не может быть опубликована. По крайней мере, Феокистов настоятельно советует Цертелеву не пускать ее в печать в его журнале. Приведём отрывки из этого письма, которое, как нам кажется, является очень яркой иллюстрацией восприятия церковью и правительством учения Л. Н. Толстого:

«...Г. Страхов видит в них [в произведениях Л. Н. Толстого] самое утешительное и благотворное явление нашего времени; вся его статья – не что иное, как восторженный им панегирик, который (как вероятно он надеется) должен пройти беспрепятственно благодаря придуманном им приёму.

Приём же этот состоит в следующем: г. Страхов умышленно забывает, что учение графа Толстого возникло не только помимо церкви, но даже на явно враждебной к ней основе... Благоразумно умалчивая об этом, г. Страхов старается доказать, что граф Толстой проповедует то самое учение о... любви к ближнему, которое содержится в Евангелии, и для человека, не знающего дела, могло бы показаться удивительным, почему же, в таком случае, проповедь эта подвергается нареканиям...

Ведь нельзя сказать, чтобы пашковцы проповедовали разврат. Я не знаю точно, в чем состоит учение штунды, но говорят, что и оно ссылается на Евангелие. Следует ли из этого, чтобы правительство дозволяло восхвалять и штундистов и пашковцев?.. Нет, правительство исполняет свой долг препятствуя распространению упомянутого учения, ибо в случае своего успеха они послужили бы к разногласию церкви.

Впрочем, пашковцы и штундисты лучше графа Толстого, потому что у них есть какая бы то ни было своя религия, а у Толстого никакой...» [8]

Тем не менее, «Толки о Толстом» все же выйдут в том же 1891 году в журнале «Вопросы философии и психологии». Однако отношения Страхова с Цертелевым будут окончательно испорчены. Конечно, это было ожидаемо. Объединяющие философов отношения автора и редактора были слишком слабой связующей нитью. Несовпадение «старого» и «нового» поколений, наметившееся еще в конце 70-х гг., становилось всё более явным, а открытая дискуссия между Н. Н. Страховым и Д. Н. Цертелевым по вопросам спиритизма и медиумизма состоялась задолго до описываемых здесь событий [4]. Поспособствует разрыву и взаимно-неприязненная полемика Н. Н. Страхова с Вл. С. Соловьевым, косвенным участником которой становится единомышленник и друг последнего, Д. Н. Цертелев. Конечно, причина разрыва сокрыта в гораздо более глубоких мотивах, не до конца осознаваемых, возможно, самими участниками дискуссии. Виной тому, как удачно сформулировала С. М. Климова, «противоположность культур уже явно разных поколений философов, живущих в одном историческом времени» [2, с. 32]. Возможно ли в этих условиях нахождение единственно «правильной точки зрения на Толстого»? [6, с. 103] Нам представляется, что нет. Величина этого русского писателя и мыслителя открывает для исследователей широчайшее поле для полемики, ставит множество философских проблем, решение которых составляет задачу и современной науки. Однако непримиримых противников и ярых защитников учения Л.Н. Толстого прошлого и настоящего объединяет одно: уверенность в необходимости анализировать, истолковывать его наследие. Такая тематическая преемственность, как нам кажется, и формирует единую ткань русской культуры.

Список литературы

1. Книжные страсти : сатирические произв. рус. и совет. писателей о книгах и книжниках / Всесоюз. добровольное. о-во любителей книги ; сост. А.В. Блюм. – Москва : Книга, 1987. – 287 с. : ил.
2. Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / ред.-сост. С.М. Климова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 207 с.
3. Маковицкий, Д.П. У Толстого, 1904-1910 : «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого : в 4 кн. / Д.П. Маковицкий. – Москва : Наука, 1979. – Кн. 3. – 512 с.
4. Мирошниченко, Е.А. Д.Н. Цертелев о природе спиритизма с философской точки зрения / Е.А. Мирошниченко // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 9. – С. 212-221.
5. Салманова, И.Ф. «Перетолкование толков» или от Л.Н. Толстого к Т. / И.Ф. Салманова // Юбилейный сборник : к 100-летию Гос. музея Л.Н. Толстого :

материалы науч. сессии, Москва, 25 нояб.-1 дек. 2011 г. / Гос. музей Л. Н. Толстого ; сост.: Л.Г. Гладких, Ю.В. Прокопчук. – Москва, 2012. – С. 175-188.

6. Страхов, Н.Н. Толки о Толстом: психол. этюд / Н.Н. Страхов // Вопросы философии и психологии. – 1891. – Кн. 9. – С. 98-132.

7. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / с предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург : О-во Толстов. музея, 1914. – 478 с.

8. Письма Феоктистова Евгения Михайловича Цертелеву Дмитрию // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 542. – Оп. 1. – № 41.

9. Письма Страхова Николая Николаевича Цертелеву Дмитрию // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 542. – Оп. 1. – № 37.

10. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л.Н. Толстой ; под общ. ред. В.Г. Черткова. – Москва : Худож. лит., 1928-1957. – Т. 3. Произведения 1852-1856 гг. – Москва, 1935. – 346 с.

11. Цертелев, Д.Н. Нравственная философия графа Л.Н. Толстого / Д.Н. Цертелев. – Москва : Унив. тип., 1889. – 140 с.

12. Щедрина, Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии / Т.Г. Щедрина. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 391 с.

References

1. Knizhnyye strasti: Satiricheskiye proizvedeniya russkikh i sovetskikh pisateley o knigakh i knizhnikakh / Vsesoyuz. dobrovol'nogo o-vo lyubiteley knigi ; sost. A.V. Blyum. – Moskva : Kniga. 1987. – 287 s. : il.

2. N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kultura ponimaniya / red.-sost. S.M. Klimova. – Sankt-Peterburg : Aleteyya, 2010. – 207 s.

3. Makovitskiy, D.P. U Tolstogo, 1904-1910 : «Yasnopolyanskiye zapiski» D.P. Makovitskogo : v 4 kn. / D.P. Makovitskiy. – Moskva : Nauka, 1979. – Kn. 3. – 512 s.

4. Mirosnichenko, E.A. D.N. Tsertelev o prirode spiritizma s filosofskoy tochki zreniya / E.A. Mirosnichenko // Sotsialno-gumanitarnyye znaniya. – 2017. – № 9. – S. 212-221.

5. Salmanova, I.F. «Peretolkovaniye tolkov» ili ot L.N. Tolstogo k T. / I.F. Salmanova // Yubileynyy sbornik : k 100-letiyu Gos. muzeya L.N. Tolstogo : materialy nauch. sessii, Moskva, 25 noyab.-1 dek. 2011 g. / Gos. muzey L.N. Tolstogo ; sost.: L.G. Gladkikh. Yu.V. Prokopchuk. – Moskva, 2012. – S. 175-188.

6. Strakhov, N.N. Tolki o Tolstom: psikhol. etyud / N.N. Strakhov // Voprosy filosofii i psikhologii. – 1891. – Кн. 9. – S. 98-132.

7. Perepiska, L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym. 1870-1894 / s predisl. i primech. B.L. Modzalevskogo. – Sankt-Peterburg : O-vo Tolstov. muzeya, 1914. – 478 s.

8. Pisma Feoktistova Evgeniya Mikhaylovicha Tsertelevu Dmitriyu // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva. – F. 542. – Op. 1. – № 41.

9. Pisma Strakhova Nikolaya Nikolayevicha Tsertelevu Dmitriyu // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva. – F. 542. – Op. 1. – № 37.

10. Tolstoy, L.N. Polnoye sobraniye sochineniy : v 90 t. / L.N. Tolstoy ; pod obshch. red. V.G. Chertkova. – Moskva : Hudozh. lit., 1928-1957. – Т. 3. Произведения 1852-1856 гг. – 1935. – 346 s.

11. Tsertelev, D.N. Nravstvennaya filosofiya grafa L.N. Tolstogo / D.N. Tsertelev. – Moskva : Univ. tip. 1889. – 140 s.

12. Shchedrina, T.G. Arkhiv epokhi : tematicheskoye edinstvo russkoy filosofii / T.G. Shchedrina. – Moskva : ROSSPEN. 2008. – 391 s.

Назаренко А.А.

*Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА У Н.Н. СТРАХОВА И С.Н. БУЛГАКОВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. В статье рассмотрены социально-политические взгляды двух представителей русской культуры Страхова Н.Н. и Булгакова С.Н. на развитие русского общества и России в целом. Проанализирован схожий подход мыслителей на социализм, как политическую форму устройства Российского государства. Определено общее и особенное в концепции философов - построение социализма в России. Рассмотрена возможность применения идей Страхова и Булгакова сегодня.

Ключевые слова: социализм, национальность, славянство, патриотизм, национальный дух, христианство, религия, государство.

Nazarenko A.

*Lugansk National Agricultural University
Lugansk, Lugansk People's Republic*

Annotation. The article deals with the socio-political views of two representatives of Russian culture: Strakhov N. and Bulgakov S. about the development of Russian society and Russia in general. The thinkers' similar point of view on socialism as a political form of the Russian state has been analyzed. The general and special things have been defined in philosophers' concept that means the creation of socialism in Russia. The possibility of the applying the ideas of Strakhov and Bulgakov nowadays has been considered.

Key words: socialism, nationality, Slavdom, patriotism, national spirit, Christianity, religion, state.

Сегодня понятие социализма обретает вторую жизнь. Свидетельством этого является политическая ситуация в ряде многих стран. Очевиден запрос на политические партии с явным социалистическим направлением идеологии или с ее элементами. Причина – неудовлетворенность граждан развитием социальной сферы. Разрыв между богатыми и бедными гражданами, платная медицина и образование, недоступное жилье и т.д. Запрос общества тоже очевиден – социальное равенство, включающее в себя бесплатные медицину и образование, доступное жилье, т. е. все то, что включает в себя понятие социализма.

Потребности основной массы общества заключаются в социальных благах, которые без экономического развития невозможны. Но почему же, не смотря на развитие науки и технический прогресс, которым не может не похвалиться XXI век, все же, как показывает статистика, категория бедных граждан только увеличивается, голодающих в мире меньше не становится? Почему мы, человечество, покорившее космос, не можем обеспечить необходимым минимумом (еда, одежда, жилье) всех нуждающихся? Конечно, однозначных ответов на эти вопросы нет. Нельзя не учитывать уровень развития общества в рамках каждого государства, со своим

законодательством, своей экономикой. Но даже в самых экономически развитых государствах социальные вопросы не менее актуальны.

Целью нашей работы является рассмотрение социалистических идей Страхова и Булгакова. Выявление общего и особенного в понимании и восприятии социалистических настроений XIX-XX веков в работах мыслителей. Перспективы развития признаков социализма Булгакова и Страхова в современности.

Термин социализм – довольно обширное понятие. В толковом словаре Ожегова С.И.: «социализм - социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства» [3]. Достаточно развернутое толкование, но достижение «принципов социальной справедливости, свободы и равенства» вызывают вопрос. Именно условия достижения этих принципов, мы рассмотрим в творчестве Страхова Н.Н. и Булгакова С.Н. - двух мыслителей, опиравшихся на славянофилов, ярчайших представителей русской культуры.

Жизненный путь этих творцов похож – оба родились в семьях священнослужителей, закончили духовные семинарии. Что, несомненно повлияло на становление их мировоззрения.

Страхов Н.Н. – русский философ, публицист, литературный критик. Тесно общался с Достоевским Ф.М., Толстым Л.Н., увлекался естественными науками. Будучи преподавателем физики и математики в гимназиях г. Одессы и г. Петербурга, защитил магистерскую диссертацию по сравнительной зоологии. «Человечество не представляет собою чего-то единого, «живого целого», а скорее походит на некоторую живую стихию, стремящуюся на всех точках складываться в такие формы, которые представляют большую или меньшую аналогию с организмами» [4, с. 420]. Уже тогда публицист затрагивал философские вопросы: развитие не только биологических организмов, но и социальных – народов.

Все творчество Страхова пронизано любовью к России. Как истинный патриот своего времени, Николай Николаевич, видел все беды своей Родины в приверженности идеям Запада. У России есть свой, уникальный, отличительный от Запада, путь развития - возвращение к своему культурно-историческому типу – славянству. Наша, славянская цивилизация, считал мыслитель, самодостаточна, а Россия – главный ее представитель. Западная модель не способствует развитию русского народа, государства в целом. И только, в славянской народности и в возрождении любви к своему народу, заключается успех и процветание русской нации. Рассматривая патриотизм, Страхов выделял две его стороны: внешнюю и внутреннюю. Внутренний патриотизм – врожденный, «сердечный», основанный на любви. Этот патриотизм берет начало в истории и культуре своего народа, живет и развивается в самых сокровенных глубинах народного духа. Внешняя сторона – это отношение русского человека к своей стране на мировой арене, политическое положение среди других народов. Ведь, истинный патриот не может не участвовать в жизни своего народа всем сердцем, всеми своими мыслями. Внешний патриотизм должен всегда опираться на внутренний,

подпитываться той самой любовью. Мыслитель считал, что только синтез этих двух сторон патриотизма порождает тот истинный патриотизм, присущий славянскому роду. Так как Россия – это главный представитель славянства, то для русского человека Славянский вопрос всегда актуален и составляет предмет своей деятельности на протяжении всей жизни. Конечно, невозможно любить Родину, жертвовать своими интересами, ради ее благополучия, т.е. быть истинным патриотом, без душевного участия в экономической, политической, социальной жизни России. Истинные патриоты – сила и мощь государства. Мыслитель призывал «не останавливаться в своем патриотизме на обширности и крепости государства, а обратить свое благоговение на русские народные начала, на те глубокие духовные силы русского народа, от которых, без сомнения, зависит и его государственная сила» [4, с. 51]. Бесценные русские народные начала, те глубокие духовные силы русского народа, от которых, без сомнения, зависит и его государственная сила. Тот самый глубокий национальный дух, который так ревностно защищает свою самостоятельность и отталкивает все, чуждое ему. Именно так Страхов видел построение сильного государства, без которого решение внутренних социальных вопросов невозможно. Действительно, нельзя не согласиться с мыслителем. Государство, которое не защищено от внешних угроз, которое не отстаивает свои национальные интересы, не может создать благоприятные условия (социальные и экономические) для развития своего народа. Мыслитель допускал, что отстаивание своих национальных интересов, как показывает история, невольно ущемляет интересы других народностей и может перерасти в национализм. «Национализм нашего века вовсе не похож на национализм древнего мира. У язычников, можно сказать, всякий народ хотел завладеть всеми другими народами; у христиан явилось правило, что никакой народ не должен владеть другим народом. Современное учение о народности, очевидно, примыкает к учению любви и свободы» [4, с. 397]. Именно из христианской любви рождается истинная свобода, как необходимое условие для защиты не только своих собственных национальных интересов, но и гарантирует защиту других народностей. Этими словами Страхов подчеркивал важную роль религии, в становлении справедливого, равноправного, социалистического устройства государства.

В том же направлении работал и Булгаков С.Н. – русский философ, богослов, священник. Активное творчество мыслителя припало на очень непростой исторический период России. Распад политического устройства родины побудило философа к поискам решения социальных проблем государства. Развитие сильного государства по Булгакову заключается в нравственно сильных и стойких духом его граждан. Как человек верующий, Булгаков строил свои концепции через призму христианства. «Христианское просвещение, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвоение обрывков знания, употребляемых как средство агитации, - вот в чем нуждается наш народ» [1, с. 134]. Подчеркивая важность развития личности, сохраняя ее нравственность путем соблюдения христианских истин.

«Нации не существует без исторического покровя, или облегчающей их скорлупы» [1, с. 183]. Такой «скорлупой» есть государство. Национальный

дух ищет своего воплощения в государстве, и, воплощаясь, дает ту самую незримую силу государству. Справедливо отметить, что Булгаков считал национальность хот и органической, но не высшей формой единения, т.к. она не только объединяет, но и разъединяет. Тут важно не допустить стадии национальной исключительности – национализма. Нам кажется вполне логичным стремления философа сплотить русский народ в период подрыва православной веры на фоне революционных событий. Булгаков считал Россию русским государством, не смотря на ее многоплеменность и сравнительно равные условия развития других национальностей на ее территории. Взаимная необходимость развития общества и государства напрямую зависят друг от друга. Одно без другого невозможно, ведь общество это и есть государство. Он писал «...общество не может развиваться и жить без известного этического минимума солидарности и взаимного понимания, как бы ни было сложно и многообразно оно по своему составу, иначе оно распадется на несколько враждующих тел, а в конце атомизируется» [1, с. 131]. Это сознательно, а порой и на инстинктивном уровне толкает людей на союзы в рамках государства, одного правового поля, не смотря на различные национальности, вероисповедание. Имеющий огромную популярность в западных странах капитализм, как идеальная форма союза граждан одного государства, Булгакова считал «организованным эгоизмом, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии...» [1, с. 225]. Одной же из приемлемых форм подобных союзов философ считал социализм. Мыслитель выделял три формы социализма по целевой направленности: материалистический социализм, атеистический социализм, христианский социализм.

Материалистический социализм, целью которого есть наиболее полное удовлетворение материальных потребностей людей. Этот социализм пропагандирует идею безбедного устройства на земле, построения так называемого материального рая на земле. Атеистический социализм, целью которого является уничтожение христианства. Это социализм, антихристианский. Примером такого социализма является власть большевиков. Христианский социализм, цель - создание земных условий, способствующих восхождению человека к Богу. Христианский социализм - это совокупность социально-экономических отношений между людьми, складывающаяся на основе христианской любви, добра и взаимопомощи.

Так как социализм, как форма политического государства предусматривает отсутствие частной собственности, принадлежащей государству или определенным коллективам и сообществам, он ассоциировался с тоталитаризмом. Мыслитель допускал такое суждение справедливым, но только в случае с атеистическим или материалистическим социализмами [2, с. 39-41]. Другое дело христианский социализм. Христианский социализм – синтез веры и социализма, которые взаимодополняют друг друга. Христианство дает социализму духовную основу, которой ему не хватает, а социализм, в свою очередь, помогает христианству осуществлять хозяйственную деятельность соответственно законам Божьим.

Единственным не разрешенным вопросом в концепции христианского социализма, мыслитель считал стремление социализма к абсолютному счастью всех. С точки зрения христианского учения это невозможно. Все люди греховны одинаково, но, в то же время, каждый еще и по-своему. И если, «по делам нашим воздастся нам», то а каком всеобщей удовлетворенности проповедуемой социализмом, может идти речь? Здесь мы полностью согласны с поставленным вопросом философа. Действительно, с точки зрения христианства, человек сам по себе существо греховное уже изначально (первородный грех), что привело к борьбе, страданиям и испытаниям на протяжении всей жизни. Более того, только через эти жизненные трудности, ниспосланные Богом, можно достигнуть истинной цели каждого человека – духовного роста, спасения души. Исходя из этого, страдания есть необходимый путь человека. Можно сказать, единственный путь, к достижению истинной цели существования человечества. Но и здесь мыслитель оправдывает необходимый союз христианства и социализма. Вечная борьба за «душу социализма». Наличие в каждом гражданине религиозной силы не поддаться на лестные обещания всеобщей гуманности противостоять всем атеистическим настроениям социализма.

Рассмотрев взгляды двух русских философов на социалистический строй государства, как возможную среду развития русской нации и России в целом мы пришли к таким выводам:

1. Возврат к истории, к своей культуре, к славянству является необходимым условием развития русской нации.

2. Особая роль уникальной русской национальной идентичности в определении внешнеполитического вектора развития страны

3. Важность возрождения патриотизма на основе христианского учения.

4. Соблюдение христианских истин в экономической, политической, социальной жизни государства – единственно верный путь к достижению социальных благ в обществе.

Николай Николаевич все же был больше литературным критиком, чем философом. Собственно, чисто философский труд у него один – «Мир как целое», в котором мыслитель рассматривал больше проблемы построения мира. Социальные и политические воззрения философ изложил в работе «Борьба с Западом». На критических умозаключениях трудов Герцена, горячей полемики с Вл. Соловьевым в защиту Данилевского Н.Я., Страхов выстроил собственную концепцию развития русской нации и России в целом, в основу которой были заложены принципы социализма.

В отличие от Страхова – Булгаков еще в своей ранней работе «Капитализм и земледелие» выражал глубокую заинтересованность взаимодействия экономики и политики. Позже в знаменитом философском труде «Философия хозяйства» мыслитель выдвинул теорию прямой зависимости хозяйственной жизни государства от духовно-нравственного состояния его граждан. Концепция христианского социализма – итог поисков мыслителя на политическом поприще.

Проанализировав взгляды двух мыслителей, мы можем утверждать, что они оба не видели благоприятной социальной обстановки в России без

возврата к своим национальным историко-культурным основам. Для Страхова – это был славянский дух, его возрождение. Для Булгакова же это – христианство. Если Н.Н. считал христианство, как неотъемлемую, но все же просто составляющую часть славянства, то С.Н. ставил религию в центре своей концепции. Булгаков считал, что возврат национальных русских ценностей – это и есть возрождение христианства повсеместно на территории всей России. При этом нужно отметить, что мыслитель ни коем случае не умолял значение вероисповеданий других граждан. Он считал, что христианские истины должны лечь в основу поведения всех граждан при участии во всех сферах государственной жизни, а не насильное навязывание христианства, как единственно допустимой религии в России.

Интересными являются мысли философов по поводу развития патриотических настроений в государстве. Концепции их в этом вопросе очень схожи, так, как и оба мыслителя отмечают важное значение патриотизма на пути построения сильного и мощного государства, что соответственно, способствует развитию социальных благ общества – построению социализма в стране. Несомненно, общим во взглядах мыслителей есть метафизико-идеалистический подход к решению реалистических задач общества. Следует отметить, что Страхов в своих исследованиях балансировал между идеалистическими личными порывами и реалистическими доводами, ему всегда был присущ рационалистический подход, в отличие от Булгакова, который навсегда остался идеалистом.

Сегодня, мы считаем, подход к решению общественных задач философов могут помочь укрепить, возрождающийся патриотизм решить социальные проблемы внутри государства, выработать иммунитет к вызовам извне. Всемирная популярность русофобских настроений подрывает социальную стабильность в России, угрожает самому важному, по мнению Страхова – национальному духу, славянскому началу русской нации, не только в России, но и за ее пределами. Грядущий раскол в православном мире – новый вызов русскому миру, очередной инструмент в руках Запада против России. Булгаковская концепция о соблюдении и защите интересов граждан путем христианских истин обрела важную миссию – сохранить истинное православие – неотъемлемую часть русской души.

Список литературы

1. Булгаков, С.Н. Христианский социализм [Текст] : сб. / С.Н. Булгаков ; сост., подгот. текста, примеч. В.Н. Акулинина. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 347 с. – (Споры о судьбах России).

2. Вехи [Текст] : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / сост. и подгот. текста А.А. Яковлева. – Москва : Правда, 1991. – 607 с. – (Из истории отечественной философской мысли).

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // etextRead.ru : электрон. б-ка. – Москва, 2018. – Режим доступа: <http://etextread.ru/Book/Read/41088?nP=1375>.

4. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом [Текст] / Н.Н. Страхов ; коммент. А.В. Белова. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 571 с.

References

1. Bulgakov, S.N. Hristianskij socializm [Tekst] : sb. / S.N. Bulgakov ; sost., podgot. teksta, primech. V.N. Akulinina. – Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1991. – 347 s. – (Spory o sud'bah Rossii).
2. Vekhi [Tekst] : sb. st. o rus. intelligencii ; Iz glubiny : sb. st. o rus. revolyucii / sost. i podgot. teksta A.A. Yakovleva. – Moskva : Pravda, 1991. – 607 s. – (Iz istorii otechestvennoj filosofskoj mysli).
3. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] / S.I. Ozhegov, N.YU. SHvedova // etextRead.ru : ehlektron. b-ka. – Moskva, 2018. – Rezhim dostupa: <http://etextread.ru/Book/Read/41088?nP=1375>.
4. Strahov, N.N. Bor'ba s Zapadom [Tekst] / N.N. Strahov ; komment. A.V. Belova. – Moskva : In-t rus. civilizacii, 2010. – 571 s.

УДК 130.2

Новак Н.И.

*Луганский аграрный национальный университет,
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ Н.Н. СТРАХОВА

Аннотация. В статье проводится анализ концептуализации творчества в философском наследии Н.Страхова. В ходе исследования автором была выявлена специфика интерпретации творчества у Н. Страхова в аспекте его диалогического бытия, что разделяет творчество на две концепции. Первой концепцией творчества является субъективная деятельность автора в созидании искусственных форм. Вторым является пониманием читателя авторского продукта, в ходе которого происходит диалог между ними, что символизирует окончательное становление готового творческого продукта. Также Н. Страхов сумел выразить русскую культуру как самостоятельный культурный тип, выявляя его в творчестве русских литературных деятелей.

Ключевые слова: культура, Н. Страхов, творчество, диалогичность, автор/читатель.

Novak N.I.

*Lugansk Agrarian National University,
Lugansk LNR*

THE PROBLEM OF CREATIVITY IN PHILOSOPHY N.N. STRAKHOV

Annotation. The article analyzes the conceptualization of creativity in the philosophical heritage of N. Strakhov. In the course of the research, the author revealed the specificity of the interpretation of creativity in N. Strakhov in the aspect of his dialogical being that divides creativity into two concepts. The first concept of creativity is the subjective activity of the author in the creation of artificial forms. The second is the understanding of the author of the author's product, during which there is a dialogue between them, which symbolizes the final formation of the finished creative product. Also N. Strakhov managed to express Russian culture as an independent cultural type, revealing it in the work of Russian literary figures.

Key words: culture, N. Strakhov, creativity, dialogue, author / reader

Острой проблемой сегодняшнего дня представляется навязывания новых ценностных ориентиров, культурных эталонов западной цивилизацией отечественному пространству, в ходе которого происходит процесс потери идентичности народа приводящих появлению новых исторических кумиров, не являющихся национальными героями. Такая экспансия запада приводит к неизбежному разрушению социокультурного наследия постсоветских стран.

В противовес современным тенденциям, для сбережения социокультурного прошлого важно обратиться к нашему культурному наследию: классиков русской литературы и философии, выступающих за сохранения самобытности русского творческого потенциала для выявления отечественного пространства как независимой культурной парадигмы. Одним из таких мыслителей, выступающих за самобытность русского народа сквозь призму творческой неповторимости был Н. Страхов.

Временем жизни Н. Стрхова является XIX век, который по исторической своей значимости на отечественную культуру имел колоссальное воздействие. Важно отметить, что начало этого века связано с Отечественной войной (1812 года), где Российская империя противостояла Французской, и в которой вышла победительницей. Эта победа выразила патриотический подъем отечественной культуры. Именно в данный период начинается развитие золотого века русской литературы, который связан с деятельностью таких выдающихся личностей как А. С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой и Ф. М. Достоевский и многие другие. Все это способствовало переосмыслению России как независимого от западной Европы культурного субъекта. За творческую независимость в культуре боролся Н. Страхов в противовес культурной экспансии запада. Так, по мнению А. Белова «Отказ от «общеευропейской мерки» и Стрхова, и Данилевского привел к выработке концепции культурно-исторических типов, содержательные идеи которой состоят в: а) требовании изучения морфологического строя самобытности и оригинальности культур, каждая из которых воплощает только ей присущие формы проявления творческого духа; б) обосновании идеи множественности национально-культурных организмов; в) бережном отношении к традициям народа, составляющим богатство и уникальность исследуемой культуры; г) указании на опасность попыток подражания исчезнувшим культурам, тем более приписывания одной из них (европейской) статуса абсолютной всеобщности, что чревато забвением остальных культур и лишением свойственных им ценностей; е) применении метода сравнения различных культур по структуре и законам развития, а не метода сопоставления их по степени совершенства» [1, с. 12-13]. Из данной цитаты, мы можем заключить, о том, что у Н. Стрхова творчество определенного культурного типа имеет свою неповторимость и своеобразность способствующий развитию социокультурного пространства как независимого субъекта в мировой истории, представленной у Н. Данилевским в виде «культурного типа». Однако как можно заметить, что подражания культуре иной цивилизационной парадигмы приводит к неизбежному разрушению

культурного типа. Таким образом, для независимости и жизнедеятельности культурному типу необходима суверенность творческого потенциала его субъектов. Помимо этого Н. Страхов отмечал, что взаимодействие традиции и творчества является необходимым условием бытия культурно исторического типа, так как традиция представляется носителем ценностных ориентиров этноса, стоящих у истоков независимости и неповторимости культуры. Цитируя А. Георга о том что: «рассматривая новую русскую литературу с точки зрения народности, видел в ней постоянную борьбу европейских идеалов, чуждой нашему духу поэзии, с стремлением к самобытному творчеству, к созданию чисто русских идеалов и типов» [3, с. 304] он определяет его человеком который был истинно предан искусству так как не шел на поводу чужим размышлениям и доминирующим взглядам западного мира о том, что традиция представляется как нечто неактуальное, а народная культура, нашедшая свое выражение в различных формах фольклорного жанра, определяется как устаревшая и нецелесообразная. Н. Страхов же был за то чтобы использовать народную культуру в творчестве, что способствует более глубокому раскрытию культурного типа.

Что же касается самого творчества, то мыслитель разделял его на истинное и поддельное. Истинное творчество, по мнению философа, имеет свои границы его реализации. Так говоря относительно стихотворчества, он выводит следующие границы его реализации как истинного творчества.

Первым является то, что автор стиха должен иметь свою стихотворную речь и её певучесть.

Второй границей является то, что автор должен иметь вкус, чувство и ум, а также обладать широким кругозором.

Таким образом, творчество исходит не только от оригинальности его продукта, а представляется совокупностью таланта и мышление самого автора.

Новшеством в понимании творчества у Н. Страхова было не в субъективной деятельности автора, а во взаимодействии продукта творческой работы писателя с читателем. Таким образом, Н. Страхов рассматривал понимания творчества с диалогического аспекта его бытия. По мнению современного исследователя С. Климовой: «Диалогический аспект заключается и в том, что общение с чужим авторским словом (в данном случае с текстом Пушкина) становится толчком для выхода из состояния возбуждения и ведет к сцеплению одной творческой энергии с другой (возбуждение от присутствия или видения, или чтения/общения с другим), которое собственно и определяет творческий заряд. То есть происходит столкновение двух энергий, соединенных в поток перевода энергии в мощь осмысленного произведения или слова-мысли» [2, с. 148]. Диалогичность творчества как феномена выдвинутого в концепции понимания творчества Н. Страхова дает нам основу его понимания не как субъективной деятельности одного человека, а как взаимодействия авторского творческого продукта с читателем как категорию сотворчества. Как утверждает С. Климова: «В его понимании/интерпретации любая идея обретала некую завершенность, целостность, что позволяло прояснять все

смутные и может быть не ясные самим творцам особенности их концепций и теорий» [2, с. 138]. Н. Страхов в некотором своем аспекте был философом не творящим, а понимающим. Большая его заслуга понимания творчества является то, что в осмыслении работ великих русских писателей как отмечает С. Климова, придавал их творением некую логическую завершенность. Данное сотворчество ярко отразилось во взаимодействии Н. Страхова и Л. Толстого. Л. Толстой в процессе создания произведения «Анна Каренина» не хотел продолжать над ним работу и даже обращался к Н. Страхову за советом по поводу его окончания. Однако Н. Страхов всячески поддерживал русского литературного классика, тем самым своим разбором готового текста как сотворчества в некотором аспекте способствовало выходу данного произведения в мир.

Вывод: Н. Страхов сумел отразить творчество не как субъективную деятельность одного автора, а как его взаимодействия с читателем, в ходе которого происходит диалог символизирующего окончательный процесс завершенности творческого продукта. В основе его концепции творчества ложится его идея философии понимания, так как творчество – это не только создания культурного продукта, но и творчество это осознания читателем мысли которые хотел донести ему автор. Исходя из учения Н. Страхова, можно предположить, что существует две концепции творчества: Первым представляется творчество как созидания новых искусственных форм в пространстве при помощи субъективной деятельности автора. Вторым, является понимание творческого продукта читателем, в ходе которого он становится окончательным произведением искусства. Огромная заслуга Н. Страхова является то что, рассматривая становления русской литературы, он сумел выявить самобытность русского творчества, определяя отечественную культуру как независимый, самостоятельный культурный тип в противовес всепоглощающей западной культуры.

Список литературы

1. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом / Н.Н. Страхов ; сост. и коммент. А.В. Белова ; отв. ред. О. Платонов. – Москва : Ин-т русской цивилизации, 2010. – 576 с.
2. Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / ред.-сост. С.М. Климова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 207 с.
3. Страхов, Н.Н. Литературная критика : сб. ст. / Н.Н. Страхов. – Москва : Современник, 1984. – 431 с.

References

1. Strakhov, N.N. Bor'ba s Zapadom / N.N. Strakhov ; sost. i komment. A.V. Belova ; otv. red. O. Platonov. – Moskva : In-t rus. tsivilizatsii, 2010. – 576 s.
2. N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kul'tura ponimaniya / red.-sost. S.M. Klimova. – Sankt-Peterburg : Aleteyya, 2010. – 207 s.
3. Strakhov, N.N. Literaturnaya kritika : sb. st. / N.N. Strakhov. – Moskva : Sovremennik, 1984. – 431 s.

Старостина В.С.

*Луганский национальный аграрный университет,
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

ФИЛОСОФИЯ ДУХОВНОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В НАСЛЕДИИ Н.Н. СТРАХОВА

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена борьбы славянского и западного мировоззрений в творческом наследии Н. Н. Страхова. За основу взято издание его книги «Борьба с Западом», сочетающее в себе все три тома данного труда. Автором предпринята попытка систематизировать высказанные философом идеи, необходимые для победы русского духа над внешними силами, стремящимися его переломить.

Ключевые слова: Н. Н. Страхов, почвенничество, славянство, идеологическая борьба, духовные силы, патриотизм.

Starostina Valentina S.

*Lugansk National Agrarian University,
Lugansk, LPR*

PHILOSOPHY OF SPIRITUAL AND IDEOLOGICAL WAR IN THE HERITAGE OF N. STRAKHOV

Abstract. The article is devoted to the comprehension of the phenomenon of the struggle between the Slavic and Western worldviews in the creative heritage of N. Strakhov. The research is based on the publication of his book "Struggle against the West", that combines all three volumes of this work. The author made an attempt to systematize the ideas expressed by the philosopher, which are necessary for the victory of the Russian spirit over external forces that strive to break it down.

Key words: N. Strakhov, pochvennichestvo, Slavdom, ideological struggle, spiritual forces, patriotism.

Будучи известным широкому кругу общественности в основном как литературный критик и преданный сын земли русской, Н.Н. Страхов, много размышлявший о судьбе своего Отечества, сделал немало метких и глубоких философских наблюдений о русском характере и духе, обнажил проблемы славянского мировоззрения и назвал простой и одновременно сложный способ их преодоления и укрепления народного, а значит и государственного, могущества. Являясь одним из идеологов почвенничества, мыслитель называл условием процветания своей Родины возврат к собственным истокам, обращение к исконным русским началам. В предисловии к первому изданию первой книги «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ» в 1882 году, Страхов пишет буквально следующее: «Намъ не нужно искать какихъ-нибудь новыхъ, еще не бывалыхъ на свѣтѣ началъ; намъ слѣдуетъ только проникнуться тѣмъ духомъ, который искони

живетъ въ нашемъ народѣ, и содержитъ в себѣ всю тайну роста, силы и развитія нашей земли» [2, 10].

В целом же призывы к духовной и идеологической борьбе (по сути – войне) с Западом слышны в каждой строчке творческого наследия Н.Н. Стрхова. Особое звучание они приобрели в 1863 году, когда в журнале «Время» была опубликована его статья «Роковой вопрос», являющаяся ответом русского на высказанные в ходе восстания, впрочем, успешно подавленного, притязания Польши. «Русские духовные силы! Где они? – вопрошает философ. – Кто кроме нас им поверит, пока они не проявятся с осязаемой очевидностью, с непререкаемой властью?» [1, 49]. Эти вопросы, заданные искренно любящим Россию человеком и истинным патриотом своей Родины еще в конце XIX века и сегодня звучат как нельзя более актуально и остро. Западная цивилизация и весь «высокоорганизованный» и «высокообразованный» мир вновь дерзко и нарочито демонстративно называет Россию «вселенским злом»; считает страной, населенной второсортными дикарями с низким уровнем культуры, тем более опасными, что они претендуют на достойное место под солнцем, осмеливаются бросать вызов гегемону «планеты всей» и в силу своей «неуправляемости и агрессивности» могут коренным образом изменить устоявшийся мировой порядок. И вновь, в который раз за свою многострадальную историю Россия стоит перед сложным, но жизненно необходимым выбором: поддаться тлетворному влиянию Запада и отказаться от всего русского или сопротивляться попыткам «цивилизовать» и «окультурить» себя на чей-то чуждый ее менталитету манер. Одним словом, русским нужно решить: война или позор.

Для Н.Н. Стрхова подобной дилеммы даже не возникало. Он всеми фибрами своей истинно русской, славянской, души желал Отечеству идти по собственному, ни на кого не похожему пути; идти только вперед к развитию и процветанию, к торжеству великого славянского духа и русской самобытной науки и культуры. «Европа давно уже отталкивает нас, давно уже смотрит на нас, как на врагов, как на чужих. Когда же мы, наконец, перестанем подлизываться к ней и стараться уверять себя и других, что и мы европейцы? Когда, наконец, мы перестанем обижаться, когда нам скажут, что мы сами по себе, что мы не европейцы, а просто русские, что от Европы, скорее всего, нам ожидать вражды, а не братства?» [1, 53]. Таким образом, исповедуя почвеннические взгляды и призывая русский народ черпать силы и вдохновение исключительно в своих духовных «корнях», Н.Н. Стрхов не исключал возможности (а иногда и необходимости) отстаивания права на свою самобытность с помощью силы физической, на поле брани и с оружием в руках. «А их [русских духовных сил] развитие и раскрытие — оно требует вековой борьбы, труда и времени, тяжелых усилий, слез и крови» [1, 49].

В своем письме к редактору «Дня», написанному в ответ на критику статьи «Роковой вопрос», вызвавшей долгую и горячую дискуссию в кругах российской интеллигенции, философ призывает русских пробудиться, отбросить все ложные воззрения на Европу, перестать заблуждаться на счет западных намерений в отношении России и сказать

«прямо: Европа нас не понимает и заставляет нас доказывать нашей силой и нашей кровью наши права на существование и развитие» [1, 59].

Однако не стоит думать, что глубоко религиозный человек, каковым являлся Н. Страхов, призывал русских «на баррикады», требовал слепого и безрассудного фанатизма в служении Родине. Напротив, он предостерегал (и продолжает это делать, говоря с нами со страниц своих статей, писем и книг) от опрометчивых поступков и импульсивных, ничем, кроме эмоций, не подкрепленных воинственных порывов. Мыслитель предупреждает от бездумного следования боевому кличу элит, которые легко используют народ в своих интересах. Нужно не допустить явления подобного «польской трагедии», которая, по мнению Н. Стрхова, состояла в отсутствии единодушия высшего и низшего сословия: шляхты и народа в целом. «Нет, - пишет мыслитель, - дело, которое не выходит из народа, нельзя сделать народным. Дело, в котором нет уважения к народу, в котором народ рассматривается как средство и орудие, - по самой сущности не может быть народным» [1, 91]. То есть, погибнуть за свое отечество по призыву властей дело, безусловно, святое и благородное, но прибегать к подобному «аргументу» следует обдуманно и, в идеале, при условии духовного единения командиров и подчиненных.

Взгляды Н.Н. Стрхова настолько проникли в круги ученой публики, что исследованием творчества мыслителя занимались и занимаются многие деятели науки в разных сферах интересов: от литературы до религии и от культурологии до философии. Идеи «великого русского» нашли последователей даже в Поднебесной, их глубоко изучает китайский филолог Чжу Цзяньган.

И, на мой взгляд, это неудивительно. Настолько простыми и логичными являются высказанные Н.Н. Стрховым идеи и принципы, следуя которым Россия непременно станет тем, чем она должна быть по праву – могущественной и великой, сильной духом и процветающей. Согласно его воззрениям, каждый соотечественник должен «всего лишь» стать настоящим патриотом и не только русским, а славянским. «Но зачем же русскому патриоту непременно становиться патриотом славянским? Да и то еще, нужно ли вообще быть каким-нибудь патриотом? В сущности, эти вопросы, беспрестанно повторяющиеся, очень странны. Нужно ли, не нужно ли, — об этом напрасно спрашивать, когда по воле судеб людское племя распадается на различные народы, и вся история человечества есть история этих народов. Патриотизм есть чувство столько же естественное и неизбежное, как любовь к отцу и матери, к жене и детям. Не о том следует рассуждать, нужна ли эта любовь [...]. Вооружаться против чувства любви всегда непростительно и противоестественно. Следует рассуждать, напротив, только об одном: какова должна быть наша любовь во всех случаях, когда она является? Как вносить в нее наилучший смысл и оберегать ее от извращения и одичания? Например, что такое истинный патриотизм? Конечно, счастлив тот, у кого есть отечество, кто мыслит и чувствует заодно с великим множеством своего народа, кто готов повиноваться этому народу, служить ему и, в случае нужды, умереть за него. [...] Великое дело, если мы, исповедуя себя патриотами, будем

останавливаться не на второстепенных чертах, не на том только, что нам выгодно и приятно, а, напротив, будем благоговейно вникать в глубочайшие стремления народного духа и служить им, отвергая всякие соблазны других стремлений. Это – во-первых. А другая, неизбежная сторона истинного патриотизма есть осмысленный взгляд на политическое положение России среди других народов, так сказать, на ее роль во всемирной истории» [1, 74-76].

Именно на чувстве такого сознательного, осмысленного патриотизма, должна основываться стратегия духовной и идеологической войны с Западом. Только когда каждый русский осознает себя патриотом не только на словах; когда перестанет бросаться из одной крайности в другую – то истово размахивая флагом страны во время массовых демонстраций по поводу какой-нибудь большой политической или спортивной победы, то кляня власти за ее решения, повлекшие за собой невозможность вылететь за границу на отдых или купить импортный хамон; когда перестанет плевать в свое прошлое, стыдиться своей истории и извиняться перед Западом за поступки своих предков, одним словом, когда народ станет поистине единым целым, Русская земля, несмотря на предстоящие «еще многие труды, многие подвиги», «победит, наконец, предубеждение Европы, постоянно нам грозящей, что наша сила и наше величие будут, наконец, признаваемы великим благом и счастьем для людей» [1, 61].

Список литературы

1. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом / Н.Н. Страхов ; отв. ред. О. Платонов ; сост. и коммент. А.В. Белова. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 576 с. – (Рус. цивилизация).
2. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе : исторические и критические очерки : в 3 кн. / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. С. Добродеева, 1882. – Кн. 1. Герцен. Милль. Парижская коммуна. Ренан. Штраус. – XII, 362 с.
3. Чжу Цзяньган. Мышление антинигилиста : заметки о Н.Н. Страхове / Чжу Цзяньган // Философские науки. – 2015. – № 3. – С. 78-88.

References

1. Strakhov, N.N. Bor'ba s Zapadom / N.N. Strahov ; otv. red. O. Platonov ; sost. i komment. A.V. Belova. – Moskva : In-t rus. civilizacii, 2010. – 576 s. – (Rus. civilizaciya).
2. Strahov, N.N. Bor'ba s Zapadom v nashej literature : istoricheskie i kriticheskie ocherki : v 3 kn. / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. S. Dobrodeeva, 1882. – Kn. 1. Gercen. Mill'. Parizhskaya kommuna. Renan. SHtraus. – XII, 362 s.
3. CHzhu Czyan'gan. Myshlenie antinigilista : zametki o N.N. Strahove / CHzhu Czyan'gan // Filosofskie nauki. – 2015. – № 3. – S. 78-88.

Страхова И.И., Зайцева Е.Б.
*Белгородская духовная семинария
(с миссионерской направленностью), г. Белгород, Россия*

**ОПТИНА ПУСТЫНЬ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЩЕНИЯ МОНАСТЫРЯ
Н.Н. СТРАХОВЫМ В 1877 ГОДУ**

Аннотация. Статья посвящена описанию поездки Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого в Введенскую Оптину пустынь в 1877 году. Рассматривается влияние Оптиной пустыни на представителей творческой интеллигенции XIX века, а также ее роль в духовной жизни России. Особое внимание уделяется духовно-нравственному влиянию старцев на современников.

Ключевые слова: религия, православие, Введенская Оптина пустынь, XIX в., Н.Н. Страхов, Л.Н. Толстой, старчество, русская интеллигенция.

Strakhova I.I., Zaitseva E.B.
*Belgorod theological seminary with a missionary orientation
Belgorod, Russia*

**OPTINA HERMITAGE AND RUSSIAN INTELLECTUALS: ON
THE EXAMPLE OF THE VISIT OF N.N. STRAKHOV TO THE
MONASTERY IN 1877**

Abstract. The article is devoted to the description of N.N. Strakhov and L.N. Tolstoy trip to the Vvedenskaya Optina hermitage in 1877. The influence of the Optina hermitage on representatives of the creative intelligentsia of the XIX century is considered, as well as its role in spiritual life of Russia. Particular attention is paid to the spiritual and moral influence of the elders on the contemporaries.

Key words: religion, Orthodoxy, Vvedensky Optina hermitage, XIX century, N.N. Strakhov, L.N. Tolstoy, the elders, the Russian intelligentsia.

Введенская Оптина пустынь - ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви. Сложно найти другое место, которое бы в течение всего столетия перед революцией 1917 года принимало цвет русской культуры в такой широчайшей палитре. Оптину пустынь посещали И.В. Киреевский, Н.В. Гоголь, братья Аксаковы, А.Н. Муравьев, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов и многих другие представители русской интеллигенции.

Поиск истинной веры в XIX веке получает широкое распространение. Это связано со спадом духовности в обществе и распространением различных околорелигиозных учений и концепций, в том числе эзотерических.

Посещение монастырей, общение со старцами стало популярным. Именно в Оптиной пустыни, в беседах со старцами известные писатели, философы, публицисты старались найти ответы на религиозно-философские вопросы.

Обитель выделялась своей простотой и строгостью. Здесь действовал общежительный устав, ориентированный на строгое исполнение иноческих обетов. И в течение ста лет перед революцией здесь поддерживалась традиция старчества.

Старцы – духовно опытные монахи – издавна опекали и наставляли в монастырях молодых послушников, фигура старца привлекала живой духовной силой, харизмой. Конечно, у каждого из знаменитых людей, посещавших Оптину, был свой путь сюда и своя личная мотивация. И.В. Киреевский был воспитан на западной философии и с удивлением открыл для себя глубокий мир православной святоотеческой литературы.

К.Н. Леонтьев – дипломат и мыслитель, в конце жизни переехал в Оптину пустынь и в 1891 году принял тайный постриг с именем Климент. За поколение до Леонтьева Оптину открыл для себя Н.В. Гоголь. Оптина была источником вдохновения для Ф.М. Достоевского, особенно в пору написания романа «Братья Карамазовы», а вслед за ним для миллионов его читателей. Л.Н. Толстой не раз бывал в Оптиной пустыни. В одной из поездок он посетил монастырь вместе с Н.Н. Страховым.

Николай Николаевич Страхов – русский философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской АН. Действительный статский советник. По политическим убеждениям Страхов был националистом-консерватором, сторонником «самобытного» развития России. Его привлекала борьба за русскую самобытность и органичность у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Он был яростным врагом дарвинизма, с различными проявлениями которого он сражался на протяжении тридцати лет.

В статьях о творчестве писателей И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого Страхов коснулся очень важной темы – темы праведничества, изображения «идеальных» сторон человеческой жизни.

Стремление к идеалу, согласно убеждениям Н.Н. Страхова, является коренной чертой русской литературы.

Ситуация стремления к идеалу для Н.Н. Страхова была задана самими обстоятельствами его жизни — он родился в семье протоиерея, преподавателя Белгородской семинарии. С семилетнего возраста после смерти отца он воспитывался под началом своего дяди архимандрита Нафанаила, впоследствии архиепископа Нежинского и Черниговского. В 1840-1844 годы он учился в Костромской семинарии, ректором которой был его дядя. Религиозному настрою воспитанников семинарии способствовало местопребывание семинарии – действующий Богоявленский мужской монастырь, основанный в XV веке.

Интерес к монастырской жизни у Николая Николаевича стал проявляться еще в апреле-мае 1875 года во время заграничного путешествия в Италию. Страхов с особым вниманием изучал итальянские монастыри. Вернувшись в Россию, он приступил к изучению жизни русских монахов, хотел лично познакомиться с монастырским укладом русских обителей.

Страхов долго вынашивал идею посещения Свято-Введенской Оптиной пустыни, что первоначально вызывало недоумение у Л.Н. Толстого,

с которым Страхов дружил с 1871 года. «Как странно, что вы ищете монахов, хотите ехать в Оптину пустынь», — восклицал Толстой в письме к Страхову от 5 мая 1875 г. [4].

В 1877 году Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов совершили поездку в монастырь. 25-27 июля они посетили скит монастыря и старца отца Амвросия (Гренкова).

Существует много данных об этой поездке. Широкое распространение получили мемуары русского писателя Дмитрия Ивановича Стахеева, который опубликовал в январском номере «Исторического Вестника» за 1907 год заметки о паломничествах русских писателей в Оптину пустынь. Стоит учесть, что Стахеев был весьма далек от религии, а его знания по теме были настолько приблизительны, что воспринимать эти описания и рассуждения надо с некоторой осторожностью. Эти мемуары были подвержены критике со стороны Павла Александровича Матвеева.

Павел Александрович Матвеев - юрист, критик, публицист, сотрудник многих журналов и газет, входил в окружение Н.Н. Страхова, общался с Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, К.Н. Леонтьевым, оптинскими монахами, государственными и общественными деятелями. Современники характеризовали его как человека независимых суждений, стремящегося выяснить правду, дойти до сути в обсуждении любых вопросов. Матвеев с детства посещал Оптину пустынь. Не удивительно, что, прочтя поверхностные и неточные воспоминания Стахеева, более осведомленный в этой теме Павел Матвеев подробно изложил известные ему сведения о поездке Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова в Оптину пустынь.

П.А. Матвеев считал, что Стахеев в фельетонном стиле рассказывает о том, чего он не видел, но слышал от других или по случаю сочинил. Сам Стахеев в Оптиной пустыни не бывал, и быть, по его признанию, не собирався; о целях посещения монастыря нашими знаменитыми писателями имел самое смутное представление: может быть, у них была религиозная цель, а может быть они ездили «просто так, для развлечения и отдыха после утомительных литературных трудов» [1].

По мнению Матвеева, он безапелляционно судит то, что рассказывает, сводя события к анекдоту. П.А. Матвеев был одним из тех, кто советовал эту поездку Н.Н. Страхову. Николай Николаевич писал Л.Н. Толстому 4 ноября 1876 года: «Один знакомый, Павел Александрович Матвеев, молодой юрист, очень милый, все разговаривает со мной о вере - он сам верующий, к великому изумлению всех окружающих. Он бывал в Оптиной пустыни, мне советует побывать, но уверяет, что это трудно, именно, что непременно мне встретятся всякого рода препятствия и задержки, что это испытали на себе многие лица – какая-то сила мешает. Попробуем же в следующее лето - я очень желаю, и не имею других планов» [1].

Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов приехали в Оптину пустынь из Ясной Поляны в дорожном тарантасе, в самой скромной обстановке, причем Толстой, чтобы его не узнали в монастыре, пожелал остановиться в простонародной гостинице. Дорогой он рассказывал, что много слышал от народа про старца Амвросия и желает его видеть, да и вообще познакомиться

с бытом монастыря. Остановились они в гостинице у отца Феоктиста. Этот монах оказался бывшим крепостным Толстых.

Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов посетили скит и встретились с о. Амвросием, затем побывали у других иноков монастыря. На следующий день Толстой со Страховым снова отправились к отцу Амвросию. По свидетельству П.А. Матвеева, Страхов во время беседы с о. Амвросием все время молчал, говорил лишь Толстой. Амвросий советовал Толстому поговеть в монастыре, исповедаться и причаститься, затем стал объяснять значение Таинств в жизни, напомнив слова Евангелия об искушениях, постигающих человека, ищущего веры и весьма настойчиво говорил о необходимости смирения для христиан, а затем вдруг, обратившись к молчавшему Страхову, который представился философом, сказал: «Наша философия не та, которой вы занимаетесь; мою переписку ведет о. Климент, он человек ученый, я вас с ним познакомлю» [5]. Видимо, он решил, что умственные доводы Климента, человека обширной духовной начитанности, более подходят для вразумления «чрезмерно» начитанного философа.

Иеромонах Климент был не просто старцем, а ученым монахом, катехизатором, он умел излагать общие основы церковного учения, не упуская из вида и светские знания.

Старец Амвросий посоветовал Страхову читать Исаака Сирина и подарил брошюру бесед св. Ермия с языческими философами. Однако Страхова беседа с о. Амвросием не вдохновила. Впоследствии он лишь иронизировал по поводу внешнего облика старца, смеялся над его подарком, по его словам, «детской книжкой», уверяя себя и других, что «серьезного разговора» с отцом Амвросием у него не было.

Приехав в Оптину пустынь несколько дней спустя после отъезда Толстого и Страхова, Матвеев интересовался, какое впечатление они оставили и что делали в монастыре.

О Л.Н. Толстом отец Амвросий сказал следующее: «мудреный он человек: сердце ищет Бога, а в мыслях путаница и неверие. Горд он очень, духовной гордостью. Много вреда он сделает своим произвольным, и суемудрым толкованием Евангелия, которое, по его мнению, никто до него не понимал, но на все воля Божия» [5].

На слова Матвеева о том, что Страхов, уважительно относящийся к религии, может иметь на Толстого доброе влияние, Амвросий ответил: «Страхов человек закоснелый, неверие его глубже и крепче» [5]. После этого Матвеев зашел к Клименту и передал ему этот разговор. Климент ответил на это, что старец сказал ему то же самое, и охарактеризовал Страхова как человека, для которого вера только поэзия. К тому же, по мнению старца, Страхов влияния на Толстого не имел, скорее наоборот, был его справочной книгой.

Все это Матвеев откровенно передал Страхову. Страхова поразили отзывы о нем старца. «Да ведь, я, кажется, с о. Амвросием мало о чем и говорил, – сказал он. Он советовал мне читать Исаака Сирина, духовного наставника монахов и великого душеведа, по его словам, и подарил какую-то брошюру, в которой передаются разговоры Ермия с языческими

философами — но это детская книжка, а серьезного разговора с Амвросием у меня не было» [5].

Согласно составленной в библиотеке Санкт-Петербургского университета описи книг, о. Амвросий действительно подарил философу книгу Исаака Сирина «Слова духовно-подвижнические». На книге надпись рукой Страхова: «От о. Амвросия. Оптиная пустынь. 1877. 27 июля». Там имеется запись и о другом подарке, полученном Страховым в Оптиной пустыни от о. Климента: книге Николая Кавасилы «Семь слов о жизни во Христе», с надписью: «От о. Климента. Оптиная пустынь. 1877. 27 июля».

Н.Н. Страхов испытывал глубокие сомнения в вере, но категорично говорить о его неверии было бы явным упрощением, хотя его религиозность имела скорее внецерковный характер. Понимая значение православия в жизни народа, Николай Николаевич обходил прямые разговоры о религии, но все же живо интересовался ей, понимая ее роль в духовно-нравственном развитии личности и общества, его поездка в Оптину подтверждает это.

Введенская Оптина пустынь стала одним из крупнейших духовных центров России XIX века. К старцам в Оптину шли представители всех состояний и сословий, как обычные простолюдины, так и интеллигенты. Цели посещения были различными, если простые люди зачастую обращались к старцам за утешением, советом, исцелением, то представители интеллигенции в большей степени искали решения сложных религиозных и философских вопросов, творческого вдохновения. Оптина пустынь стала своего рода точкой соединения русской светской литературы и философии с ее православными корнями, с ее почвой. Знаменитые люди, посещавшие Козельск, привлекали к этому месту всеобщее внимание. Для многих провинциальная обитель стала подлинным центром России, центром её неугасшей духовной жизни.

Список литературы

1. Захаров, В.Н. Из забытых мемуаров [Электронный ресурс] : П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом / В.Н. Захаров // Неизвестный Достоевский. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 58-70. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-zabytyh-memuarov-p-matveev-o-f-dostoevskom-n-strahove-l-tolstom>.
2. Матвеев, П.А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов в Оптиной Пустыни [Электронный ресурс] / П.А. Матвеев // Исторический вестник. – 1907. – Т. 108, № 4. – С. 151-157. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10087864>.
3. Запальский, Г. Оптина Пустынь и духовные искания русской интеллигенции в XIX веке [Электронный ресурс] / Г. Запальский // Дороги России / АО «Дороги Отечества». – Москва, 2017. – Режим доступа: <https://www.rusroads.com/media/102565-optina-pustyn-i-duhovnye-iskaniya-russkoy-intelligencii-v-xix-veke>.
4. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений [Текст] : в 90 т. / Л.Н. Толстой. – Москва : Худож. лит., 1928-1958. – Т. 62. Письма. – Москва, 1953. – 575 с.
5. Фатеев, В.А. «Пустынножитель» [Электронный ресурс] : непройденный путь философа Николая Страхова / В.А. Фатеев // Христианское чтение. – 2016. – № 1. – С. 145-175. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pustynnozhitel-neproйдennyy-put-filosofa-nikolaya-strahova>.

References

1. Zaharov, V.N. Iz zabytyh memuarov [Электронный ресурс] : P. Matveev o F. Dostoevskom, N. Strahove, L. Tolstom / V.N. Zaharov // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 58-70. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-zabytyh-memuarov-p-matveev-o-f-dostoevskom-n-strahove-l-tolstom>.
2. Matveev, P.A. L.N. Tolstoj i N.N. Strahov v Optinoj Pustyni [Электронный ресурс] / P.A. Matveev // Istoricheskij vestnik. – 1907. – Т. 108, № 4. – С. 151-157. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10087864>.
3. Zapal'skij, G. Optina Pustyn' i duhovnye iskaniya russkoj intelligencii v XIX veke [Электронный ресурс] / G. Zapal'skij // Dorogi Rossii / АО «Dorogi Otechestva». – Москва, 2017. – Режим доступа: <https://www.rusroads.com/media/102565-optina-pustyn-i-duhovnye-iskaniya-russkoj-intelligencii-v-xix-veke>.
4. Tolstoj, L.N. Polnoe sobranie sochinenij [Tekst] : v 90 t. / L.N. Tolstoj. – Moskva : Hudozh. lit., 1928-1958. – Т. 62. Pis'ma. – Moskva, 1953. – 575 s.
5. Fateev, V.A. «Pustynnozhitel'» [Электронный ресурс] : neprojdennyj put' filosa Nikolaya Strahova / V.A. Fateev // Hristianskoe chtenie. – 2016. – № 1. – С. 145-175. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pustynnozhitel-neprojdennyy-put-filosa-nikolaya-strahova>.

УДК 57 (091)

Шило Е.И.

*Белгородский государственный
аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Россия*

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ Н.Н. СТРАХОВА

Аннотация. Статья посвящена раннему этапу формирования естественно-научных взглядов Н.Н. Страхова, обстоятельствами его работы над диссертацией, который до сих пор остается малоизученным.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, Ф.Ф. Брандт, С.С. Куторга, сравнительная анатомия, Зоологический музей, Санкт-Петербургский университет, XIX век.

Shilo Elena I.

*Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin
Belgorod, Russia*

INITIAL STAGE OF FORMATION NATURAL-SCIENTIFIC VIEWS N. N. STRAKHOV

Abstract. The Article is devoted to the early stage of the formation of natural-scientific views of N. N. Strakhov, the circumstances of his work on his dissertation, which still remains poorly understood.

Key words: N.N. Strakhov, F.F., Brandt, S.S. Kutorga, comparative anatomy, Zoological Museum, University of Saint Petersburg, XIX century.

Недостаточное внимание к естественнонаучному наследию Н.Н. Страхова связано, вероятно, с тем, что в России и в мире он известен

как оригинальный философ и литературный критик, близкий друг Ф. Достоевского и Л. Толстого. Его исследования в области сравнительной анатомии, морфологии животных, зоологии стали объектами исследования лишь в последние годы [8, 12]. Практически не проанализирована его главная, с точки зрения естествознания, работа «Мир как целое», между тем, понимание им окружающего мира Природы, как единого целого получило свое дальнейшее развитие в работах В.В. Вернадского и К.Э. Циолковского. История становления Страхова как ученого-естественника актуальна и для понимания формирования отечественной биологии и университетского научного сообщества, в котором искал признание молодой ученый.

Нравственное формирование Н.Н. Страхова (1828-1896) происходило в атмосфере духовности, любви к книгам и к литературе. После смерти отца, Н.П. Страхова, выпускника Киевской Духовной академии, магистра богословия, преподавателя словесности в Белгородском духовном училище, о семье и образовании Н.Н. Страхова заботился дядя – Савченко Николай Иванович (Нафанаил Савченко), брат матери, с 1839 года - ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Костромского Богоявленского монастыря.

Следуя семейной традиции, двенадцатилетний юноша поступил в Костромскую семинарию на отделение риторики, а затем философии. Духовные семинарии до реформы конца 30-х годов XIX века решали две, различающиеся по целям, задачи: давали возможность на льготных условиях получать детям священнослужителей среднее образование, позволявшее продолжить образование в университете и одновременно готовить семинаристов в священство. Преобладающими дисциплинами в семинарии были богословские (священное писание, нравственное и пасторское богословие, герменевтика, церковная история и археология), языки (латынь, греческий, древнееврейский), значительный объем дисциплин составляли общеобразовательные, входящие в курс классических гимназий (литература, современные иностранные языки (немецкий и французский), математика (включая алгебру и геометрию), география, российская и всеобщая история, теоретическая и опытная физика, ряд философских дисциплин. В программу обучения входило полемическое богословие - написание богословских сочинений на русском, греческом и латинском языках и их «разбирательное» (аналитическое) чтение. Вспоминая годы учебы, Н.Н. Страхов писал о том, что среди семинаристов «уважение к уму и науке было величайшее; самолюбия на этом поприще разгорались и соперничали беспрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всяком удобном поводе» [5].

По завершении учебы в семинарии у Н.Н. Страхова появилась возможность продолжить свою учебу в Петербургской духовной академии, преподавание в которой носило светский характер и приближалось к университетскому. И.А. Чистовичем отмечается высокий уровень преподавания в академии естественных наук: «между тем, успехи естественных наук в течение истекшего полувека были так велики и непрерывны, что всегда оставляли позади себя даже лучшие руководства, по этой части отечественных и иностранных ученых» [11]. Однако Н.Н. Страхов

в январе 1845 г. поступает вольнослушателем на камеральное отделение юридического факультета, выпускники которого были призваны заниматься административной и хозяйственной деятельностью, в связи с чем, изучали не только общественные, но и естественнонаучные предметы: естественную историю, технологию, агрономию и архитектуру. Анализируя этот этап своей жизни, Н.Н. Страхов отмечает возросший интерес к естественным наукам, связывая его с необходимостью основательной полемики с нигилистами и материалистами, рассуждения которых выдавались за прямые выводы естествознания [5].

В августе того же года, сдав вступительные экзамены, он становится студентом математического отделения, чем вызывает резкое раздражение дяди, который к этому времени был возведен в должность епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии. Физико-математическое отделение было подразделено на два разряда: математических и естественных наук. Предметы же делились на «факультетские» или «главные», служащие основанием специального образования; «дополнительные», углубляющие курс специальных предметов и «общие» - необходимые любому образованному человеку, например, Богословие. С 1847 года логику преподавали на всех факультетах, как предмет первой важности. В 1846 году Университету предоставили возможность пользоваться учеными силами Академии Наук [1].

Научными учителями в области зоологии и сравнительной анатомии были С.С. Куторга (1806–1861) и Ф.Ф. Брандт (1802-1809). Практические занятия студентов по зоологии происходили в зоологическом кабинете и на природе. Зоологические коллекции при зоологическом кабинете Императорского Санкт-Петербургского университета начали создаваться в 1819 году с целью научного изучения собранных в экспедициях животных. В дальнейшем они использовались в качестве демонстрационного материала на лекциях и практических занятиях со студентами. Формирование из отдельных коллекционных материалов музейной экспозиции произошло при С.С. Куторге, заведующим кафедрой зоологии Императорского Санкт-Петербургского университета в 1833–1861 годах.

После окончания Петербургской губернской гимназии в 1827 г. С.С. Куторга поступил в Петербургский университет на физико-математическое отделение философского факультета, а затем, в 1828 году отправлен в Дерптский университет, где работал под руководством профессора М.Г. Ратке (1793-1860), избрав своей специальностью зоологию. Окончив полный курс медицины и хирургии, С.С. Куторга выдержал экзамен на степень доктора медицины и по защите диссертации «*De organis vocis et loquelae psittaci erithaci: Diss. inaug. zootom. physiol. tabulis tribus pictis illustrata*» (*Органы голоса и речи серого попугая (жако)*) был утвержден в этой степени в 1832 году. По возвращении в Петербургский университет С.С. Куторга в качестве приват-доцента стал преподавать курс «Зоотомия. Естественная история птиц» [9].

В середине 40-х годов XIX века С.С. Куторге приходилось преподавать в одно и то же время «зоотомию с включением анатомии человека, зоологию, палеонтологию, - науки для которых в настоящее время считается

недостаточным ограничиться тремя или даже четырьмя преподавателями, ... постоянно держа свои лекции в уровень с успехами науки, и внося в них результаты собственных наблюдений и исследований, долгое время столь же постоянно разнообразил их специальными курсами по той или другой части своего предмета, чему далеко не следовали в то время прочие преподаватели» [1]. С.С. Куторга был превосходным лектором, на его лекции стекались часто и студенты других факультетов. Студенты, видел в нем «не только руководителя, но и друга, готового поддержать каждого, в ком он замечал искреннюю преданность науке»... Кроме этого, преимущественно в первые годы профессорской деятельности им назначались дополнительно «особые часы для практических занятий со студентами по разным отраслям зоологии». Также собственным трудом и с помощью студентов он создавал многочисленные анатомические препараты. «Но главное достоинство С.С. Куторги, как преподавателя, заключалось помимо всего сказанного, в том, что он вселял в своих слушателей глубокое уважение к труду и сильное расположение к производству собственных исследований» [1]. Научная деятельность С.С. Куторги заключалась в изучении геологии и палеонтологии Крыма, Петербургской губернии и Финляндии.

В 1846 году Университету предоставили возможность пользоваться учеными силами Академии Наук и практические занятия со студентами стали проводиться в стенах зоологического музея, директором которого был выдающийся ученый Ф.Ф. Брандт. Европейским ученым уже была известна его двухтомная «Медицинская Зоология» («Medizinische Zoologie»), написанная в соавторстве с Й. Ратцебургом. А. Гумбольдт, писал автору: «Ваш труд в зоогеографическом и анатомическом отношении является одним из лучших, появившихся сейчас, я высказываю не только свое собственное мнение, но и мнение знаменитейших французских зоологов Кювье и Валансьена». По рекомендации А.Гумбольдта и А.Рудольфи в декабре 1830 г. Ф.Ф. Брандт избран адъюнктом и одновременно директором Зоологического музея в Петербурге [2].

Зоологическая коллекция при Ф.Ф. Брандте стала одной из богатейших в Европе. В музее наглядно и полно был представлен животный мир не только России XIX века, но и всего и мира. Кроме собственно музейной работы, Ф.Ф. Брандт занимался комплектованием библиотеки Зоологического музея, которая к 60-м годам XIX века насчитывала несколько тысяч томов и стала одной из богатейших зоологических библиотек в мире. Библиотека содержала труды знаменитых академических экспедиций XVIII века - труды П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С.П. Крашенинникова, таких корифеев науки, как К. Линней, Ж. Бюффон, Ж.Б. Ламарк. К работе с коллекционными материалами Ф.Ф. Брандт привлекал студентов университета, под его руководством они занимались сравнительно-анатомическими исследованиями. Именно в стенах Зоологического музея состоялась первая встреча Н.Н. Страхова Ф.Ф. Брандтом – будущим руководителем его диссертационной работы.

Из-за нехватки средств к существованию, Н.Н. Страхов был вынужден оставить университет и в январе 1848 г. перейти на "казенный кошт" в Главный педагогический институт, который занимал с Университетом одно

помещение – старинное здание «12 коллегий». Тесное соприкосновение двух учебных заведений сопровождалось общностью программ, предметов, методов обучения и составом преподавателей: здесь работали филологи И.И. Срезневский и Н.М. Благовещенский, математик М.В. Остроградский, химик А.А. Воскресенский, ботаник И.О. Шиховский, С.С. Куторга и др. Спецификой преподавания было то, что пятый год учения в Главном педагогическом институте посвящался собственно педагогической подготовке, как теоретической, так и практической. Большинство студентов, как и Н.Н. Страхов, получали субсидии на образование из государственной казны. Выпускники, получив звание учителя гимназии, обязаны были прослужить не менее 8 лет в ведомстве Министерства народного Просвещения. Поэтому по окончании Педагогического института в 1851 г. Н.Н. Страхов уехал в Одессу, где в течение года преподавал физику и математику во II одесской гимназии.

Ответственное отношение к делу проявляется Н.Н. Страховым в самом начале его учительской карьеры. Программа по математике 1846 года, которой руководствовались учителя, была первой общей для всех русских гимназий программой, определявшей как объем знаний и умений, так и последовательность изучения основных тем. Особое внимание было уделено решению практических задач. Тем не менее, программа страдала отсутствием такого важного раздела, как решение неравенств 1-й и 2-й степени. Для восполнения этого пробела, Н.Н. Страхов пишет, а затем публикует свою первую (и последнюю) методическую работу по математике «Решение неравенств 1-й степени».

Однако, долгое время оставаться вдали от Петербурга Н.Н. Страхов не смог, и уже через год, в 1852 г., добился перевода во II Петербургскую гимназию, директором которой был А.Ф. Постельс, одновременно состоявший ординарным профессором минералогии Главного педагогического института.

С 1852 года преподавать естественную историю стали с первого класса, в приходском училище и углублялись в гимназических классах. В первом классе преподавались общие сведения о природе, во втором и третьем – зоология, в четвертом и пятом ботаника, в шестом – минералогия, в седьмом – анатомия и физиология человека. При этом учитель имел нагрузку 16 часов в неделю и кроме этого преподавал основы технологии и коммерческих наук.

«Изучение же наук естественных, особенно у таких отличных преподавателей, каких гимназия имела в лице Н.Н. Страхова и К.К. Сент-Илера, принесло учащимся несомненную пользу: достаточно в подтверждение этого указать на достойного ученика этих наставников, известного нашего ученого и профессора А.А. Иностранцева» [3].

По воспоминаниям выпускников гимназии, Н.Н. Страхов «не увлекал нас, как Александр Филиппович Постельс, но преподавание его, ровное, и, по-видимому, однообразное, все-таки внушало нам любовь к науке. Николай Николаевич умел как-то наглядно, в сжатых и рельефных чертах, изобразить то, что в наших учебниках (Симашко - зоология. Физиология и анатомия, Шиховский – ботаника) излагалось чересчур уже кратко и сухо» [3].

В свободное от преподавательской деятельности время Н.Н. Страхов возвращается к своим сравнительно-анатомическим исследованиям в Зоологическом музее, где в течение пяти лет изучает остеологические коллекции под руководством Ф.Ф. Брандта, сдает магистерские экзамены и в 1857 году представляет для защиты диссертацию по зоологии "О костях запястья млекопитающих" (диссертация опубликована в 1857 г. в "Журнале Министерства народного просвещения", № 9, и отдельным изданием).

Во время защиты диссертации официальным оппонентом Н.Н. Страхова, Л.С. Ценковским, было сделано замечание по методике научного исследования - он определял исторический метод исследования организмов, как наиболее важный. В это время Л.С. Ценковский уже состоял экстраординарным профессором Санкт-Петербургского университета по кафедре ботаники, защитив в 1856 году диссертацию "О низших водорослях и инфузориях". Н.Н. Страхов, положивший в основу своих исследований сравнительно – анатомические методы, не смог быстро и аргументированно ответить профессору - ботанику. Диссертация была защищена, но, как пишет Б.В. Никольский, «не показав себя на диспуте по диссертации умелым полемистом, Страхов не стал добиваться кафедры в Петербургском университете» [5].

Обстоятельства защиты переживались Н.Н. Страховым долгое время. Ответом оппоненту стала статья «О методе наук наблюдательных» (1858). Н.Н. Страхов, тонко намекая на проявленную на защите зоологическую некомпетентность Л.С. Ценковского, пишет: «Возражения, сделанные мне г. профессором Ценковским при защищении моей диссертации «О костях запястья млекопитающих», подали мне мысль – составить настоящую статью. Я взялся за этот предмет тем с большим удовольствием, что мне представлялся случай выразить мысли, уже давно возбужденные во мне размышлением о предмете моих занятий. Хотя в моем рассуждении, о котором я упомянул, я строго следовал этим самым мыслям, применяя на деле общие взгляды к частному случаю, но, разумеется, я не мог выразить их вполне, и их трудно видеть среди бесчисленных подробностей, непонятных без особого знакомства с предметом» [10].

Как ботаник, Л.С. Ценковский хорошо представлял систематику растений К. Линнея (1707-1778), основанную на учете половых признаков растений, особенностях строения пестиков и тычинок. Сам Линней признавал свою систему искусственной, но при этом отрицал саму возможность создания естественной системы, объясняя это тем, что все растения проявляют родство друг к другу и «природа не делает скачков» [6]. Представления Н.Н. Страхова о реальности классификации растений и животных, напротив, основывались на принципе дискретности. Не оценил по достоинству Л.С. Ценковский и метод установления гомологии в строении органов, предложенный Н.Н. Страховым и связь гомологии с классификацией органов. Аналогичные представления были высказаны позже отечественным палеоботаником, систематиком растений С.В. Мейеном (1935-1987) [8].

Есть все основания полагать, что Н.Н. Страхов надеялся на успешную карьеру в науке вплоть до конца 1861 года, когда Санкт-Петербургский

университет был закрыт из-за студенческих беспорядков на неопределённый срок. Однако этого не произошло. Причин, вероятно, было несколько.

По имеющимся у нас сведениям, вторым претендентом на получение должности преподавателя при кафедре зоологии в университете (и должности сотрудника Зоологического музея) был А.А. Штраух (1832-1893), закончивший к этому времени медицинский факультет Дерптского университета и удостоенный после защиты диссертации по зоологии степени доктора медицины. Можно предположить, что А.А. Штраух уже бывал до этого в Зоологическом музее, так как родился и получил гимназическое образование в Санкт-Петербурге, и, возможно, был знаком с самим Ф.Ф. Брандтом. После защиты диссертации А.А. Штраух получает российское подданство (1859) и отправляется (вероятно, по поручению Академии Наук), за границу с целью изучения музеев естественной истории и сбора зоологического материала. По возвращении им были переданы в Зоологический музей богатейшие энтомологические, герпетологические и ихтиологические коллекции. А.А. Штраух пишет: «Когда в 1861 г. я обратился к нему (Ф.Ф. Брандту) за разрешением заниматься в музее, то он с величайшей готовностью передал мне весь эрпетологический (герпетологический) материал и следил за моею деятельностью с живейшим интересом; интерес этот простирался до того, что несколько лет сряду он тратил почти всю штатную сумму Музея на пополнение и постановку эрпетологического отдела, и поставил мне некоторым образом в условие пользование материалом для научных публикаций» [2]. Впоследствии А.А. Штраух стал преемником Ф.Ф. Брандта и возглавлял Зоологический музей с 1879 по 1890 гг.

Не удалось Н.Н. Страхову вернуться в и близкий ему по статусу Главный педагогический институт, уже в новом качестве – преподавателя, так как в 1958 году Главный педагогический институт был закрыт, а его учащиеся переведены в Санкт-Петербургский университет.

Педагогическая деятельность не увлекала Н.Н. Страхова так, как его молодого коллегу по II Санкт-Петербургской гимназии К.К. Сент-Илера (1834-1901), окончившего эту же гимназию, где его отец, К.А. Сент-Илер, преподавал французский язык. К.К. Сент-Илер в 1856 г. окончил курс физико-математического факультета Петербургского университета, где занимался, преимущественно у профессора С.С. Куторги и в музее Академии Наук у академика Ф.Ф. Брандта, представив диссертацию «Сравнительная анатомия костей таза». По окончании университета с 1856 г. К.К. Сент-Илер состоял, одновременно со Н.Н. Страховым, учителем естественных наук во II С.-Петербургской гимназии, и так же, как и Н.Н. Страхов продолжал заниматься зоологией в Музее Академии Наук, собирая материалы для описания рыб из семейства сельдевых, живущих в северных морях. В 1859 г. К.К. Сент-Илер выдержал экзамен на магистра зоологии и в 1860 г. напечатал в «Журнале Министерства Просвещения» диссертацию «Материалы для монографии семейства Дафнид». В 1861 г. им был издан учебник «Элементарный курс зоологии с приложением задач и летних занятий по зоологии». Как перспективный преподаватель Главного педагогического института, в 1863 г. К.К. Сент-Илер был послан за границу с

педагогической целью, а по возвращении преподавал в нескольких высших заведениях Санкт-Петербурга, в 1877 стал директором Главного педагогического института [3].

При всей сложности жизненных обстоятельств того времени, практически лишенный возможности занятий академической наукой, Н.Н. Страхов не перестал быть ученым – естественником. Его творчество проявилось в научно-философских работах по естествознанию и особой форме распространения научного знания – популяризации науки и ее методов. Не следует забывать, что выдвижение России второй половины XIX века на лидирующие позиции в науке во многом зависело от ученых 60-х годов, в числе которых был Н.Н. Страхов.

Список литературы

1. Григорьев, В.В. Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. / В.В. Григорьев. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К., 1870. – 670 с.
2. Штраух, А.А. Зоологический музей Академии наук: пятидесятилетие его существования : обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея, Читано 23 нояб. 1882 г. / сост. дир. музея акад. А. Штраух. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1889. – [2], II, 372 с.
3. Историческая записка 75-летия С. Петербургской Второй гимназии : в 2 ч. / по поручению пед. совета гимназии сост. препод.: А.В. Курганович и А.О. Круглый. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Арнгольда, 1894. – Ч. 2. 1831-1880. – VI, 431, [1] с.
4. История Академии наук СССР : в 3 т. / гл. ред. К.В. Островитянов. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1958-1964. – Т. 2. (1803-1917). – Москва, 1964. – 772 с.
5. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов : критико-биограф. очерк / Б.В. Никольский // Исторический вестник. – 1896. – № 4. – С. 215-268.
6. Линней, К. Философия ботаники / К. Линней ; пер. с лат.: Н.Н. Забинкова, С.В. Сапожникова. – Москва : Наука, 1989. – 456 с.
7. Памятное : наследие Н.Н. Страхова в интеллектуальной истории XIX–XXI вв. : материалы «круглого стола» // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 59-70.
8. Поздняков, А.А. Типологические представления Н.Н. Страхова / А.А. Поздняков // *Lethaea rossica*. – 2017. – Т. 15. – С. 47-55.
9. Пузыревский, П. Краткий очерк жизни и трудов профессора Степана Семеновича Куторги, бывшего директора Императорского Минералогического общества / П. Пузыревский. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1867. – 16 с.
10. Страхов, Н. О методе наук наблюдательных / Н. Страхов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1858. – № 1, о. II. – С. 36-90 ; о. VII. – С. 1-18.
11. Чистович, И.А. История С. Петербургской духовной академии / И.А. Чистович. – Санкт-Петербург : Тип. Якова Трея, 1857. – 462 с.
12. Шило, Е.И. О первом научно-мировоззренческом опыте Н.Н. Страхова / Е.И. Шило // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 71-77.

References

1. Grigor'ev, V.V. Imperatorskij S. Peterburgskij universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya / V.V. Grigor'ev. – Sankt-Peterburg : Tip. V. Bezobrazova i K., 1870. – 670 s.

2. SHtrauh, A.A. Zoologicheskij muzej Akademii nauk: pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya : obzor osnovaniya, postepennoogo rasshireniya i sovremennogo sostoyaniya muzey, CHitano 23 noyab. 1882 g. / sost. dir. muzeya akad. A. SHtrauh. – Sankt-Peterburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1889. – [2], II, 372 s.
3. Istoricheskaya zapiska 75-letiya S. Peterburgskoj Vtoroj gimnazii : v 2 ch. / po porucheniyu ped. sov. gimnazii sost. prepod.: A.V. Kurganovich i A.O. Kruglyj. – Sankt-Peterburg : Tip. EH. Arngol'da, 1894. – CH. 2. 1831-1880. – VI, 431, [1] s.
4. Istoriya Akademii nauk SSSR. [Tekst] : v 3 t. / gl. red. K.V. Ostrovityanov. – Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958-1964. – T. 2. – Moskva, 1964. – 772 s.
5. Nikol'skij, B.V. Nikolaj Nikolaevich Strahov : kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skij // Istoricheskij vestnik. – 1896. – № 4. – S. 215-268.
6. Linnej, K. Filosofiya botaniki / K. Linnej ; per. s lat.: N.N. Zabinkova, S. V. Sapozhnikov. – Moskva : Nauka, 1989. – 456 s.
7. Pamyatnoe: nasledie N.N. Strahova v intellektual'noj istorii XIX-XXI vv. : materialy «kruglogo stola» // Nauchnyj rezul'tat. Ser. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya. – 2017. – T. 3, № 1. – S. 59-70.
8. Pozdnyakov, A.A. Tipologicheskie predstavleniya N.N. Strahova / A.A. Pozdnyakov // Lethaea rossica. – 2017. – T. 15. – C. 47-55.
9. Puzyrevskij, P. Kratkij ocherk zhizni i trudov professora Stepana Semenovicha Kutorgi, byvshego direktora Imperatorskogo Mineralogicheskogo obshchestva / P. Puzyrevskij. – Sankt-Peterburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1867. – 16 s.
10. Strahov, N. O metode nauk nablyudatel'nyh / N. Strahov // ZHurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. – 1858. – № 1, o. II. – S. 36-90 ; o. VII. – S. 1-18
11. CHistovich, I.A. Istoriya S. Peterburgskoj duhovnoj akademii. / I.A. CHistovich. – Sankt-Peterburg. : Tip. YAkova Treya, 1857. – 462 s.
12. SHilo, E.I. O pervom nauchno-mirovozzrencheskom opyte N.N. Strahova / E.I. SHilo // Nauchnyj rezul'tat. Ser. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya. – 2014. – T.1, № 2. – S. 71-77.

Секция 2

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВ. ХРАНЕНИЕ И ДОСТУП К АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ, МУЗЕЙНЫМ И РЕДКИМ КОЛЛЕКЦИЯМ; ОРГАНИЗАЦИЯ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА К БИБЛИОТЕЧНЫМ РЕСУРСАМ

УДК 027.8

Володченко Н.В.

*Белгородский институт развития образования
г. Белгород, Россия*

РАБОТА ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ПО СОХРАНЕНИЮ, ИЗУЧЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Роль школьной библиотеки – увлечь ребенка чтением через приобщение к краеведческой работе, исследованию местных традиций и культурных памятников. В статье представлен опыт школьных библиотек по сохранению и популяризации культурных традиций региона.

Ключевые слова: школьная библиотека, культурные традиции, краеведение, музейная педагогика, культурное наследие, духовно-нравственное воспитание.

Volodchenko N.V.

*Belgorod institute of education development
Belgorod, Russia*

THE WORK OF SCHOOL LIBRARIES ON PRESERVATION, STUDYING AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE IN THE REGION

Abstract. The role of the school library - to captivate the child reading through the introduction to local history, the study of local traditions and cultural monuments. The article presents the experience of school libraries in the preservation and promotion of cultural traditions of the region.

Key words: school library, cultural traditions, local history, Museum pedagogy, cultural heritage, spiritual and moral education.

Сегодня вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что самосохранение и полноценное развитие общества обеспечивается наличием у него культурных традиций, в первую очередь исторически глубоких, выверенных многими поколениями традиций народной культуры. Культурные традиции, как корни, питающие и удерживающие дерево, питают и удерживают сами

основы общественной и государственной жизни. И поскольку именно школа, целенаправленно и системно формируя сознание своих воспитанников, предопределяет, каким будет наше завтра, в содержании ее деятельности этнокультурная составляющая должна занять далеко не последнее место.

Школьная библиотека является воспитательно-образовательной средой, местом творческого сотрудничества всех участников школьной жизни, центром духовно-нравственного воспитания.

Библиотекарь становится первым, кто помогает ребенку отличить добро от зла, стать личностью, видеть прекрасное, с уважением относиться к своей стране и истории. «Увидеть и познать свой край можно либо своими глазами, либо при помощи книг». Слова Михаила Васильевича Ломоносова точно отражают работу школьного библиотекаря.

Главные задачи, которые решают библиотеки образовательных учреждений, это – воспитание к родному краю, содействие к пробуждению познавательных интересов детей, организация поисково-собираательной, исследовательской и творческой деятельности учащихся школ.

В каждой школьной библиотеке создан краеведческий фонд. Школьные библиотекари с большим трепетом относятся к данному разделу. Книги поступают в основном за счет спонсорских средств, в дар библиотеке из личного фонда учителей и учащихся. Библиотеки также выписывают областные, городские и районные газеты и журналы.

Помимо комплектования библиотек традиционными источниками информации, ведется работа по сбору данных и на электронных носителях. Библиотекари создают документальные видеофильмы по краеведению, приобретаются CD-диски краеведческой тематики, краеведческие коллекции аудиодокументов, программное обеспечение общенаучных курсов, поступивших в библиотеку (CD-диски по биологии, географии, истории и др.). Многие библиотекари создают и пополняют тематические папки, где узко раскрывается тема, или ведут тематические подборки, где представлен отдельный вопрос («Жизнь и творчество поэта», «История моей школы», «Мои земляки» и т.д.).

В 2015 году был запущен проект «Белгородоведение». Целью проекта является воспитание гражданина России, патриота малой родины, знающего и любящего свой край, город, село (его традиции, памятники природы, истории и культуры) с осознанным желанием и внутренней потребностью активного участия в его развитии.

Достижение поставленной цели предполагается через решение следующих задач:

- создание условий для реализации образовательной и воспитательной среды во взаимодействии с социокультурной средой региона;
- овладение обучающимися знаниями об основных этапах региональной истории, литературы, особенностей природных ресурсов родного края, уникальности народной культуры и быта;

- формирование в поликультурном Белгородском регионе культуроориентированной личности, знакомой с традиционной культурой родного края и России как части и целого;

- воспитание учащихся в духе патриотизма, через уважение к традициям и истории малой родины ко всему многонациональному Российскому государству в духе демократических ценностей;

- формирование ориентиров для этнонациональной и культурной самоидентификации, умений осмысленного применения полученных знаний в современном поликультурном мире.

И библиотекари школ с большим удовольствием приняли участие в реализации проекта. В рамках проекта все школьные библиотеки Белгородской области представили свои краеведческие ресурсы в библиотеку (медиатеку) Белгородского института развития образования. Была создана «Единая картотека краеведческих ресурсов», имеющихся в школах Белгородской области.

Чтобы повысить профессиональную компетентность специалистов проведены семинарские занятия, круглые столы, научно-практические конференции, мастер-классы, творческие лаборатории по темам: «Роль библиотек в сохранении и развитии национальной культуры народа», «Популяризация культурного наследия библиотеками – способ сохранения исторической памяти», «Библиотека как ресурс культурного развития региона» и т.д.

При многих школьных библиотеках созданы историко-краеведческие музеи и уголки русской старины, мини-музеи. Многие библиотеки восстанавливают традиции, предания, легенды о поселениях, особенностях диалекта, частушки, песни, былины.

Есть библиотеки, где на базе школ представлены экспозиции русского быта, а также богатый опыт деятелей культуры.

В библиотеках образовательных организаций проводятся мероприятия, посвященные традициям, фольклору, обрядам русского народа, историко-литературные путешествия, а также встречи с местными писателями, поэтами, краеведами, начинающими молодыми авторами.

В 2018 году ОГАОУ ДПО «БелИРО» проводил региональный конкурс «Информационно-библиотечный центр – инновационная модель образовательных учреждений». В конкурсе приняли участие библиотекари из 16 территорий.

Работы многих библиотекарей представлены именно по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия в регионе. Так, Шакалова Наталья Тихоновна, заведующая библиотекой МБОУ «СОШ № 28 с УИОП», г. Старый Оскол, опираясь в своей деятельности на личностный подход к каждому читателю, главными направлениями работы считает формирование информационного мировоззрения через обеспечение открытого и полноценного доступа к информации о крае. Специальные папки-накопители представляют интерес и ценность не только для школы, но и для библиотек и музеев других ведомств и учреждений. Пользователями краеведческого

материала являются все жители микрорайона Макаренко, студенты учебных заведений данного микрорайона, коллеги-краеведы. Наталья Тихоновна не только библиотекарь, но и руководитель школьного музея, что способствует синтезу библиотечной, исследовательской и музейной деятельности в школе, обеспечивает саморазвитие, самообразование и самовоспитание подрастающего поколения. Школьный музей стал широко известен за пределами района и города. Сюда на экскурсию идут дошкольники, ученики других школ города, студенты вузов и техникумов. Специфика работы Натальи Тихоновны состоит в поиске, изучении и во внедрении краеведческого материала в урочную и во внеурочную деятельность. Накопленный огромный краеведческий материал стал основой для написания книги о своей малой Родине – селе Солдатском Старооскольского района. Книга разошлась по многим городам и селам страны и стала библиографической редкостью.

В своей работе Наталья Тихоновна использует форму экскурсии. Её часто можно видеть на улицах города со старшеклассниками, родителями, журналистами, где она сама ведет экскурсию и собирает материал. На рабочем столе библиотекаря можно видеть не только книги, но и глиняные черепки, старинные кирпичи, окаменелости и многое другое. Сегодня в краеведческой копилке собран богатейший материал, откуда черпают темы для исследовательских работ её читатели. Юные краеведы с лупой в руках рассматривают не только картинки в книгах, но и рисунки на фрагментах керамической посуды, изучают старинные карты. Этот краеведческий материал ложится в основу проектов, которые дети представляют на всероссийских, региональных и муниципальных конкурсах. Школа является региональной инновационной площадкой по теме «Патриотическое воспитание школьников на основе совместной деятельности образовательных, дошкольных учреждений и школьного краеведческого музея в сетевом взаимодействии».

Многие библиотекари объединяют различные аспекты культурных традиций в единый блок, создают программы дополнительного образования: «Литературное краеведение», «Моя Белгородская земля», «Народные игры» и пр. В рамках программы идёт выявление, сбор и хранение материалов, связанных с районом, областью. Для знакомства с ними используют самые разные формы и методы, в том числе, например, электронную выставку, заочные экскурсии по родному краю, краеведческие путешествия и игры и др. Изучают не только историю, но и реалии сегодняшнего дня, фауну, флору и т.д.

В конкурсной работе Медкова Ирина Павловна, заведующая школьной библиотекой МБОУ «Засосенская СОШ» Красногвардейского района поделилась, как появилась мысль показать читателям красоту нашей земли и её таланты через творчество местных писателей.

Начало положил вечер-встреча «Труд засосенцев – гордость Белгородчины», на котором ребята встретились с героями книги А. Лукьянова «Село Засосна: от истоков до наших дней». Прозой и прекрасными поэтическими строками учили ребят любить и охранять

родную природу герои книги земляка А. Лукьянова. Поэтам и писателям свойственно очень тонко чувствовать окружающий мир. Пропуская его через свою душу, они так раскрывают другим природу, людей, чувства, как в повседневной суете мы не всегда можем воспринимать их самостоятельно. С удивлением и восхищением узнавали школьники в стихах А. Чувиллина любимые уголки родного села. Стихи и песни, написанные на слова З.В. Ивановой, ветерана педагогического труда, дополняли высказывания о природе. И «компьютерные» дети, как оказалось, умеют любить и ценить поэзию, им близки и понятны теплые чувства к родному краю, они сами способны с воодушевлением читать стихи...

В последние десятилетия часто употребляется термин «музейная педагогика». В музеях дети знакомятся с коллекциями, эмоционально обогащаются, учатся понимать прекрасное, повышают свой образовательный уровень. Книга имеет свою историю, она живет и развивается, рождается и стареет. Но чувствуют, знают ли это наши дети? Возможно, они изменят свое отношение к книге, если она (книга) повернется к ним своей живой стороной, покажет этапы своего изменения, пробудит один из самых важных вопросов в школе - почему?

У заведующей библиотекой МОУ «СОШ № 48» г. Белгорода Дудиной Антонины Сергеевны появилась идея соединить библиотечную экспозицию с музейной, а именно создать в библиотеке мини-музей книги. Музейно-библиотечная экспозиция – как позиция нашей школьной библиотеки с главной задачей вызвать интерес у детей! В основе всех экспозиций – книга во всех ее проявлениях, во всем многообразии. Как дополнение – экспонаты, которые «ушли» (аудиокассеты с текстами произведений и т.п.), но которые всегда вызывают у детей эмоции и живой, здоровый интерес. Место расположения - абонемент библиотеки. Предлагаемые разделы музейно-библиотечных экспозиций для мини-музея книги: «Читали прапрабабушки и прапрадедушки...» (книги, изданные в прошлом веке), «Книги разных народов и на разных языках» (на белорусском, украинском, английском, французском, немецком и пр.), «Книги, сделанные руками детей», «Необычные современные книги для детей» (книги-игры, книги-конструкторы, книга-пазл, книга-театр, звуковые книги пр.), «Книги будущего».

Что бы ни делала библиотека, главная ее цель – приобщение к чтению, к родному слову, к истории и современной жизни нашей страны. Важно, что все предлагаемые разделы экспозиций не будут просто выставкой по теме или оформлением библиотеки. Экспозиции будут жить, работать, развиваться и помогать детям идти в страну «Читалию» через разнообразные мероприятия. К примеру, экспозиция «Книги, сделанные руками детей» может стать основой для такого важного и интересного направления в работе, как семейное чтение, т.к. самодельная книжка, обычно, это совместное творчество детей и родителей.

В арсенале русской педагогики проверенные временем и жизнью народные игры, игрушки, сказки, былины, предания. Многие старинные игры все еще популярны у детворы, а какие-то забыты. Чтобы восстановить знания о русских

народных играх, Антонина Сергеевна предлагает книги на выставке "Когда прадедушки были маленькими".

Важную роль в осуществлении краеведческой исследовательской работы играет развитие социального партнерства. В рамках социального партнерства библиотекари школ сотрудничают с краеведческими музеями, редакциями газет, художественным музеем, музеем народной культуры, библиотекой имени А.С. Пушкина, белгородским архивом, школами города и района, детскими садами, Домами творчества и культуры. Социальное партнерство библиотекарей широко и многообразно. Имея богатейший опыт работы, работники библиотек творчески применяют его на практике и щедро обмениваются им с коллегами города, района и области. Школьные библиотекари – активные участники праздников «День города», «День села», фестивалей «Слобода мастеровая», «Потешный товар», встреч с краеведами и неравнодушными людьми, изучающими свой край.

Таким образом, школьная библиотека призвана всемерно содействовать сохранению и развитию национальных традиций, нравственных ценностей, росту уникального потенциала отечественной культуры, повышению интереса к книге и чтению. А школьный библиотекарь – это маленький родник, который питает, сохраняет большую реку – культурную и духовную жизнь нашего общества.

Список литературы

1. Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А.Ташков. – 4-е изд. – Москва : Просвещение, 2014. – 24 с.
2. Диалоги о культуре: беседы, «круглые столы», пресс-конференции / авт.-сост. А.А. Егорова. – Волгоград : Учитель, 2011. – 173 с.
3. Исаев, И.Ф. Региональный музей и школа: формы совместной деятельности : учеб.-метод. пособие / И.Ф. Исаев, С.И. Тарасова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – 187 с.
4. Музейная педагогика: из опыта методической работы / под ред. А.Н. Морозовой, О.В. Мельниковой. – Москва : Сфера, 2006. – 415 с. – (Программа развития).
5. Школьный музей: теория и практика : учеб.-метод. пособие / сост. А.В. Приставкаина. – Белгород : Изд-во БелРИПКППС, 2007. – 176 с.

References

1. Danilyuk, A.YA. Konceptsiya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii / A.YA. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A.Tashkov. – 4-e izd. – Moskva : Prosveshchenie, 2014. – 24 s.
2. Dialogi o kul'ture: besedy, «kruglye stoly», press-konferencii / avt.-sost. A.A. Egorova. – Volgograd : Uchitel', 2011. – 173 s.
3. Isaev, I.F. Regional'nyj muzej i shkola: formy sovместnoj deyatel'nosti : ucheb.-metod. posobie / I.F. Isaev, S.I. Tarasova. – Belgorod : Izd-vo BelGU, 2006. – 187 s.
4. Muzejnaya pedagogika: iz opyta metodicheskoy raboty / pod red. A.N. Morozovoj, O.V. Mel'nikovoj. – Moskva : Sfera, 2006. – 415 s. – (Programma razvitiya).
5. SHkol'nyj muzej: teoriya i praktika : ucheb.-metod. posobie / sost. A.V. Pristavkina. – Belgorod : Izd-vo BelRIPKPPS, 2007. – 176 s.

Данилова А.В.

*Курский государственный медицинский университет,
г. Курск, Россия*

БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о музейной деятельности библиотек, описывается опыт Курского государственного медицинского университета.

Ключевые слова: библиотека, музей, книги, эскибрисы, история медицины.

Danilova A.

Of the KSMU of Ministry of healthcare of Russia, Kursk, Russia

LIBRARY-MUSEUM OF THE KURSK STATE MEDICAL UNIVERSITY: EXPERIENCE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Annotation. The article deals with the issue of Museum activity of libraries, describes the experience of Kursk state medical University.

Key words: library, Museum, books, bookplates, history of medicine.

Создание музеев на базе библиотек стало распространенным явлением. Количество таких музеев с каждым годом увеличивается. Как показывает практика, это направление существенно расширяет спектр деятельности библиотек, добавляя новые формы, которые выходят в музейную и архивную сферу: экспозиции, экскурсии, школы экскурсоводов, научно-исследовательские работы. Новые музеи, независимо, где и в какой организации они образованы, руководствуются федеральным законом, где определены основные цели его создания.

В этом году на базе Курского государственного медицинского университета открыла свои двери Библиотека-музей. Главная миссия Библиотеки-музея выстраивается на основах сохранения историко-медицинского наследия, формирования целостного представления об историческом прошлом и настоящем Курского государственного медицинского университета. Деятельность Библиотеки-музея осуществляется по принципам: научности (*научно-исследовательская работа обучающихся с последующим участием в федеральных, региональных, краеведческих конференциях*); участия обучающихся в экскурсионной работе (*организация школы экскурсоводов*); организации актива музея из числа обучающихся и научно-педагогических работников. Библиотека, вовлекая обучающихся и всех заинтересованных в создание музея, несет нравственную и культурную функции.

Главные экспонаты - это книги XIX и начала XX века. Экспозиция музея состоит из четырех тематических разделов:

- Книги, периодические издания, диссертации и др. документы, поступившие в период создания института и организации фундаментальной библиотеки.

- Издания института; труды сотрудников кафедр (монографии, учебники, учебные пособия, диссертации, авторефераты диссертаций).

- Издания деятелей медицины XIX–XX вв., которые родились, работали и внесли вклад в развитие здравоохранения и медицинского образования Курского края.

- Издания с дарственной надписью авторов без сроков ограничения.

Наряду с книгами широко экспонируются предметы, связанные с историей учебного заведения (письма, фотографии, архивные материалы, канцелярские принадлежности и др.).

Фонды хранят прижизненные издания известных врачей, документы из книжных собраний видных государственных деятелей. Самый ранний экземпляр коллекции был выпущен в 1838 году, а последний увидел свет в годы Великой Отечественной войны. Книжные шкафы – до потолка, всё расставлено по году издания. Всего свыше 8 тысяч единиц хранения. Многие попали в город Курск еще в 1935 году, когда создавался медицинский институт. Библиотека была основана одновременно с институтом. В те годы в формировании фонда институтской библиотеки принимали участие научная библиотека Наркомздрава РСФСР, библиотеки Московского, Ленинградского и ряда других медицинских институтов. Дореволюционные анатомия, хирургия, акушерство, учебники глазных, душевных болезней, прижизненные лекции профессора Сергея Петровича Боткина. Есть книги из собрания Людвиг Пуссеп – основоположника нейрохирургии в России, Дмитрия Отта – акушера при дворе императора Николая II.

Историческая принадлежность находит отражение во внешней форме книг. Распространены издательско-книготорговые признаки: издательские знаки, гербы, эмблемы; прежние цены, штампы магазинов, различные записи. На книгах часто встречаются владельческие признаки присвоения (*экслибрисы, штампы, тиснения, надписи*) или признаки пользования (*маргиналии, пометы, автографы*). Например, издание из библиотеки генерала от артиллерии, члена Государственного Совета, Михаила Георгиевича Альтфатера (1840—1918). О чем свидетельствует наличие владельческого экслибрис–штампа **«Михаиль Георгіевичъ | Альтфатеръ.»** Это монография Ивана Павловича Мержеевского «О некоторых особенностях головного мозга идиотов вообще и новый случай идиотизма». Библиотека– музей также располагает изданиями, имеющие штамп принадлежности библиотеке Императорского Русского географического общества и несколькими книгами из библиотеки **«Елисаветинской детской больницы»**, которая была основана в 1844 году по инициативе Великой княгини Елены Павловны как бесплатная больница для детей из бедных семей и их родителей. Среди надписей выделяются автографы – собственноручные подписи или дарственные надписи, принадлежащие ученым. Например, диссертация на степ. д-ра медицины Сергея Доброхотова **«Медико-топографический очерк Кисловодской слободы»** (1885). Эта диссертация была подарена автором Федору Ивановичу

Синицыну, о чем свидетельствует дарственная надпись, сделанная автором: «Федору Ивановичу Синицыну многоуважаемому наставнику в знак искреннего и глубокого почтения и благодарности от автора» (орфография и пунктуация автора сохранены). Федор Иванович Синицин (1835-1907) – русский врач-уролог, доктор медицины, заслуженный профессор Московского университета. Является основоположником андрологии-урологии в России, автор порядка 20 научных работ.

Экспозиция продолжается выставкой деятелей медицины XX–XIX в., наших земляков, внесших вклад в развитие медицинской науки: Долженков Василий Иванович (1842-1918); Евдокимов Александр Иванович (1883– 1979); Зеленин Владимир Филиппович (1881–1968); Максимов Павел Дмитриевич (1853-1918); Минаков Петр Андреевич (1865-1931); Недригайлов Виктор Иванович (1865-1923); Тарновский Вениамин Михайлович (1837-1906); Тарновский Ипполит Михайлович (1833-1899); Третьяков Андрей Федорович (1905-1966); Шатилов Петр Иванович (1869-1921); Язвин Михаил Абрамович (1896–1970). Библиотека–музей располагает прижизненными изданиями этих деятелей. У нас хранятся научные труды Николая Короткова, его диссертация «*Опыт определения силы артериальных коллатералей*», защищенная им в 1910 году.

В одной из подшивок «Врачебной газеты» за 1908 год была обнаружена статья Валентина Феликсовича Войно - Ясенецкого «*О способах анестезий, наиболее удобных в земской практике*», с припиской: «Из Любавской больницы Фатежского уезда Курской губернии». Его прижизненные издания: «*Очерки гнойной хирургии*» (1946) и вышедшая книга «*Лечение инфицированных огнестрельных ранений суставов*» (1944) занимают особое место в экспозиции. При этом существует возможность полистать, почитать и поддержать в руках эти фундаментальные труды.

Эти документы являются не только источником медицинских знаний, они представляют собой весомую научную и культурную ценность. Главные факторы появления этого направления в университете: усиление интереса к историческим корням и безграничные возможности поисковой, архивной, музейно-собирательской и исследовательской работы. Очевидно, самое главное – это не только музей, но и библиотека. А значит, все раритеты доступны для научной работы.

Список литературы

1. Друговская, А.Ю. Вопросы истории и краеведения (избранное) : сб. статей и материалов / А.Ю. Друговская ; Курск. гос. мед. ун-т, Петров. акад. наук и искусств. – Курск : КГМУ, 2004. – 536 с.
2. Коротков, Н.С. К вопросу о методах исследования кровяного давления / Н.С. Коротков // Врачебная газета. – 1906. – № 5. – С. 128-129.
3. Коротков, Н.С. К вопросу о методах определения кровяного давления. 2-е предварительное сообщение / Н.С. Коротков // Врачебная газета. – 1906. – № 10. – С. 278.
4. Язвин, М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области : в 3 ч. / М.А. Язвин ; Курск. обл. отд-ние здравоохранения, Курск. гос. мед. ин-т. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965-1969. – 3 ч.

5. Ясеневский-Войно, В.Ф. О способах анестезии, наиболее удобных в земской практике / В. Ф. Ясеневский-Войно // Врачебная газета. – 1908. – № 47. – С. 1365-1368.

References

1. Drugovskaya, A.Yu. Voprosy istorii i krayevedeniya (izbrannoye) : sb. statey i materialov / A.Yu. Drugovskaya ; Kursk. gos. med. un-t, Petrov. akad. nauk i iskusstv. – Kursk : KGMU. 2004. – 536 с.
2. Korotkov, N.S. К вопросу о методах исследования кровяного давления / N.S. Korotkov // Врачебная газета. – 1906. – № 5. – С. 128-129.
3. Korotkov, N.S. К вопросу о методах определения кровяного давления. 2-е предварительное сообщение / N.S. Korotkov // Врачебная газета. – 1906. – № 10. – С. 278.
4. Yazvin, M.A. Ocherki po istorii zdravookhraneniya Kurskoy oblasti : v 3 ch. / M.A. Yazvin ; Kursk. obl. otd-nie zdravookhraneniya, Kursk. gos. med. in-t. – Voronezh : Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1965-1969. – 3 ch.
5. Yasenetskiy-Voyno, V.F. O sposobakh anestezii. naiboleye udobnykh v zemskoy praktike / V.F. Yasenetskiy-Voyno // Врачебная газета. – 1908. – № 47. – С. 1365-1368.

УДК 025.29 (370.325)

Догадина Т. М.

*Белгородская государственная универсальная
научная библиотека, г. Белгород, Россия*

ПРЕДМЕТНАЯ ПАМЯТЬ ОБ УШЕДШИХ ВРЕМЕНАХ И ЛЮДЯХ

Аннотация. В статье рассказывается о выявленных в фонде редких изданий Белгородской государственной универсальной научной библиотеки книжных знаков, принадлежащих титулованным особам, представителям знатных российских и западноевропейских родов, военным библиотекам.

Ключевые слова: экслибрис, книжный знак, книжное собрание, владельческая библиотека, личные книжные коллекции, дворянские библиотеки.

Dogadina T. M.

*Belgorod State Universal Scientific Library
Belgorod, Russia*

THE SUBJECT MEMORY OF THE PAST TIMES AND PEOPLE

Abstract. The article describes the bookmarks found in the rare edition stockbooks of the Belgorod State Universal Scientific Library which belonged to the titled persons, representatives of noble Russian and West European families, military libraries.

Key words: ex-libris, bookmark, book collection, owner's library, noble libraries.

Роль книжного знака как носителя историко-книговедческой информации чрезвычайно велика. Будучи неразрывно связан с книгой, он способен

выполнять функцию документального источника при изучении истории книги и библиотек.

Книжный знак, или *ex libris*, в переводе с латинского означает «из книг». Экслибрис наклеивается на внутреннюю сторону переплета или обложки книги и служит для установления принадлежности определенному лицу (группе лиц) или учреждению. Среди функций экслибриса также можно выделить:

- художественную – книжный знак выступает как предмет малой графики, который украшает и оформляет книгу;
- отражательную – книжный знак демонстрирует внутренний мир конкретного человека, дух эпохи в целом.

Специалисты библиотечного сообщества страны проводят значительную исследовательскую работу, направленную на выявление, атрибуцию и каталогизацию книжного знака. Публикуются книги и альбомы, выходят статьи и заметки, посвященные различным аспектам изучения экслибрисов. Выпускаются каталоги книжных знаков: «генерального» типа, охватывающие это явление во всей его полноте, и локальные каталоги, которые издаются к выставке экслибриса, или описывают одну коллекцию.

К первой группе относится каталог известного российского исследователя и коллекционера С.И. Богомолова «Российский книжный знак. 1700–1918» (2010), ставший настольным справочником коллекционера. Каталог охватывает более 200 лет истории российского экслибриса, содержит атрибуцию для 20 000 книжных знаков.

Среди локальных каталогов выделяется многотомный труд сотрудника Российской государственной библиотеки Т.В. Гребенюк «Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки» (2010, 2011, 2013, 2014), в котором представлены личные, фамильные, родовые русские и иностранные книжные знаки с XVI по XX в.

В фонде редких изданий Белгородской государственной универсальной научной библиотеки хранится 12,5 тыс. книг от 1552 года по настоящее время. Многие издания имеют отметки об истории своего бытования в виде экслибрисов, штемпелей, владельческих записей.

Библиотека проводит работу по изучению книжных знаков. Этот исследовательский процесс включает установление владельцев редких изданий, поиск информации о них, описание выявленных экслибрисов.

На данном этапе работы установлено, что выявленные в фонде редких изданий книжные знаки различаются по сюжетному исполнению и по способу изготовления. По сюжетному исполнению в фонде представлены:

- гербовые экслибрисы, которые воспроизводят герб владельца;
- вензелевые экслибрисы с орнаментально разработанными инициалами владельца;
- сюжетные (тематические) экслибрисы, отражающие вкусы, интересы и пристрастия, а также профессию владельца библиотеки.

По способу изготовления выявлены следующие виды экслибрисов:

- рисованные,
- печатные,
- наклеенные или оттиснутые на книге.

Экслибрисы рассредоточены по всем коллекциям фонда редких изданий. Наибольшее количество книжных знаков выявлено в коллекции иностранных изданий, включающей 368 экземпляров книг. Эти книги поступили в 1970–80-х годах из Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

В данной работе на конкретных примерах предпринята попытка восстановить историю бытования некоторых экземпляров редких изданий. Акцент сделан не на искусстве книжного знака и его авторе, а на принадлежности экслибриса конкретному владельцу библиотеки и судьбе его коллекции.

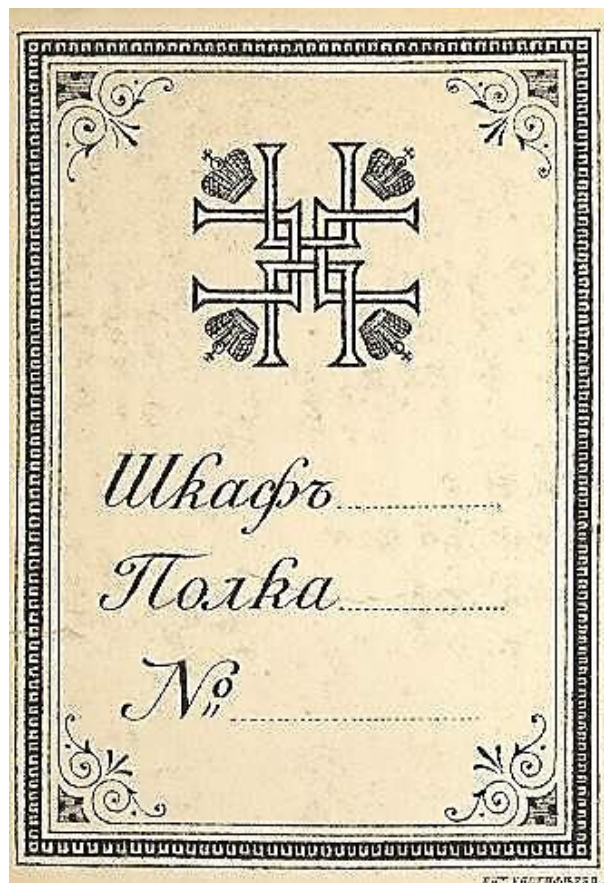
Ценнейшими памятниками истории и культуры России являются книжные знаки библиотек Императорского Дома Романовых. После революции книги, связанные с императорской фамилией, были частью уничтожены, частью рассеяны по различным государственным и частным собраниям. В фонде редких изданий выявлены три книги с экслибрисами великокняжеских библиотек. Одна из них – «Études sur la Russie» («О производительных силах России», 1852) – из библиотеки великого князя Михаила Николаевича (1832–1909), четвертого сына Николая I и Александры Федоровны. Автор книги – российский экономист, член Государственного Совета Российской империи Л. В. Тенгоборский, создавший лучший в свое время труд в области хозяйственной статистики России.

Библиотека Михаила Николаевича была основана в 1825 году и располагалась в Ново-Михайловском дворце. В библиотеке хранились книги по военному делу, исторические атласы, музыкальные издания, представлены произведения Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина.

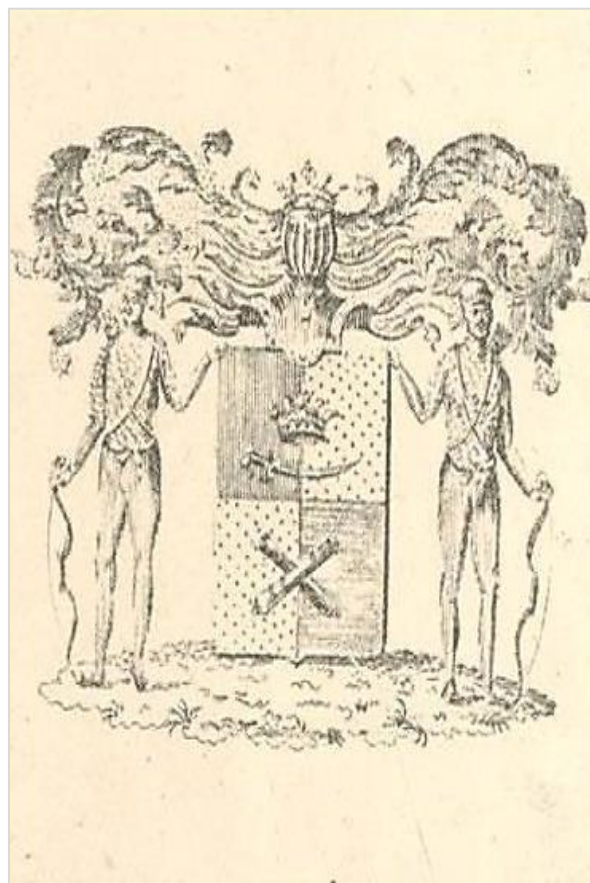
Выпущенная в 1892 году повесть «Князь Серебряный» А.К. Толстого считается одним из лучших русских библиофильских изданий. В фонде редких изданий хранится экземпляр этой книги с экслибрисом библиотеки великого князя Павла Александровича (1860–1919), младшего сына Александра II и Марии Александровны.

В библиотеке великого князя Константина Николаевича (1827–1892), второго сына императора Николая I и Александры Федоровны, находилась ставшая теперь раритетной книга «Дневник камер-юнкера Берхгольца» (1860). Ее автор – голштинский дворянин Фридрих Вильгельм Берхголец – в течение многих лет жил в России, где его отец Вильгельм состоял генералом на императорской службе. «Дневник» содержит множество уникальных сведений о быте и нравах петровской эпохи.

В фонде редких изданий хранятся книги из библиотек старинных российских дворянских родов. Одной из наиболее крупных была библиотека Виктора Владимировича Апраксина (1822–1898), помещика и владельца промышленных предприятий в Московской, Петербургской и Орловской губерниях. Род Апраксиных восходит к великому князю Рязанскому Олегу Ивановичу Салахмиру, принявшему при крещении имя Иоанна Мирославича. Библиотека В.В. Апраксина находилась в имении Ольгово Дмитровского уезда Московской губернии и насчитывала свыше 15 тысяч томов. Временем ее основания считаются 60–70-е годы XIX века.

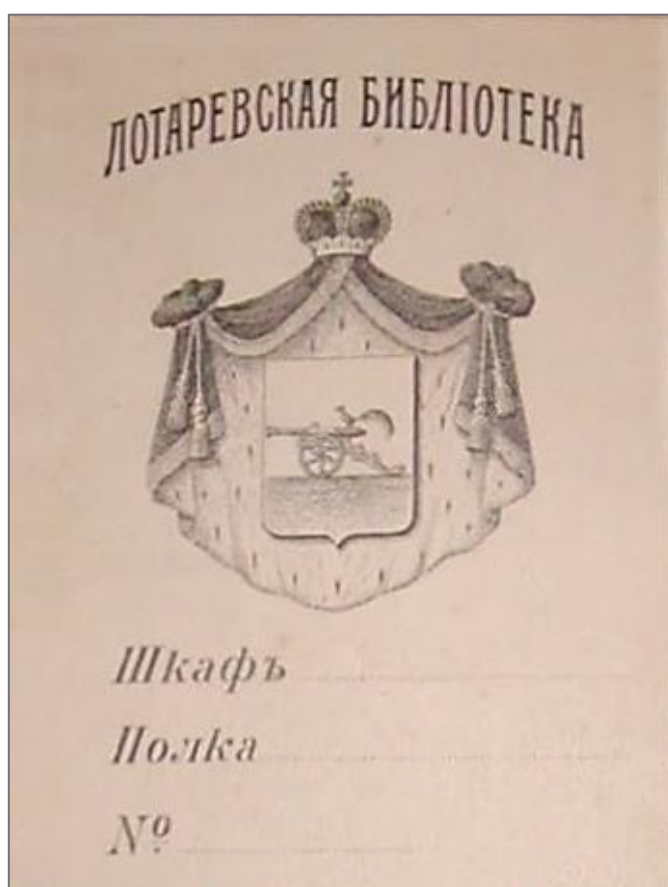
Эклибрис Великого князя П.А. Романова

Эклибрис В.В. Апраксина

В начале 1919 года в доме В.В. Апраксина был организован музей, библиотека была оставлена при музее. В фонде редких изданий хранится книга «Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne» («Лицей, или Курс древней и современной литературы», 1812) французского писателя Дж. Ф. Лагарпа с экслибрисом библиотеки В.В. Апраксина.

Богатую библиотеку собрал в своем родовом имении Лотарево (ныне Липецкая область) князь Леонид Дмитриевич Вяземский (1848–1909), герой русско-турецкой войны, видный государственный деятель. В библиотеке хранились старинные рукописи и редкие книги, и каждый желающий мог заниматься научной и исследовательской работой.

Экслибрис князя Л.Д. Вяземского

Последним владельцем имения был старший сын Л.Д. Вяземского Борис Леонидович. После кончины отца он многое сделал для благоустройства окрестностей. Благодаря ему усадебная библиотека пополнилась многими уникальными изданиями, в том числе по ботанике и орнитологии. В фонде редких изданий имеется сборник произведений французских писателей под общим заглавием «Les soirées de Medan» («Меданские вечера», 1880) с экслибрисом библиотеки князя Л.Д. Вяземского.

Евгений Михайлович Казакевич (1869–1931), чей экслибрис обнаружен в книге «Histoire de Napoléon I-er» («История Наполеона I», 1894) П. Ланфрэ, происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Участвовал в русско-

японской, Первой мировой войне. Был неоднократно ранен. В боях с врагами проявил исключительное мужество и выдающуюся храбрость. Был награжден многими отечественными и иностранными орденами.

Экслибрис Е.М. Казакевича

Библиотека Е.М. Казакевича находилась в усадьбе Оленьково Каширского уезда Тульской губернии, которую он приобрел в конце 1890-х гг. Библиотека состояла из русской и переводной классики, книг по истории, истории литературы. После 1918 года библиотека Казакевичей была национализирована.

Экслибрис НА. Ребиндера

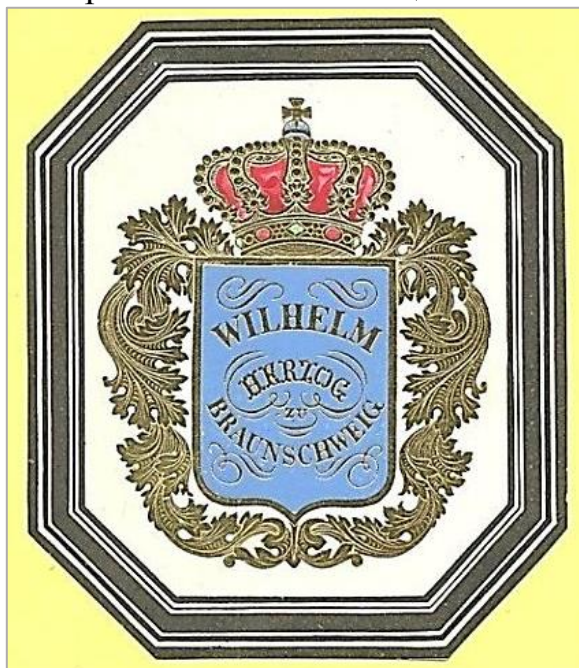
Имя Николая Александровича Ребиндера (1863–1918) неразрывно связано со становлением и развитием Белгородского края. Ребиндеры – представители древнего дворянского рода, происходящего из Вестфалии. Матерью Николая Александровича была Мария Николаевна Толстая – правнучка М.И. Кутузова. В фонде редких изданий хранится историко-статистический очерк «Белгород с уездом» (1882) А.М. Дренякина с экслибрисом библиотеки Н.А. Ребиндера.

Обладателем одного из крупнейших частных собраний своего времени стал Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912), русский журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург. Его отец, государственный крестьянин села Коршева Бобровского уезда Воронежской губернии (ныне Бобровский район Воронежской области), был отдан по набору в солдаты, участвовал в Бородинском сражении, был ранен. Затем получил офицерский чин капитана, что в то время давало его детям потомственное дворянство.

Библиотека А.С. Суворина насчитывала более 40 тысяч томов, хронологически охватывала три столетия и по содержанию включала различные отрасли знания, а также периодические издания. Для многих книг из его книжного собрания переплеты делались в лучших мастерских того времени. Небольшая часть книг без специальных переплётов была снабжена экслибрисом «Из библиотеки Алексея Сергеевича Суворина». Одна из них – «Богдан Хмельницкий» (1859) Н. Костомарова – хранится в фонде редких изданий.

Значительные книжные собрания принадлежали представителям знатных западноевропейских родов. В фонде редких изданий хранится книга «Les aventures du chevalier de Faublas» («Любовные похождения шевалье де Фобласа», 1842) Ж.-Б. Лувре де Кувре, переплет которой украшает суперэкслибрис библиотеки герцога Вильгельма Брауншвейг-Люнебургского (1806–1884).

Библиотека герцогов Брауншвейгских была основана в 1572 году и прославилась не только богатейшими фондами, но и знаменитыми придворными библиотекарями – Г.В. Лейбницем и Г.Э. Лессингом.

Экслибрис герцога Вильгельма Брауншвейг-Люнебургского

В фонде редких изданий нашла свой «дом» книга «Souvenirs et correspondance du prince Émile de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg» («Воспоминания и переписка князя Эмиля Витгенштейна, генерал-адъютанта императора Александра II», 1888) с экслибрисом библиотеки немецкого княжеского рода Штольберг-Вернигероде. Ее основателем стал выдающийся библиофил, граф Христиан Эрнст фон Штольберг-Вернигероде (1691–1771). Библиотека была одной из самых крупных среди библиотек немецких замков. Известно, что к началу второй мировой войны в библиотеке насчитывалось около 95 тыс. томов.

Наряду с изданиями, отмеченными книжными знаками личных владельцев, в фонде редких изданий выявлены книги с экслибрисами общественных библиотек. Среди них имеются книги, входившие в состав военных библиотек императорской России.

Одно из лучших книжных собраний среди гвардейских полков имел Преображенский полк. Библиотека полка была создана в 1811 году по инициативе российского генерала Антуан-Анри Жомини. В фонде редких изданий имеются четыре книги с экслибрисом этой библиотеки, одна из которых – «Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration» («Записки Буриенна о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восшествии Бурбонов», 1829) написана секретарем Наполеона.

Судьба библиотеки Преображенского полка, как и многих полковых библиотек дореволюционной России, трагична. В августе 1917 года библиотеку вместе с архивом и музеем вывезли из Петербурга в Ярославль. Все книги были сложены в церкви Николая Мокрого, где при пожаре в 1918 году многие из них были утрачены.

Книга «Histoire de dix ans» («История десяти лет», 1849) французского социалиста Луи Блана отмечена экслибрисом библиотеки Генерального штаба. История библиотеки ведется с 1811 года. Инициатором ее создания был князь Петр Михайлович Волконский. Возвратившись из Франции, где он изучал опыт деятельности французского Генерального штаба, Волконский попросил у Александра I разрешения на учреждение библиотеки. Император поддержал идею и из собственных средств пожертвовал значительную сумму. Сам князь П.М. Волконский подарил библиотеке около 500 книг различного содержания. Многие офицеры пожертвовали деньгами, другие передали в библиотеку книги.

Процесс изучения истории бытования редких изданий практически бесконечен. Гербовый знак, каучуковый штемпель или типографская наклейка – каждая разновидность книжного знака могут многое рассказать об эпохе, владельцах книг и их судьбах.

Данная работа – первая в предполагаемом цикле публикаций о собранных в фонде редких изданий Белгородской государственной универсальной научной библиотеки экслибрисах. Однако совершенно очевидно, что книжные знаки заслуживают отдельного издания – каталога, который раскрыл бы все многообразие книжных знаков, которыми располагает библиотека.

Список литературы

1. Богомолов, С.И. Российский книжный знак, 1700-1918 [Текст] / С.И. Богомолов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Минувшее, 2010. – 960 с.

2. Гетманский, Э. Экслибрисы венценосной семьи [Электронный ресурс] / Э. Гетманский // Академия русской символики «Марс». – Москва, 2018. – Режим доступа: https://www.simvolika.org/mars_194.htm.
3. Гребенюк, Т.В. Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки [Текст] : каталог / Т.В. Гребенюк. – Москва : Пашков дом, 2011. – Кн. 2. Анна Австрийская - Беслер. – 398 с. : ил.
4. Гребенюк, Т.В. Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки [Текст] : каталог / Т.В. Гребенюк. – Москва : Пашков дом, 2014. – Кн. 4. Вавилов - Вземский. – 607 с. : ил.
5. Минаев, Е.Н. Экслибрис [Текст] : книга-альбом / Е.Н. Минаев. – Москва : Совет. художник, 1968. – 119 с. : ил.
6. Правдин, К.Г. Информационный потенциал экслибриса в контексте музейного источниковедения [Текст] : дис. ... канд. культурологии : 24.00.03 / К.Г. Правдин. – Санкт-Петербург, 2016. – 253 с.
7. Правдин, К.Г. Эвристика и каталогизация экслибриса (книжного знака) в фондах Государственного мемориального музея А.В. Суворова [Электронный ресурс] / К.Г. Правдин // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 1. – С. 70-76. – Режим доступа: http://www.terrahumana.ru/arhiv/16_01/16_01_13.pdf.
8. Правдин, К.Г. Экслибрис или книжный знак [Электронный ресурс] : два названия историко-культурного феномена / К.Г. Правдин // Вестник СПбГУКИ. – 2016. – № 2 (27). – С. 103-106. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekslibris-ili-knizhnyy-znak-dva-nazvaniya-istoriko-kulturnogo-fenomena>.
9. Экслибрисы и штемпели на книгах Научной библиотеки РГГУ [Текст] / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; авт.-сост. Е.В. Пчелов. – Москва : РГГУ, 2010. – 437 с.

References

1. Bogomolov, S.I. Rossijskij knizhnyj znak, 1700-1918 [Tekst] / S.I. Bogomolov. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Minuvshee, 2010. – 960 s.
2. Getmanskij, E. Ekslibrisy vencenosnoj sem'i [Elektronnyj resurs] / E. Getmanskij // Akademiya russkoj simvoliki «Mars». – Moskva, [2018]. – Rezhim dostupa: https://www.simvolika.org/mars_194.htm.
3. Grebenyuk, T.V. Vladeľcheskie knizhnye znaki v Otdele redkih knig Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Tekst] : katalog / T.V. Grebenyuk. – Moskva : Pashkov dom, 2011. – Kn. 2. Anna Avstrijskaya - Besler. – 398 s. : il.
4. Grebenyuk, T.V. Vladeľcheskie knizhnye znaki v Otdele redkih knig Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Tekst] : katalog / T.V. Grebenyuk. – Moskva : Pashkov dom, 2014. – Kn. 4. Vavilov - Vyazemskij. – 607 s. : il.
5. Minaev, E.N. Ekslibris [Tekst] : kniga-al'bom / E.N. Minaev. – Moskva : Sovet. hudozhnik, 1968. – 119 s. : il.
6. Pravdin, K.G. Informacionnyj potencial ehkslibrisa v kontekste muzejnogo istochnikovedeniya [Tekst] : dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.03 / K.G. Pravdin. – Sankt-Peterburg, 2016. – 253 s.
7. Pravdin, K.G. Evristika i katalogizaciya ehkslibrisa (knizhnogo znaka) v fondah Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya A.V. Suvorova [Elektronnyj resurs] / K.G. Pravdin // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. – 2016. – № 1. – S. 70-76. – Rezhim dostupa: http://www.terrahumana.ru/arhiv/16_01/16_01_13.pdf.
8. Pravdin, K.G. Ekslibris ili knizhnyj znak [Elektronnyj resurs] : dva nazvaniya istoriko-kul'turnogo fenomena / K.G. Pravdin // Vestnik SPbGUKI. – 2016. – № 2 (27). – S. 103-106. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekslibris-ili-knizhnyy-znak-dva-nazvaniya-istoriko-kulturnogo-fenomena>.
9. Ekslibrisy i shtempeli na knigah Nauchnoj biblioteki RGGU [Tekst] / Ros. gos. gumanit. un-t ; avt.-sost. E.V. Pchelov. – Moskva : RGGU, 2010. – 437 s.

Касищева Н.А.

Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

**С ИМЕНЕМ ВЕЛИКОГО ИНЖЕНЕРА
(К 165-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА ШУХОВА)**

Аннотация. Статья посвящена 165-летию юбилею выдающегося ученого, инженера и изобретателя Владимира Григорьевича Шухова. Кратко изложен вклад В.Г. Шухова в развитие науки и техники. Более подробно представлен материал о сохранении и изучении шуховского наследия, популяризации трудов великого инженера в университете.

Ключевые слова: Шухов В.Г., инженерное дело, инженер, наука, БГТУ им. В.Г. Шухова, юбилей, память, традиции.

Kasishcheva N.A.

V.G. Shukhov Belgorod state technological university (BSTU), Belgorod, Russia

**WITH THE NAME OF THE GREAT ENGINEER
(TO THE 165TH ANNIVERSARY OF THE VLADIMIR GRIGORIEVICH
SHUKHOV BIRTH)**

Abstract. The article is devoted to the 165th anniversary of the famous scientist, engineer and inventor Vladimir Grigoryevich Shukhov. The contribution of V.G. Shukhov in the development of science and technology is described briefly. The material on the preservation and study of the Shukhov heritage, popularization of the great engineer works in the university is presented in more detail.

Key words: V.G. Shukhov, engineering, engineer, science, V.G. Shukhov BSTU, anniversary, memory, traditions.

Белгородская земля подарила России много талантливых людей. Они прославились в самых разных областях науки и техники, культуры и искусства, оставили глубокий след в религии и философии, государственном управлении и в военном деле.

Известность многих вышла далеко за пределы региона. Это великий русский актер Михаил Щепкин; слепой философ-гуманист, поэт и музыкант, полиглот и путешественник Василий Ерошенко; историк искусства, открывший миру русскую иконопись и искусство Византии Никодим Кондаков; философ, публицист, литературный критик Николай Страхов; полководец Великой Отечественной войны Николай Ватутин, одна из самых известных женщин-живописцев XX века Зинаида Серебрякова и др.

В списке выдающихся белгородцев одно из первых мест заслуженно занимает талантливый ученый, гениальный инженер и изобретатель Владимир Григорьевич Шухов.

В истории мировой технической мысли В.Г. Шухов – явление уникальное. «Подобно тому, как Пушкин олицетворяет поэтический гений России, Чайковский – музыкальный, а Ломоносов – научный, так Шухов представляет его в сфере инженерного искусства» (С. П. Капица). Более полувека его многогранная научная, научно-техническая и инженерная деятельность определяла техническое развитие России. С именем Шухова связано появление, становление и развитие новых отраслей промышленности: нефтяного дела, котлостроения, насосостроения и др.

Бесценен вклад Шухова в строительную науку. Конструкции, постройки Шухова на 50 лет опередили свое время! Благодаря экономичности, легкости конструкций, разнообразию подходов к проектированию покрытий, башен и их узлов творения Шухова до сих пор вызывают восхищение специалистов.

Наследие великого инженера поражает своей многоплановостью и масштабностью. Современники называли его «первым инженером Российской империи».

«Владимир Григорьевич Шухов – выдающийся ученый и инженер. Его технические идеи принесли русской инженерной школе мировое признание и по сей день остаются актуальными. Россия по праву гордится своими талантливыми учеными и изобретателями, достижения которых значительно обогатили цивилизацию, внесли весомый вклад в решение глобальных вопросов человечества» (В. В. Путин).

Жизнь и деятельность В.Г. Шухова и в 21 веке служит примером беззаветного служения избранному делу и творческого поиска.

В региональном конкурсе «Семь чудес Белгородчины» в номинации «Выдающийся результат интеллектуальной деятельности» победителем признано интеллектуальное наследие Владимира Григорьевича Шухова. Это стало еще одним весомым подтверждением вклада выдающегося инженера в научно-техническое развитие России.

В Белгородской области память о гениальном инженере увековечена в памятниках и музеях, фильмах и книгах.

3 октября 2001 года в Белгороде на центральной площади Белгородской государственной технологической академии строительных материалов был установлен памятник выдающемуся инженеру XX века, нашему земляку В.Г. Шухову. Авторы – скульптор А.А. Шишков, архитектор В.В. Перцев – создали памятник, ставший символом гениальности инженерной мысли. Весной 2003 года вуз получил статус университета и имя В.Г. Шухова, которое с гордостью носит и ведет большую работу по сохранению и приумножению памяти инженера с мировым именем.

В юбилейный «Шуховский» год жизнь университета богата научными и культурными событиями. В День российской науки, 8 февраля 2018 года, впервые в истории десяти учёным Белгородской области, представляющим вузы, предприятия и научные лаборатории, губернатор

Белгородской области Е.С. Савченко и председатель Совета ректоров Белгородской области, президент БГТУ им. В.Г. Шухова профессор А.М. Гридчин вручили премию имени В.Г. Шухова.

Премии были удостоены ученые и инженеры за научно-технические исследования, вклад в технический прогресс, опытно-конструкторские разработки, завершившиеся созданием и применением материалов, изделий с новыми показателями и т.п.

31 марта 2018 года в Москве усилиями Фонда «Шуховская башня» и БГТУ им. В.Г. Шухова была торжественно открыта мемориальная доска инженеру Владимиру Григорьевичу Шухову. Открытие приурочено к 165-летию со дня рождения В.Г. Шухова.

Скульптор Е. Елагина отметила: «Наше мемориальное сооружение создано в стиле конструктивизма, чтобы всё выглядело гармонично. По поводу материала, из которого выполнена мемориальная доска – это фибробетон — инновационный современный материал. Мы использовали именно его, потому что хотели подчеркнуть, что Владимир Григорьевич Шухов любил всё современное, инновационное, и сам был новатором в своей области. В композиции мы использовали Шуховскую башню, так как хотели подчеркнуть значение гиперболоидных конструкций».

К 165-летию гениального инженера, в соответствии с комплексным планом, все подразделения университета проводят фестивали, форумы, конференции, конкурсы и другие мероприятия.

2 февраля 2018 года – в День памяти В.Г. Шухова – в музейно-выставочном комплексе опорного университета состоялось открытие выставки кафедры дизайна архитектурной среды «Гиперболоид инженера Шухова». К этому дню студенты кафедры подготовили не только творческие работы, посвященные деятельности великого ученого, но и предложили собственные разработки, развивающие идеи Шухова. На открытии выставки заслуженный архитектор России, директор Архитектурного института Виталий Перцев подчеркнул: «Заслуга Шухова перед архитектурой и дизайном в том, что он сумел создать такие типы конструкций, которые явили миру новую эстетику. Направление «хай-тек», например, полностью обязано своим появлением Владимиру Шухову. Я призываю студентов в своей работе опираться на изобретения Шухова. Сейчас разрабатываются 3D и 4D принтеры и, уверяю вас, что тут трудно обойтись без них. Я горд тем, что мы работаем в университете, который носит имя Владимира Григорьевича Шухова».

Выставка пользуется большой популярностью у студентов университета и школьников г. Белгорода.

Действенным средством сохранения, изучения и пропаганды шуховского наследия в области науки и техники является музейная экспозиция, посвященная В.Г. Шухову. Здесь представлены вещи, принадлежавшие Владимиру Григорьевичу и его семье, макеты его изобретений, фотографии, чертежи, подлинные документы. Эта коллекция вызывает неослабевающий интерес у студентов – продолжателей дела инженера-новатора. Из музея они выходят с чувством восхищения

«человеком-фабрикой», потому что он один – лишь с несколькими помощниками – изобрел, придумал и воплотил столько, сколько по силам нескольким институтам и предприятиям.

В юбилейный год коллектив Музейно-выставочного комплекса БГТУ им. В.Г. Шухова получил награду за участие в издании книги о Владимире Григорьевиче Шухове. Материалы, справочные статьи, фотографии и копии уникальных документов, иллюстрирующие важные вехи в жизни инженера, имя которого носит опорный вуз, стали основой для именной книги, вошедшей в серию «Знаменитые земляки».

Научно-техническая библиотека, являясь структурным подразделением университета, принимает активное участие в популяризации трудов В.Г. Шухова и литературы о его жизни и инженерном творчестве.

Именно в стенах библиотеки в 2003 году впервые был создан «Уголок Шухова» с постоянно действующей выставкой «В.Г. Шухов и его последователи». На выставке представлены научные труды выдающегося ученого, инженера и изобретателя, литература о его жизни и деятельности и труды ученых университета, получивших престижное в техническом мире звание «Инженер года».

За 15 лет, прошедших после присвоения университету имени В.Г. Шухова, накоплен богатый материал. Благодаря Фонду «Шуховская башня» и его президенту, праправнуку Владимира Григорьевича, Владимиру Федоровичу Шухову, Международному Шуховскому Фонду с Леонидом Михайловичем Штерном библиотека получила уникальные издания: книги, альбомы, сборники статей, фильмы и др. Все издания используются в просветительской работе библиотеки.

1 сентября в День Знаний традиционные экскурсии для первокурсников начинаются со слов Шухова «Для инженера самое главное – научиться работать с книгой». Экскурсии проходят под девизом «Путь к диплому начинается в библиотеке» и являются комплексными просветительскими мероприятиями, т.к. студенты получают не только информацию о структуре библиотеки, составе библиотечных фондов, но и об электронных ресурсах и услугах.

Каждой студенческой группе предлагаются просмотр выставки «В.Г. Шухов и его последователи», знакомство с «Наследием В.Г. Шухова» на сайте НТБ и презентация «Великий русский инженер, изобретатель, ученый».

«Уголок Шухова» и выставка стали отличительным знаком библиотеки и местом посещения делегаций, гостей, групп студентов и школьников. С первого учебного дня студенты проникаются гордостью, что они учатся в университете, который носит имя В.Г. Шухова, и что они теперь – «шуховцы».

Первое знакомство с Шуховым находит продолжение в цикле научно-просветительских часов. Студенты знакомятся с биографией знаменитого земляка, с огромным интересом слушают о студенческих годах, командировке в США, работе в строительной конторе Бари. Шухов предстает перед молодежью не только как гениальный инженер, поднявший

инженерное дело до высот инженерного искусства, но как человек с широким кругом интересов и увлечений. Как правило, эти мероприятия заканчиваются фотографированием на фоне выставки.

Пример Шухова не менее важен для аспирантов. У этой категории читателей библиотеки наибольшей популярностью пользуются встречи в интеллектуальной гостиной.

Первая встреча в гостиной «Дух науки и поиска не иссякает» была посвящена 155-летию со дня рождения В.Г. Шухова (2008 г.). Она была подготовлена совместно с Советом молодых ученых и специалистов БГТУ им. В.Г. Шухова, ставшим постоянным партнёром в организации разнообразных встреч в гостиной.

Стали традиционными и встречи аспирантов с ведущими учеными университета, посвященные Дню Российской науки. Обязательной частью каждого мероприятия является разговор об инженерном творчестве, о продолжении традиций гениального инженера, об использовании идей В.Г. Шухова в современном мире.

Мероприятия, проводимые в библиотеке, выполняют, кроме просветительской, важную воспитательную функцию. Жизнь, деятельность В.Г. Шухова и его последователей служат яркими ориентирами для студенческой молодежи.

С именем великого инженера в технологическом университете начинается студенческая жизнь, с именем великого инженера студенты получают диплом о высшем образовании и возлагают цветы к памятнику В.Г. Шухову. И Шухов, воплощенный в металле, смотрит им вслед, напоминая о преданности избранной профессии и продолжении шуховских традиций в служении России.

Список литературы

1. Владимир Григорьевич Шухов (1853-1939) / авт. текста Н. Коновалова. – Москва : Комсомольская правда : Директ-Медиа, 2017. – 69 с. – (Великие архитекторы).

2. Гений В.Г. Шухова и современная эпоха : материалы междунар. конгр., Москва, 17-18 апр. 2015 г. / под ред.: Н.Г. Багдасарьян, Е.А. Гаврилиной. – Москва : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. – 319 с.

3. Шухова, Е.М. Владимир Григорьевич Шухов. Первый инженер России / Е.М. Шухова. – Москва : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2003. – 366 с.

References

1. Vladimir Grigor'evich SHukhov (1853-1939) / avt. teksta N. Konovalova. – Moskva : Komsomol'skaya pravda : Direkt-Media, 2017. – 69 s. – (Velikie arkhitektory).

2. Geniy V.G. SHukhova i sovremennaya epokha : materialy mezhdunar. kongr., Moskva, 17-18 apr. 2015 g. / pod red.: N.G. Bagdasar'yan, E.A. Gavrilinoy. – Moskva : Izd-vo MGTU im. N.E. Baumana, 2015. – 319 s.

3. SHukhova, E.M. Vladimir Grigor'evich SHukhov. Pervyy inzhener Rossii / E.M. SHukhova. – Moskva : Izd-vo MGTU im. N.E. Baumana, 2003. – 366 s.

УДК 378.16

*Осадчая М.Н., Стецюк Л.В.
Старооскольский филиал НИУ «БелГУ», г. Старый Оскол, Россия*

**ВУЗОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ
«ПОСРЕДНИК» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ БИБЛИОТЕКИ СОФ НИУ «БЕЛГУ»)**

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные аспекты организации библиотечной работы в университетской библиотеке, способствующие развитию информационной компетентности пользователей-студентов. Раскрывается образовательный потенциал различных форм сотрудничества с организациями города Старый Оскол на примерах из опыта работы Старооскольского филиала НИУ «БелГУ».

Ключевые слова: университетская библиотека, сотрудничество, коммуникативная функция.

*Osadchaja M.N., Stetzjuk L.V.
Stary Oskol's Branch of Belgorod State University,
Stary Oskol, Russia*

**UNIVERSITY LIBRARY AS COMMUNICATIVE «INTERMEDIATOR»
AT EDUCATION SPACE
(WORK EXPERIENCE OF LIBRARY STARY OSKOL BRANCH BSU)**

Abstract. In the article is shown at the level communicative function cooperative work of university library for educational and scientific activity. Library support of education by the example is described the experience in creating cooperative work of Stary Oskol's Branch of Belgorod State University.

Key words: educational library, cooperative work, communicative function.

В последнее время активно обсуждается деятельность библиотек системы высшего образования, что актуально в свете реорганизации и совершенствования современного высшего образования. Внедрение соответствующего требованиям ФГОС информационного сопровождения учебного и научного процесса в высшей школе внесло коррективы в деятельность вузовских библиотек, участвующих сегодня в формировании информационной компетентности современного читателя.

Определённая специфика работы вузовской библиотеки заключается в том, что пользователи-студенты приходят в библиотеку с относительно устойчивым набором потребностей. С одной стороны, этот фактор придаёт несколько консервативный характер деятельности библиотекарей. И в то же время, учитывая современные требования в образовательной среде и возможности неконтролируемого информационного поля Интернет-пространства, вузовская библиотека вынуждена искать и апробировать новые формы для работы с

пользователем. Специалисты в числе важнейших направлений работы современной вузовской библиотеки выделяют «вопросы интеграции информационных ресурсов» [2]. Поэтому библиотека, обеспечивая организацию удалённого доступа к информационным ресурсам, корректирует и формы массовой работы со студентами, фактически функционируя в качестве информационного центра. Например, регулярно проводимые библиотечные семинары-практикумы обеспечивают корреляцию самой формы обслуживания современного читателя: студенты и преподаватели работают с электронной книгой дома, в удобное для каждого пользователя время, и такая онлайн-доступность обеспечивает продуктивность учебно-образовательной деятельности. Естественно, показатели непосредственной посещаемости библиотеки студентами снижаются, что компенсируется увеличением обращений пользователей к электронным ресурсам.

Таким образом, решая конкретные задачи, библиотека находит новые средства и внедряет различные формы активизации взаимодействия в традиционной коммуникативной триаде «библиотекарь – студент – преподаватель». Вполне оправданно рассматривать современную вузовскую библиотеку в качестве своеобразного «посредника», благодаря которому библиотечный ресурс «проникает» в индивидуальное пространство пользователя-студента. И если традиционная функция библиотеки как информационного партнёра очевидна, то наш опыт работы показывает, что партнёрство может оказаться более широким, когда в ходе работы генерируются новые элементы, редактируются прошлые подходы и сценарные решения в силу происходящих в образовании изменений.

Подключение вузовских библиотек к информационному пространству удалённых электронных ресурсов существенно расширяет возможности библиотеки. Однако помимо сугубо информационной библиотека должна реализовывать и другие сопутствующие функции – воспитательную, просветительскую – с целью оказывать воздействие на формирование общекультурного уровня современного студента. Это как раз та сфера деятельности, в ходе которой библиотека из пассивного посредника становится активным организатором при проведении массового мероприятия.

И здесь кроется потенциальная «коммуникативная» проблема: предлагаемый библиотекой контент массового мероприятия должен соответствовать конкретному образовательному направлению подготовки студентов. Не случайно именно в отношении деятельности вузовских библиотек предлагается проводить мониторинг «востребованности массовых мероприятий библиотеки кафедрами вуза» [1], поскольку именно в ходе взаимодействия с вузовскими преподавателями изначально и возникает сам «запрос» на проведение библиотечного мероприятия, и

закладывается потенциал эффективности информационно-образовательного результата взаимодействия с библиотекой. В отмеченной обусловленности и заключается исходная необходимость активизировать различные коммуникативные аспекты: поиск новых интерактивных форм или адаптирование современных развлекательных форм (например, квестов) к особенностям образовательного процесса, т.е. создание более серьёзного содержательного наполнения, лишь облачённого в форму квеста или этнографического путешествия. Таким образом, коммуникативный аспект работы вузовской библиотеки в современных условиях несколько смещается в сторону развлекательности, а вот актуальность содержательного наполнения такой интерактивной коммуникации вариативно «подстраивается» самими библиотекарями под задачи обеспечения образовательного процесса.

В свете сказанного становится очевидной актуальность поиска обновления коммуникативной составляющей, и одним из направлений видится расширение коммуникативных рамок за счёт вовлечения в библиотечное мероприятие «внешнего» участника, чтобы вузовская библиотека не оставалась лишь традиционным «дополнением» к информационно-техническому обеспечению учебного процесса. Описывая отдельные примеры из опыта работы библиотеки Старооскольского филиала НИУ «БелГУ», следует отметить, что в нашем случае ОГАПОУ «Старооскольский педагогический колледж» назвать «внешним» участником можно лишь условно, поскольку территориальное соседство образовательных учреждений задано изначально, и широкая сфера сотрудничества в различных областях, можно сказать, «сложилась исторически». Этим объясняется большой и продуктивный опыт проведения совместных мероприятий, причём в формирование этого пласта наработанного опыта регулярно вносит свой вклад и библиотека СОФ НИУ «БелГУ».

Взаимовыгодной и востребованной формой работы стало участие вузовской библиотеки в регулярных профессиональных стажировках, организуемых на базе Старооскольского педагогического колледжа. Реализация данного взаимодействия связана с двумя моментами: (1) в докладах информирующего характера библиотека освещает результаты своей деятельности по пополнению собственного фонда учебно-методических изданий; (2) организация мероприятий по практическому повышению информационной компетентности пользователей (рис. 1).

Рис. 1. Библиотека СОФ НИУ «БелГУ» регулярно проводит семинары-практикумы по обучению студентов-пользователей работе с удалёнными ресурсами ЭБС

Как и во многих вузовских библиотеках, в библиотеке СОФ НИУ «БелГУ» часть фонда составляют учебные и методические материалы, изданные своими преподавателями. В современных условиях всем очевидна необходимость организации полнотекстового доступа к таким изданиям собственной генерации именно в электронном формате. Эту функцию в образовательной структуре выполняет как раз вузовская библиотека, обеспечивающая доступ на основе лицензионного договора с автором. Поэтому уже не первый год именно библиотека выступает инициатором и организует сопутствующие обучающие и консультирующие мероприятия, для проведения которых была выбрана форма «семинара-практикума» с непосредственными пользователями (рис. 2).

Важно отметить, что данная форма работы сложилась объективно, а значит, востребована временем и самим образовательным процессом. Библиотечный каталог электронных изданий является особой динамической системой, у которой нет стадии завершения – это постоянно пополняющийся электронный ресурс.

Рис. 2. Заведующая библиотекой СОФ НИУ «БелГУ» Л.В. Стецюк проводит в читальном зале семинар-практикум, участвуя в работе стажировочной площадки Старооскольского педагогического колледжа

Благодаря такому скорректированному наполнению обеспечивается, во-первых, актуальность содержания; во-вторых, тематика пополняемых учебно-методических материалов коррелирует с потребностями конкретного учебного заведения, соответствуя специфике подготовки студентов именно нашего филиала, что отвечает требованиям современного образования. Следовательно, привлечение актуальных учебно-методических ресурсов оправдано, что и подтверждается устойчивым спросом на материалы такого «собственного» фонда документов.

Эффективность библиотечного сотрудничества со Старооскольским педагогическим колледжем наглядно видна на примере проведения мероприятий этнографического характера, которые связаны с содержанием учебных дисциплин краеведческого направления.

Инфраструктура Старооскольского филиала НИУ «БелГУ» тесно переплетена с пространством Старооскольского педагогического колледжа в силу сложившейся многолетней истории создания учебного заведения, и непосредственно включённым «в орбиту» траектории сотрудничества оказывается Народный русский музей Старооскольского педагогического колледжа. Многие экспонаты музея являются подлинными предметами традиционно-бытовой культуры Белгородчины, представляя собой научную, историческую и культурную ценность. При этом для учебного процесса важно то, что раритетные музейные экспонаты находятся в удобной близости к студентам (рис. 3, 4).

Рис. 3. Этнографические чтения, проводимые в читальном зале библиотеки СОФ НИУ «БелГУ» совместно с Народным русским музеем Старооскольского педагогического колледжа

Рис. 4. Использование этнографических раритетных экспонатов Народного русского музея Старооскольского педагогического колледжа в исследовательской работе студентов Старооскольского педагогического колледжа

Именно библиотека является удачным пространством для проведения подобных массовых мероприятий: одновременно и обеспечивает студентов информационными источниками для их исследовательской деятельности, и организует демонстрацию уникальных экспонатов Народного русского музея Старооскольского педагогического колледжа (предметы быта, народная одежда, изделия народных промыслов и ремёсел). Тем самым обеспечивается реализация удобной возможности для эффективного использования ценностей в духовно-нравственном воспитании молодёжи, а в более широком плане – включение студентов в пространство истинно народной культуры. Вузовская библиотека Старооскольского филиала, выступая инициатором проведения подобных совместных мероприятий, включает в них и элементы экскурсов культурно-исторического плана, таким образом осуществляя просветительскую функцию (рис. 5).

Рис. 5. Участие Старооскольского дома ремёсел в совместных мероприятиях библиотеки СОФ НИУ «БелГУ» и Старооскольского педагогического колледжа

Важным результатом взаимодействия с другими организациями помимо популяризации «островков» культурного пространства города (художественный музей, краеведческий музей и др.) является и тот факт, что в ходе проведения совместных мероприятий активизируется заинтересованность студентов. Например, МБУК «Старооскольский дом ремёсел», участвуя в библиотечном мероприятии, фактически осуществляет «экспорт» к студенту уникальных экспозиций, сопровождаемых историческими и этнокультурными сведениями. Создаваемая тем самым особая культурно-историческая атмосфера подчинена образовательным целям учебного процесса уже на стадии подготовки библиотечного массового мероприятия.

Подобное расширение географии сотрудничества именно при проведении подобных встреч в библиотеке обогащает знания студентов культурно-значимой информацией и включает внешнего «участника» в образовательное пространство.

Кроме того, в число результатов взаимодействия следует включить и тот креативный потенциал, который формируется в ходе совместной работы библиотекарей с сотрудниками других подразделений вуза и сотрудниками других организаций.

Как показывают исследования образовательно-просветительской деятельности библиотек, современная вузовская библиотека не только «была и остаётся основным информационным центром в системе высшего профессионального образования» [3], но при этом функционирует и в качестве коммуникативного центра. И это наглядно подтверждается нашим опытом внеуниверситетского сотрудничества, частично описанным в данной статье. Обеспечивается потенциал данного взаимодействия, прежде всего, объективно сложившимися условиями, которые библиотека СОФ НИУ «БелГУ» старается использовать, постоянно развивая формы сотрудничества и обеспечивая продуктивный результат.

Выводы. Коммуникативная по своей сути работа библиотеки развивается в ходе многогранного сотрудничества с «внешними» организациями. Для реализации основных функций университетской библиотеки необходим выбор направлений сотрудничества в соответствии с траекторией образовательного процесса.

Приведённые примеры из опыта работы библиотеки СОФ НИУ «БелГУ» показывают, что работа вузовской библиотеки фактически приобретает многофункциональный характер. Отмеченная особенность отражает современные тенденции в сфере высшего образования.

Библиотека как мультифункциональный посредник вносит свой вклад в развитие информационной культуры, исследовательской компетентности студентов и преподавателей, совершенствуя при этом различные формы библиотечной работы. И выход за пределы своего учебного заведения для расширения культурно-образовательного пространства нами рассматривается как одно из продуктивных направлений деятельности современной университетской библиотеки.

Список литературы

1. Казанцева, В.П. Методическое объединение вузовских библиотек: партнёрство и взаимодействие / В.П. Казанцева, Р.А. Барышев // Библиосфера. – 2016. – № 2. – С. 26-30.
2. Монастырева, В.А. Библиотека университета в условиях реализации инновационной образовательной программы / В.А. Монастырева // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 11. – С. 28-31.
3. Шаматонова, Г.Л. Библиотека вуза в изменяющемся образовательном пространстве / Г.Л. Шаматонова // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 2. – С. 51-56.

References

1. Kazanceva, V.P. Metodicheskoe ob"edinenie vuzovskih bibliotek: partnyorstvo i vzaimodejstvie / V.P. Kazanceva, R.A. Baryshev // Bibliosfera. – 2016. – № 2. – S. 26-30.
2. Monastyreva, V.A. Biblioteka universiteta v usloviyah realizacii innovacionnoj obrazovatel'noj programmy / V.A. Monastyreva // Vysshee obrazovanie segodnya. – 2008. – № 11. – S. 28-31.
3. SHamatonova, G.L. Biblioteka vuza v izmenyayushchemsya obrazovatel'nom prostranstve / G.L. SHamatonova // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. – 2017. – № 2. – S. 51-56.

УДК 035:090.1 (470.324)

Подкопаева И.В.

*Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия*

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ Н.Н. СТРАХОВА (1828–1896) В ОТДЕЛЕ РЕДКИХ КНИГ ЗОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье рассматриваются прижизненные публикации Н.Н. Страхова, хранящиеся в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета, анализируются особенности экземпляров.

Ключевые слова: философия, литературоведение, переводы, периодические издания, владельческие библиотеки.

Podkopaeva I.V.

*Scientific Library
of Voronezh State University, Voronezh, Russia*

LIFETIME EDITIONS OF N. N. STRAKHOV (1828-1896) IN THE RARE BOOK DEPARTMENT OF SCIENTIFIC LIBRARY OF VORONEZH STATE UNIVERSITY

Abstract. The article deals with lifetime publications of N.N. Strakhov stored in Scientific Library of Voronezh State University and analyzes the specific features of the book copies.

Key words: philosophy, literary studies, translations, periodicals, individual owner collections.

Биография Н.Н. Страхова свидетельствует о жизни разносторонне талантливого, яркого, равнодушного человека, который оставил заметный след в русской культуре и общественной жизни. Отзвуки этой значимости проявляются и в современности, поэтому неслучаен интерес к жизни и творчеству Н.Н. Страхова у нынешних философов, литературоведов, культурологов, историков. При этом овеществленной памятью остаются книги, статьи и переводы Н.Н. Страхова, к которым и сегодня имеют возможность обратиться исследователи и заинтересованные читатели.

В Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета хранятся прижизненные издания Н.Н. Страхова: книги, переводы, статьи из общественно-политического журнала «Заря», в работе которого Н.Н. Страхов принимал активное участие. Сотрудники отдела редких книг ЗНБ ВГУ стремятся ввести их в научный, образовательный, просветительский оборот. Отсюда цель настоящего обзора – представить некоторые из прижизненных публикаций Н.Н. Страхова.

В 1882 году вышла в свет книга Н.Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» с подзаголовком «Исторические и критические очерки» [1]. В ней автор анализирует творчество и политические взгляды Герцена, Милля, Ренана, Штрауса. Он выступает против либерализма и нигилизма, настаивает на том, что деятели литературы не должны отрываться от «народной почвы», обосновывает антизападный характер творчества классиков русской литературы.

Капитальный труд Н.Н. Страхова «Мир как целое» вышел в свет в 1872 году. В ОРК ЗНБ ВГУ имеется второе издание этого труда (1892), исправленное и дополненное [2]. Уже сам факт второго издания при жизни автора свидетельствует о его актуальности и читательском спросе. В первой части книги автор показывает, что единство мироздания определяется схождением всех эволюционных процессов к человеку как к «пределу природы». Во второй части автор рассматривает метафизические предпосылки физических наук и дает острую критику материализма на фоне «уводящего в бесконечность поиска неделимых (элементарных частиц)». Данный экземпляр интересен тем, что в разное время его обладателями были «Библиотека служащих в Елецком земстве. 1897 г.» и «Елецкая общественная библиотека-читальня в память Льва Николаевича Толстого». Любопытно и печатное обращение к читателю: «Просят обращаться с книгой бережно», помещенное на форзаце книги.

Н.Н. Страхов ярко проявил себя как переводчик. В качестве примера можно рассмотреть его переводы двух фундаментальных трудов: Куно

Фишер «История новой философии» (1862) и А.Е. Брем «Жизнь птиц» (1866).

В 1862 году Н.Н. Страховым был сделан перевод четырехтомного издания «Истории новой философии». Труд раскрывает и историю философии, и приводит основные произведения Фишера по истории классической немецкой литературы, показывая связь истории философии с историей культуры. Экземпляр первого тома, хранящийся в отделе редких книг, принадлежал С.Н. Введенскому, о чем свидетельствует владельческая печать [3].

Сергей Николаевич Введенский (1867-1940?) – краевед, археограф, доцент кафедры истории факультета общественных наук, затем педагогического факультета ВГУ (1919-1929), заведующий библиотекой ВГУ (1929-1930) [4].

Перевод «Жизни птиц» А.Е. Брема, сделанный Н.Н. Страховым, представлен «как роскошное издание с 24 картинками и 3 хромотипическими таблицами» и предназначен «для домашнего и семейного чтения» [5]. Показательно стремление Н.Н. Страхова дать возможность ознакомиться русскому читателю с трудами А.Е. Брема (1829-1884) – известного немецкого учёного-зоолога и путешественника. Экземпляр принадлежал библиотеке Воронежского Михайловского кадетского корпуса, игравшего в жизни дореволюционного Воронежа значимую образовательную и культурно-просветительскую роль.

Известно, что Н.Н. Страхов принимал активное участие в редакции ежемесячного литературного и политического журнала «Заря», издававшегося в Санкт-Петербурге с января 1869 по февраль 1872. Идейной платформой «Зари» было позднее славянофильство. «Заря» полемизировала с демократической и либеральной журналистикой. В номерах журнала публиковались произведения Ф.М. Достоевского, А.Н. Майкова, А.Ф. Писемского, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, А.П. Чехова и др.

Статьи Н.Н. Страхова посвящены творчеству русских и зарубежных писателей: А.И. Герцена [6], Н.А. Некрасова [7], И.С. Тургенева [8]. Заслуживает внимания составленная Н.Н. Страховым библиография сочинений А. Белло, Г. Флобера, В. Гюго, Б. Ауэрбаха, Ф. Шиллера [9].

Статьи, опубликованные на страницах журнала «Заря», подтверждают разносторонний литературоведческий дар Н.Н. Страхова.

В заключение хочется отметить, что прижизненные издания имеют не только библиофильскую, но историко-культурную ценность, поскольку они позволяют современному читателю ощутить духовную атмосферу соответствующего исторического периода, лучше понять стремления, подходы, интересы автора и тех, к кому он обращается.

Список литературы

1. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе : исторические и критические очерки / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. С. Добродеева, 1882. – XII, 362 с.
2. Страхов, Н.Н. Мир как целое : черты из науки о природе / Н. Н. Страхов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1892. – XXX, 582 с.
3. Фишер, К. История новой философии. Т. 1-4 / К. Фишер ; пер. Н. Страхова. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Тиблена, 1862. – Т. 1. Классический век догматической философии. – XV, 509 с.
4. Акиншин, А.Н. Введенский Сергей Николаевич : биограф. справка / А.Н. Акиншин // Воронежская историко-культурная энциклопедия : персоналии / гл. ред. О.Г. Ласунский. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Воронеж, 2009. – С. 89-90.
5. Брем, А.Э. Жизнь птиц : для домашнего и семейного чтения : роскошное издание с 24 карт. и 3 хромолит. табл. / А.Э. Брем ; пер. Н. Страхова. – Санкт-Петербург : Тип. Д.Ф. Федорова, 1866. – XXVI, 695 с.
6. Страхов, Н.Н. Литературная деятельность Герцена / Н.Н. Страхов // Заря : учено-литературный и полит. журнал. – Санкт-Петербург, 1870. – Кн. 3. – С. 93-127.
7. Страхов, Н.Н. Стихотворения Некрасова / Н.Н. Страхов // Заря : учено-литературный и полит. журнал. – Санкт-Петербург, 1870. – Кн. 9. – С. 127-164.
8. Страхов, Н.Н. Последние произведения Тургенева / Н.Н. Страхов // Заря : учено-литературный и полит. журнал. – Санкт-Петербург, 1871. – Кн. 2. – С. 1-31.
9. Страхов, Н.Н. Иностранная словесность в отношении к русской / Н.Н. Страхов // Заря : учено-литературный и полит. журнал. – Санкт-Петербург, 1870. – Кн. 7. – С. 107-141.

References

1. Strahov, N.N. Bor'ba s Zapadom v nashej literature : istoricheskie i kriticheskie ocherki / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. S. Dobrodeeva, 1882. – XII, 362 s.
2. Strahov, N.N. Mir kak celoe : cherty iz nauki o prirode / N.N. Strahov. – 2-e izd. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevyh, 1892. – XXX, 582 s.
3. Fisher, K. Istoriya novoj filosofii. T. 1-4 / K. Fisher ; per. N. Strahova. – Sankt-Peterburg : Tip. N. Tiblena, 1862. – T. 1. Klassicheskij vek dogmaticheskoy filosofii. – XV, 509 s.
4. Akin'shin, A.N. Vvedenskij Sergej Nikolaevich : biogr. spravka / A.N. Akin'shin // Voronezhskaya istoriko-kul'turnaya ehnciklopediya : personalii / gl. red. O.G. Lasunskij. – Izd. 2-e, dop. i ispr. – Voronezh, 2009. – S. 89-90.
5. Brem, A.EH. ZHizn' ptic : dlya domashnego i semejnogo chteniya : roskoshnoe izdanie s 24 kart. i 3 hromolit. tabl. / A.EH. Brem ; per. N. Strahova. – Sankt-Peterburg : Tip. D.F. Fedorova, 1866. – XXVI, 695 s.
6. Strahov, N.N. Literaturnaya deyatel'nost' Gercena / N.N. Strahov // Zarya : ucheno-literaturnyj i polit. zhurnal. – Sankt-Peterburg, 1870. – Kn. 3. – S. 93-127.
7. Strahov, N.N. Stihotvoreniya Nekrasova / N.N. Strahov // Zarya : ucheno-literaturnyj i polit. zhurnal. – Sankt-Peterburg, 1870. – Kn. 9. – S. 127-164.
8. Strahov, N.N. Poslednie proizvedeniya Turgeneva / N.N. Strahov // Zarya : ucheno-literaturnyj i polit. zhurnal. – Sankt-Peterburg, 1871. – Kn. 2. – S. 1-31.
9. Strahov, N.N. Inostrannaya slovesnost' v otnoshenii k russkoj / N.N. Strahov // Zarya : ucheno-literaturnyj i polit. zhurnal. – Sankt-Peterburg, 1870. – Kn. 7. – S. 107-141.

Титова Н.А.

*Филиал № 27 «Тавровская поселенческая библиотека имени писателя, критика, публициста Ю.Н. Говорухо-Отрока»
МУК «Центральная библиотека Белгородского района», с. Таврово, Россия*

**ОТКРЫВАЯ НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАВРОВСКОЙ
ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМЕНИ Ю. Н. ГОВОРУХО-ОТРОКА**

Аннотация. Статья посвящена краеведческой, исследовательской и организационно-просветительской деятельности Тавровской поселенческой библиотеки имени писателя, критика, публициста Ю.Н. Говорухо-Отрока. Рассказывается о проектной деятельности библиотеки, музейных уроках и экскурсиях, проводимых на базе музейной экспозиции «Дворянский род Говорухо-Отроков», действующей в библиотеке.

Ключевые слова: Ю.Н. Говорухо-Отрок, музей, библиотека, читатели.

Titova N.A.

*Branch № 27 "Tavrovskaya settlement library named after the writer, critic and publicist Yu. Govorukha–Otrok" of the Municipal institution of culture Central library Belgorod region",
S. Tavrovo, Russia*

**OPENING UNKNOWN PAGES.
RESEARCH, ORGANIZATIONAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF TUROVSKOE SETTLEMENT LIBRARY NAMED AFTER
YU. N. GOVORUKHA-OTROK**

Annotation. The article is devoted to the local history research and organizational and educational activities of the Tavrov settlement library named after the writer, critic, publicist. Talkative Lad. The article tells about the project activities of the library, Museum lessons and excursions held on the basis of the Museum exhibition "Noble family of Talker - Boys", operating in the library.

Key words: Yu. N. Govorukha-Boy, a Museum, a library, the readers.

Основным направлением работы Тавровской поселенческой библиотеки имени писателя, критика, публициста Ю.Н. Говорухо-Отрока является библиотечное краеведение, которое включает в себя исследовательскую и организационно-просветительскую работу.

В 2011 году библиотека получила грант губернатора Белгородской области, направленный на развитие сельской культуры, за проект «Возвращенные имена. Возрожденная духовность», благодаря которому создана музейная экспозиция «Дворянский род Говорухо-Отроков». А также Решением муниципального совета Белгородского района библиотеке было присвоено имя писателя, критика, публициста Юрия Николаевича Говорухо–Отрока.

Цикл научно-исследовательских статей работников библиотеки «Дворянская усадьба как феномен русской ментальности» помещен в сети «Интернет» в социальной сети «Живой журнал». Разработано два туристических маршрута («Мир русской усадьбы», «Листая страницы истории») по памятным местам Тавровского сельского поселения. Проводятся экскурсии по музейной экспозиции для читателей библиотеки, делегаций из Белгорода, других городов России, в том числе зарубежных. Библиотекари совместно с местными жителями стремятся сохранить память о выдающихся земляках, дворянах Говорухо-Отроках, внесших огромный вклад в культурное и общественное развитие не только Белгородского края, но и России в целом. На это направлены различные мероприятия, конкурсы, проекты библиотеки. Так, по инициативе библиотеки подготовлены материалы для книг о Белгородском районе, составлен имиджевый паспорт Тавровского сельского поселения, куда включена вся информация о памятных местах сел Таврово и Соломино.

Библиотекари имеют опыт в разработке и реализации целевых программ: «Возвращение к истокам» (библиотечное краеведение), «Открывая неизвестные страницы» (развитие туризма, продвижение бренда Тавровского сельского поселения), «Краеведческий навигатор» и др.

Библиотека осуществляет совместную деятельность с местным сообществом села. Мы ведем совместную исследовательскую работу с профессором, доктором филологических наук З.Т. Прокопенко, автором книг о Ю.Н. Говорухо-Отроке. Библиотека разработала концепцию бренда Тавровского сельского поселения «Сохраняя традиции – строим будущее». На базе музейной экспозиции, действующей в библиотеке, проводятся музейные уроки, посвященные истории села и края, разработан целый цикл таких уроков: «Писатель, критик, публицист», «Друзья и единомышленники Ю.Н. Говорухо-Отрока. Николай Страх», «Рачительный хозяин и патриот» (о М.Я. Говорухо-Отроке) и др.

Тавровская библиотека также публикует с периодичностью не реже одного раза в месяц на страницах местных газет «Знамя», «Тавровские вести» статьи по краеведению просветительского характера, которые знакомят читателей с интересными, но при этом малоизвестными фактами из истории нашего села и Белгородского края в целом. Например, это такие статьи, как «Сказание о Тавровской горе», «Слово-загадка», «Легенды казачества», «Пруды русских усадеб», «Тут все соединилось»,

«Дворянская усадьба как феномен русской ментальности», «Звонок в прошлое», «Сорок первый» и многие др.

Изучая интересы и запросы читателей, мы пришли к выводу, что они нуждаются в краеведческой деятельности библиотеки. К нам обращаются за помощью педагоги и воспитатели. Наши читатели – это не пассивные слушатели и зрители, а равноправные партнеры, единомышленники, оппоненты. Так, по их инициативе в 2016 году в библиотеке был реализован проект «Создаем музей вместе». С участием жителей Таврово, авторской группы проекта организованы выставки из частных коллекций: «Здравствуй, милая открытка!», выставка филокартин «Монеты как история России», выставка ретро-фотографий «Дела и люди села Таврово» и др. Создана база данных, посвященная истории села Таврово: «Исчезающая Белгородчина», «Легенды нашего села», «Словарь диалектных слов с. Таврово», «Знаменитые земляки». Выпускается издательская продукция краеведческой тематики. Ежегодно библиотека разрабатывает и публикует «Календарь знаменательных дат Тавровского сельского поселения».

В планах – работа над проектом «Авторская библиотека», расширение музейной экспозиции, реализация проекта «Литературные экспедиции», создание виртуальной модели усадьбы дворян Говорухо-Отроков. Усадебная культура до сих пор является малоизученной, потому что каждая усадьба представляет собой индивидуальный многогранный мир и требует внимания многих специалистов. Поэтому впереди у нас много работы, новые интересные открытия и исследования.

УДК 026.06:004.65:069

Черная Н.Ю.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

**ЭЛЕКТРОННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ «АРХИВ ЭПОХИ»
КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ, ПРОДВИЖЕНИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
Н.Н. СТРАХОВА**

Аннотация. В статье приводится история создания электронной коллекции библиотеки-музея Н.Н. Страхова «Архив эпохи». Коллекция представляет собой базу данных интеллектуального наследия Н.Н. Страхова, работающую в режиме реального времени, в которую включены книги, статьи, рецензии и переводы Н.Н. Страхова, его переписка с современниками, литература о его творчестве.

Ключевые слова: НИУ «БелГУ», Научная библиотека, электронный архив открытого доступа, электронная коллекция, «Архив эпохи», Страхов Н.Н.

THE “ARCHIVE OF THE EPOCH” DIGITAL COLLECTION AS A TOOL FOR PRESERVING, PROMOTION AND POPULARIZATION OF N. STRAKHOV’S INTELLECTUAL HERITAGE

Abstract. The article describes the story behind the making of the “Archive of the Epoch” digital collection at N. Strakhov Library and Museum. The collection is a database comprising N. Strakhov’s intellectual heritage which functions on a real-time basis and includes books, articles, reviews and translations made by N. Strakhov, as well as his correspondence with his contemporaries and literature devoted to N. Strakhov’s works.

Key words: Belgorod State National Research University, Scientific Library, open access electronic archive, digital collection, “Archive of the Epoch”, Strakhov N.

История создания электронной коллекции «Архив эпохи» начинается в декабре 2009 года, когда по инициативе ученых БелГУ в Научной библиотеке была организована библиотека-музей Н.Н. Страхова. В фонд библиотеки поступили прижизненные издания Н.Н. Страхова: «Мир как целое» (1892), «Философские очерки» (1895), «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» (1895). В апреле 2010 г. при поддержке гранта Президента РФ началось формирование электронного архива наследия Н.Н. Страхова «Архив эпохи».

Первоначально в электронном каталоге Научной библиотеки было представлено 12 произведений Н.Н. Страхова (книги, статьи, рецензии, письма).

В 2014 г. коллекция «Архив эпохи» была размещена в электронном архиве открытого доступа НИУ «БелГУ». Помимо произведений самого Н.Н. Страхова, здесь публикуются труды ученых университета – исследователей жизни и творчества Страхова – П.А. Ольхова, Е.А. Антонова, Е.Н. Мотовниковой и других. На сегодняшний день в коллекции находится более 350 документов.

Коллекция состоит из разделов:

1. Естественнаучные и философско-литературные произведения Н.Н. Страхова;
2. Литература о Н.Н. Страхове;
3. Переводы Н.Н. Страхова;
4. Переписка Н.Н. Страхова с современниками (рис. 1).

«Архив эпохи» представляет собой базу данных интеллектуального наследия Н.Н. Страхова, работающую в режиме реального времени.

Основная цель коллекции – обеспечение широкого доступа пользователей к трудам Николая Николаевича Страхова и работам отечественных и зарубежных авторов, занимающихся изучением его наследия.

Пользователями электронной коллекции являются преподаватели вузов, аспиранты, студенты, библиотечные работники.

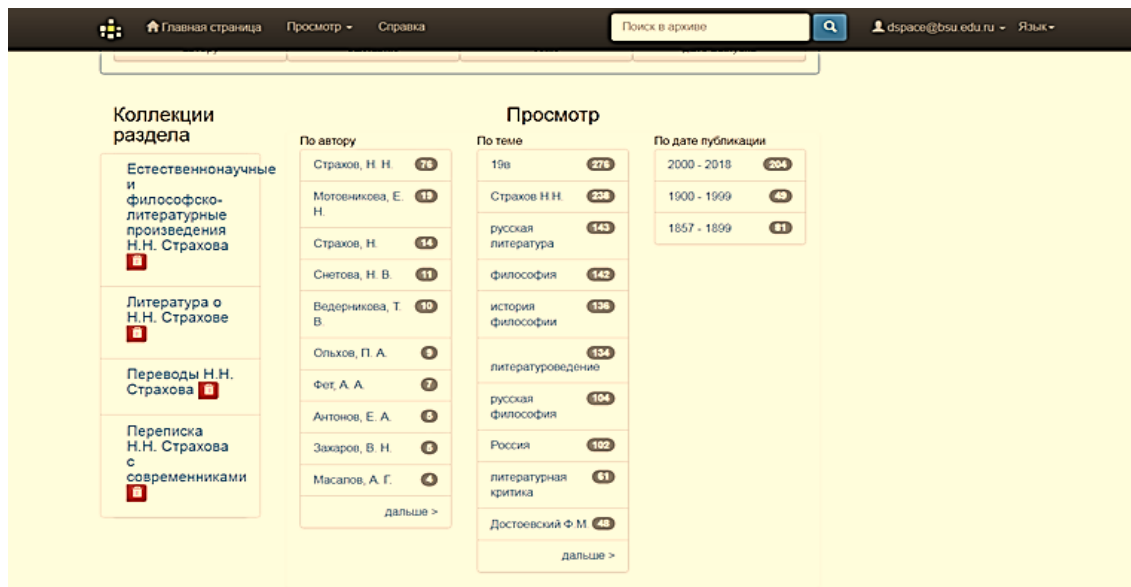

Рис. 1. Разделы электронной коллекции «Архив эпохи»

Наполнение коллекции тесно связано с работой над библиографическим указателем «Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик». Новые редакции библиографического указателя служат основой для поиска документов коллекции.

Коллекция пополняется электронными материалами из открытых источников, оцифрованными материалами из книг и периодических изданий. Проводится работа с электронными каталогами российских и зарубежных научных библиотек, с фондами, располагающими материалами о жизни и научной деятельности Н.Н. Стрхова. Так, в мае 2018 года сотрудники Научной библиотеки посетили музей-усадьбу Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», где часто гостил Н.Н. Страхов. Результатом поездки стало включение в библиографический указатель и электронную коллекцию значительного количества новых документов.

Этапы дальнейшей работы:

- обработка отсканированного материала,
- описание и размещение документов в электронной коллекции «Архив эпохи».

Инструментарий программного обеспечения позволяет пользователям осуществлять расширенный поиск документов по автору, заглавию, теме, месту и году издания, просмотр документов в формате pdf (рис. 2).

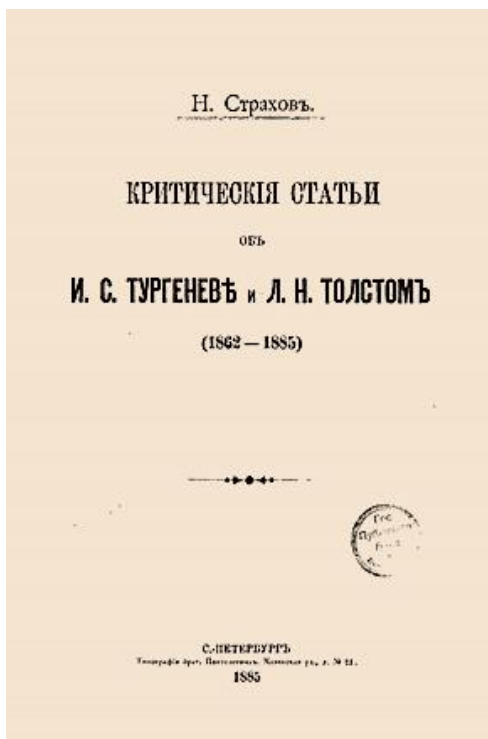

Рис. 2. Работа Н.Н. Стрхова «Критические статьи о И.С Тургеневе и Л.Н. Толстом» (1885)

Растущий интерес к наследию философа и публициста показывает статистика посещений Электронного архива, отраженная в сервисах Google Analytics (рис. 3) и системе DSpace (рис.4).

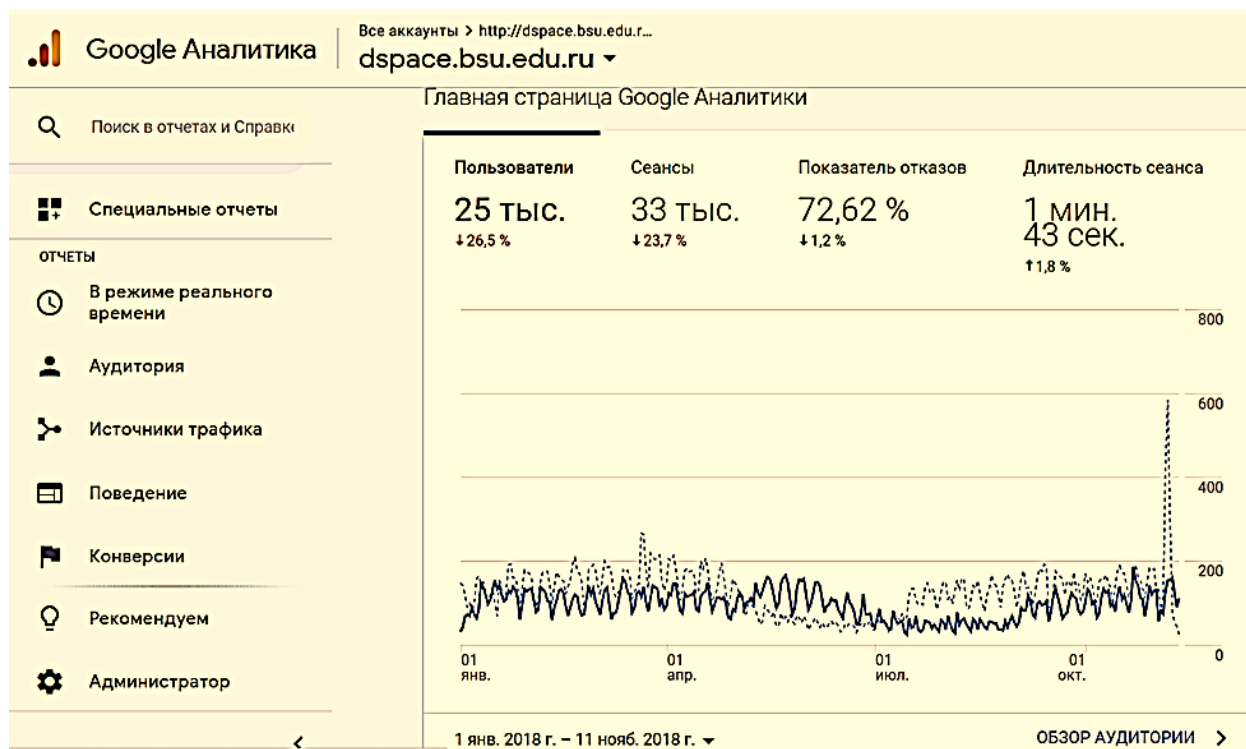

Рис. 3. Обращаемость к коллекции «Архив эпохи» по данным сервиса Google Analytics

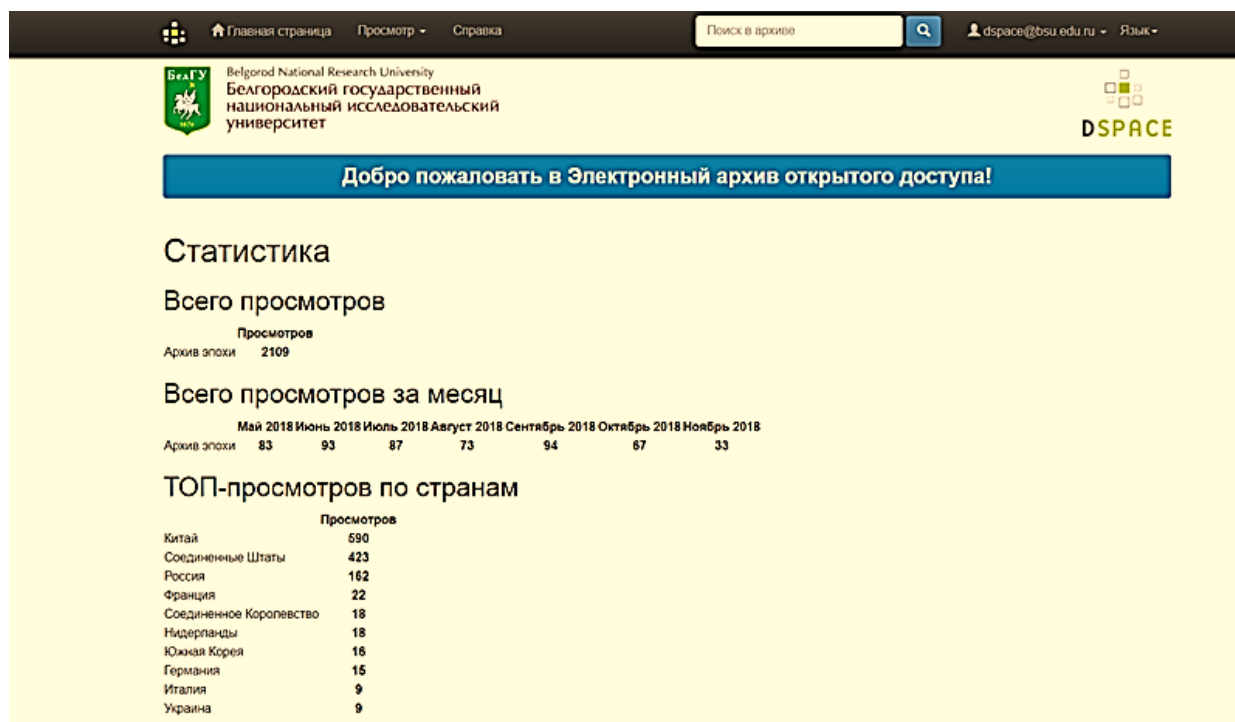

Рис. 4. Обращаемость к коллекции «Архив эпохи» по данным ПО DSpace

Из приведенных данных видно, что география обращений пользователей к документам «Архива эпохи» включает не только Россию, но и страны ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Китай, США, Белоруссию, Украину и др. страны.

Создавая коллекцию «Архив эпохи» и предоставляя всем заинтересованным лицам открытый доступ к интеллектуальному наследию Н.Н. Страхова и к работам о нем, мы надеемся, что наш труд будет полезен для дальнейших научных исследований творчества нашего земляка, выдающегося философа и публициста.

Список литературы

1. Антонов, Е.А. Место и значение Н.Н. Страхова в истории русской философии / Е.А. Антонов // Дух и время : филос.-культурол. альм. / гл. ред. Е.А. Антонов. – Белгород, 2000. – Вып. 2. – С. 4-10.

2. Монастырева, В.А. Архив интеллектуального наследия Н.Н. Страхова в контексте регионального краеведения / В.А. Монастырева // Шестые Страховские чтения: филос. пробл. понимания в культуре и науке : материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25-26 нояб. 2010 г. / редкол.: Е.А. Антонов, С.М. Климова, О.А. Васильева. – Белгород, 2010. – С. 380-384.

3. Тарумова, Н.Т. Электронные библиотеки: открытый доступ к объектам культурного наследия / Н.Т. Тарумова // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего : тр. XX междунар. объединенной. науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2017, 2 21-23 июня 2017 г. – Санкт-Петербург, 2017. – Вып. 1. – С. 177-185.

References

1. Antonov, E.A. Mesto i znachenie N.N. Strakhova v istorii russkoy filosofii / E.A. Antonov // Dukh i vremya : filos.-kul'turol. al'm. / gl. red. E.A. Antonov. – Belgorod, 2000. – Vyp. 2. – S. 4-10.

2. Monastyreva, V.A. Arkhiv intellektual'nogo naslediya N.N. Strakhova v kontekste regional'nogo kraevedeniya / V.A. Monastyreva // Shestye Strakhovskie chteniya: filos. probl. ponimaniya v kul'ture i nauke : materialy mezhdunar. nauch. konf., Belgorod, 25-26 noyab. 2010 g. / redkol.: E.A. Antonov, S.M. Klimova, O.A. Vasil'eva. – Belgorod, 2010. – S. 380-384.

3. Tarumova, N.T. Elektronnye biblioteki: otkrytyy dostup k ob"ektam kul'turnogo naslediya / N.T. Tarumova // Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego : tr. XX mezhdunar. ob"edinennoy. nauch. konf. «Internet i sovremennoe obshchestvo», IMS-2017, 2 21-23 iyunya 2017 g. – Sankt-Peterburg, 2017. – Vyp. 1. – S. 177-185.

Полевой семинар – выездное пленарное заседание
**ГУМАНИТАРНОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ: ОПЫТ РАБОТЫ
С ПЕРСОНАЛЬНЫМИ ФОНДАМИ, ИНТЕРАКТИВНЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

УДК 069.8

*Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

**ПЕРСОНАЛИИ БЕЛГОРОДСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
В ФОНДЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НИУ «БЕЛГУ»:
РЕКОНСТРУКЦИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЕ**

Аннотация. В исследовании представлены фонды и экспозиции музея истории НИУ «БелГУ», посвященные истории становления и развития Белгородского учительского института. Проанализированы основные разделы экспозиции, представляющие информацию о директорах, преподавателях и воспитанниках Белгородского учительского института. В исследовании выявлены основные направления научно-исследовательской деятельности, по результатам которой был проведен ряд реконструкций, создана новая экспозиция и пополнены фонды музея истории университета предметами и документами. Дореволюционный период в истории университета ранее подробно не изучался и не экспонировался.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт, музей истории НИУ «БелГУ», фонды, экспозиция, реконструкция, директора, преподаватели, воспитанники.

*Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A.
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia*

**PERSONNEL OF THE BELGOROD TEACHING INSTITUTE IN THE
FUND OF THE MUSEUM OF HISTORY OF THE BELGOROD
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY: RECONSTRUCTION AND
EXPOSITION**

Abstract. The study presents the funds and expositions of the Museum of History of the National Research University "BelSU" devoted to the history of the formation and development of the Belgorod Teachers Institute. The main sections of the exposition, which provide information about the directors, teachers and students of the Belgorod Teaching Institute, are analyzed. The study identified the main directions of research activities, which resulted in a number of

reconstructions, a new exposition was created and the museum's history museum was replenished with objects and documents. The pre-revolutionary period in the history of the university has not previously been studied in detail and has not been exhibited.

Key words: Belgorod Teachers' Institute, Museum of History of the Belgorod National Research University "BelSU", funds, exposition, reconstruction, directors, teachers, students.

Экспозиция музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета создана по хронологическому принципу и транслирует процесс становления и развития учебного заведения с 1876 года до настоящего времени. Дореволюционный период ранее фактически не изучался и практически не был представлен в экспозиции музея. В 2016 году в преддверии 140-летия университета по результатам научно-исследовательской деятельности сотрудников музея истории НИУ «БелГУ» был создан новый экспозиционный раздел, посвященный Белгородскому учительскому институту.

Новая экспозиция «Белгородский учительский институт 1876-1919 годы» включает в себя не только экспонирование предметов, но и дополнена девятью информационными стендами о директорах, преподавателях, воспитанниках учительского института, проанализирована роль Белгородского учительского института в системе народного просвещения Российской Империи.

На сегодняшний день сотрудниками музея истории НИУ «БелГУ» по результатам работы в с фондами архивов Российской Федерации (фонд 733 Департамента Народного Просвещения Российского государственного исторического архива, фонд 53 Петроградский Историко-филологический институт. 1867–1918 (Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербург), восстановлены биографии всех шести директоров Белгородского учительского института: Рощина Павла Емельяновича с 1876 по 1878 гг., Ларионова Дмитрия Николаевича с 1878 по 1902 гг., Комарова Александра Федоровича с 1902 по 1905 гг., Пактовского Федора Егоровича с 1905 по 1906 гг., Димитрию Алексея Константиновича с 1906 по 1913 гг., Дьяконова Петра Александровича с 1913 по 1918 гг.

В ходе исследования было установлено, что в конце XIX – начале XX века в Белгородском учительском институте наметилась следующая тенденция: все директора проводили исследования в основном гуманитарного характера в области педагогики, истории, филологии к которым следует отнести работы П.Е. Рощина [14], А.Ф. Комарова [10], Ф.Е. Пактовского [15], А.К. Димитрию [15], П.А. Дьяконова [6]. На сегодняшний день в экспозиции музея истории НИУ «БелГУ» представлены репринтные воспроизведения прижизненных изданий директоров Белгородского учительского института, найденные в результате научной работы с фондами Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки.

В результате научно-исследовательской работы в значительной степени пополнился фонд фотографий музея истории НИУ «БелГУ». На сегодняшний день найдены четыре фотографии директоров Белгородского учительского института. При работе с фондами Белгородского государственного историко-краеведческого музея была обнаружена единственная известная нам фотография последнего директора Белгородского учительского института – Дьяконова Петра Александровича [1]. Кроме портретных фотографий директоров в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки были найдены семейные фотографии директора Пактовского Федора Егоровича [11].

Важным направлением научно-исследовательской деятельности наряду с изучением фондов архивов, библиотек и музеев Российской Федерации, стала работа с семейными архивами правнучки директора Белгородского учительского института А.К. Димитриу – Наталии Леонидовны Потаниной, где были обнаружены фотографии преподавательского состава учительского института. Особое внимание следует уделить фотографии преподавательского состава 1906 года, на ней запечатлены одновременно два директора Белгородского учительского института. В центре сидит Федор Егорович Пактовский, который с должности директора учительского института был переведен директором во вторую Харьковскую мужскую гимназию [7], слева сидит вновь назначенный на должность директора Белгородского учительского института – Алексей Константинович Димитриу [8].

Также в архиве Н.Л. Потаниной сохранились фотографии преподавателей и выпускников других учебных заведений Белгорода начала XX века, которыми удалось пополнить фонд музея истории университета, в том числе две фотографии выпускников Белгородской мужской классической гимназии Его Королевского Высочества Герцога Эдинбургского. Следует отметить, что в рамках своей педагогической деятельности Алексей Константинович совмещал службу в Белгородском учительском институте и общественную деятельность в Белгородской мужской гимназии, так как именно по его инициативе на базе последней был создан Белгородский педагогический кружок в 1910 году, объединивший всех педагогов г. Белгорода. Отчет о деятельности данного кружка за 1910-1911 гг. представлен в экспозиции музея университета [13].

Отметим, что на сегодняшний день научно-исследовательская работа по восстановлению истории Белгородского учительского института продолжается, ее результаты находят свое отражение не только в постоянной экспозиции музея истории НИУ «БелГУ», но и на временных выставках, посвященных профессиональной биографии директоров и преподавателей. В 2017 году в музее истории университета проходила выставка, посвященная 160-летию со дня рождения директоров Белгородского учительского института – Димитриу Алексея Константиновича и Дьяконова Петра Александровича [18].

Один из важных разделов экспозиции посвящен преподавателям Белгородского учительского института. На сегодняшний день в музее

истории НИУ «БелГУ» хранятся восстановленные списки преподавателей с 1876 по 1919 год.

Одним из важных направлений исследовательской работы сотрудников музея истории университета стала реконструкция и исследование основных этапов жизни и профессиональной деятельности преподавателей Закона Божия Белгородского учительского института. По результатам исследования реконструированы биографии всех шести законоучителей, а также выявленные фотографии трех законоучителей – М.П. Трухманова, Е.Н. Попова, А.Г. Попова [4].

Результаты масштабных исследований, посвященных первым преподавателям Белгородского учительского института, особенно жизни и творчеству академика живописи Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств Юлия Феддерса, преподавателя черчения и рисования учительского института с 1876 до 1886 гг. нашли свое отражение как в постоянной экспозиции так и во временных выставках музея истории НИУ «БелГУ». В коллекции работ Ю.И. Феддерса сохранились пейзажи Белгорода конца XIX века, ранее неизвестные. Полотна кисти Ю.И. Феддерса хранятся в основном в частных коллекциях в Европе [19]. Цифровые копии его работ, выполненные на холсте по оригинальным размерам, представлены в музее истории университета [3].

Особое внимание при создании нового раздела экспозиции было уделено воспитанникам Белгородского учительского института. Сотрудниками музея истории НИУ «БелГУ» в результате работы с периодическим справочно-правовым источником «Циркуляр по Харьковскому учебному округу» (1879-1916 гг.) из фондов Российской национальной библиотеки было восстановлено более 440 фамилий выпускников Белгородского учительского института, которые на сегодняшний день наряду со сведениями о количестве выпускников представлены на информационных стендах в музее, а также в электронном-информационном ресурсе «Золотая книга выпускников» [9].

По результатам научно исследовательской работы в экспозиции музея истории НИУ «БелГУ» реконструирован коллективный образ воспитанника Белгородского учительского института конца XIX – начала XX века. В витринах музея представлены предметы, совокупность которых помогает сформировать у посетителя музея целостное представление о воспитаннике: Правила и программы поступления в Белгородский учительский институт [16], билет воспитанника Белгородского учительского института – Василия Першина (1908 г.) и его фотография, фотографии выпускников Евгения Подтягина (1879) [17] и Зиновия Угрюмова (1916), а также аттестат № 631 Зиновия Ивановича Угрюмова [2]. При работе с фондами Белгородского историко-краеведческого музея была найдена самая ранняя из известных нам фотография выпуска Белгородского учительского института 1916 г. [1]. На основе воспоминаний выпускников и документов из фондов Российского государственного исторического архива была предложена структура повседневности воспитанников Белгородского учительского института:

режим дня, время учебы и отдыха, расписание занятий, меню и многое другое. Следует отметить, что в соответствии с законодательством Российской империи лучшим воспитанникам учительского института вручалась награда - медаль «Достойному», одна из них в настоящее время хранится в Музее истории университета [12].

Таким образом, в фонде и экспозиции музея истории НИУ «БелГУ» в результате научно-исследовательской работы сотрудников музея истории НИУ «БелГУ» в архивах, библиотеках, музеях Российской Федерации и частных собраниях сформированы разделы, посвященные как истории развития Белгородского учительского института в целом, так и отдельным персоналиям в частности, в том числе директорам, преподавателям и воспитанникам. Одним из дальнейших перспективных направлений в научной и фондовой работе является создание электронных баз данных по выпускникам и преподавателям Белгородского учительского института.

Список литературы

1. Белгородский государственный историко-краеведческий музей (БОКМ). – Инв. № 33600.
2. Белгородский государственный историко-краеведческий музей (БОКМ). – Инв. № 9552-О.
3. Выставка «Юлий Феддерс: педагог и живописец» [Электронный ресурс] // Музей истории НИУ «БелГУ» / Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2018. – Режим доступа: http://history.bsu.edu.ru/history/exhibitions/element.php?IBLOCK_ID=99&SECTION_ID=6980&ELEMENT_ID=15128.
4. Денисова, И.В. Преподаватели Закона Божьего в Белгородском учительском институте в конце XIX - начале XX века [Текст] / И.В. Денисова, В.А. Лю-Ку-Тан // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 33-44.
5. Димитриу, А.К. К вопросу о договорах русских с греками [Текст] / А.К. Димитриу. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1895. – 20 с.
6. Дьяконов, П.А. Опись предметам хранящимся в Тамбовском историческом музее [Текст] / сост. правитель дел Арх. комис. П. Дьяконов. – Тамбов : Тип. Губ. правл., 1889. – 55 с.
7. Высочайший приказ по ведомству Министерства народного просвещения от 29 авг. 1906 г. № 65 [Текст] // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия – 1906. – Ч. V. – С. 512.
8. Высочайшие приказы по ведомству Министерства народного просвещения [Текст] // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. – 1906. – Ч. VI. – С. 15-16.
9. Золотая книга выпускников [Электронный ресурс] / НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – 111 с. – Режим доступа: <http://alumni.bsu.edu.ru/alumni/gold-book/book/#p=1>.
10. Комаров, А.Ф. Народная школа: главнейшие педагогические, дидактические и методические основания школьного дела [Текст] / сост. А.Ф. Комаров, инспектор нар. уч-щ Воронеж. губернии. – 3-е изд. – Москва : К.И. Тихомиров, 1899. – 192 с.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 745. – К. 9. – Ед. х. 11.
12. О введении во всех учительских институтах наградных для лучших воспитанников, с успехом окончивших в них курс, золотой и серебряной медалей : закон

Рос. империи от 1 июля 1875 г. № 54879 [Текст] // Полное собрание законов Российской Империи : Собр. Второе : в 55 т. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. 50, ч. 2. – С. 1.

13. Отчет о деятельности Белгородского Педагогического Кружка за 1910-11 год (первый год существования [Текст]. – Белгород : Тип. Ф.М. Гладилина, 1911. – 28 с.

14. Пактовский, Ф.Е. К вопросу об учебниках по русскому языку для средних учебных заведений : замечания на Учебник грамматики рус. языка для сред. учеб. заведений орд. проф. Казан. ун-та Е.Ф. Будде. Казань, 1900 г. [Текст] / Ф.Е. Пактовский, преп. Казан. реал. уч-ща. – Казань : Типо-лит. Ун-та, 1901. – 36 с.

15. Правила и программы испытания для желающих поступить в число воспитанников Белгородского Учительского Института [Текст]. – Белгород : Тип. А.А. Вейнбаума, 1900. – 18 с.

16. Циркуляр по Харьковскому учебному округу [Текст]. – 1879. – № 8. – С. 16.

17. Экспозиция «160 лет со дня рождения директоров Белгородского учительского института Алексея Константиновича Димитриу и Петра Александровича Дьяконова» [Электронный ресурс] // Музей истории НИУ «БелГУ» / Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2018. – Режим доступа: http://history.bsu.edu.ru/history/exhibitions/element.php?IBLOCK_ID=99&SECTION_ID=6980&ELEMENT_ID=452141.

18. Izstādes katalogs Jūlijs Feders [Текст]. – Riga: Neputns, 2013. – 303 p.

References

1. Belgorodskij gosudarstvennyj istoriko-kraevedcheskij muzej (BOKM). – Inv. № 33600.
2. Belgorodskij gosudarstvennyj istoriko-kraevedcheskij muzej (BOKM). – Inv. № 9552-O.
3. Vystavka «Yulij Fedders: pedagog i zhivopisec» [Электронный ресурс] // Музей истории НИУ «БелГУ» / Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2018. – Режим доступа: http://history.bsu.edu.ru/history/exhibitions/element.php?IBLOCK_ID=99&SECTION_ID=6980&ELEMENT_ID=15128.
4. Denisova, I.V. Prepodavately Zakona Bozh'ego v Belgorodskom uchitel'skom institute v konce XIX - nachale XX veka [Текст] / I.V. Denisova, V.A. Lyu-Ku-Tan // Nauchnyj rezul'tat. Ser. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 33-44.
5. Dimitriu, A.K. K voprosu o dogovorah russkikh s grekami [Текст] / A.K. Dimitriu. – Sankt-Peterburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1895. – 20 s.
6. D'yakonov, P.A. Opis' predmetam hranyashchimsya v Tambovskom istoricheskom muzee [Текст] / sost. pravitel' del Arh. komis. P. D'yakonov. – Tambov : Tip. Gub. pravl., 1889. – 55 s.
7. Vysochajshij prikaz po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 29 avg. 1906 g. № 65 [Текст] // ZHurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. Novaya seriya – 1906. – CH. V. – S. 512.
8. Vysochajshie prikazy po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Текст] // ZHurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. Novaya seriya. – 1906. – CH. VI. – S. 15-16.
9. Zolotaya kniga vypusknikov [Электронный ресурс] / НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – 111 s. – Режим доступа: <http://alumni.bsu.edu.ru/alumni/gold-book/book/#p=1>.
10. Komarov, A.F. Narodnaya shkola: glavnejshie pedagogicheskie, didakticheskie i metodicheskie osnovaniya shkol'nogo dela [Текст] / sost. A.F. Komarov, inspektor nar. uch-shch Voronezh. gubernii. – 3-e izd. – Moskva : K.I. Tihomirov, 1899. – 192 s.
11. Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (OR RGB). – F. 745. – K. 9. – Ed. h. 11.
12. O vvedenii vo vsekh uchitel'skikh institutah nagradnyh dlya luchshih vospitannikov, s uspekhom okonchivshih v nih kurs, zolotoj i serebryanoj medalej : zakon Ros. imperii ot 1

iyulya 1875 g. № 54879 [Tekst] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii : Sobr. Vtoroe : v 55 t. – Sankt-Peterburg, 1830-1885. – T. 50, ch. 2. – S. 1.

13. Otchet o deyatel'nosti Belgorodskogo Pedagogicheskogo Kruzhka za 1910-11 god (pervyj god sushchestvovaniya [Tekst]. – Belgorod : Tip. F.M. Gladilina, 1911. – 28 s.

14. Paktovskij, F.E. K voprosu ob uchebnikah po russkomu yazyku dlya srednih uchebnyh zavedenij : zamechaniya na Uchebnik grammatiki rus. yazyka dlya sred. ucheb. zavedenij ord. prof. Kazan. un-ta E.F. Budde. Kazan', 1900 g. [Tekst] / F.E. Paktovskij, prep. Kazan. real. uch-shcha. – Kazan' : Tipo-lit. Un-ta, 1901. – 36 s.

15. Pravila i programmy ispytaniya dlya zhelayushchih postupit' v chislo vospitannikov Belgorodskogo Uchitel'skogo Instituta [Tekst]. – Belgorod : Tip. A.A. Vejnbauma, 1900. – 18 s.

16. Cirkulyar po Har'kovskomu uchebnomu okrugu [Tekst]. – 1879. – № 8. – S. 16.

17. EHkspoziciya «160 let so dnya rozhdeniya direktorov Belgorodskogo uchitel'skogo instituta Alekseya Konstantinovicha Dimitriju i Petra Aleksandrovicha D'yakonova» [EHlektronnyj resurs] // Muzej istorii NIU «BelGU» / Belgor. gos. nac. issled. un-t. Belgorod, 2018. – Rezhim dostupa: http://history.bsu.edu.ru/history/exhibitions/element.php?IBLOCK_ID=99&SECTION_ID=6980&ELEMENT_ID=452141.

18. Izstādes catalogs Jūlijs Feders [Tekst]. – Riga: Neputns, 2013. – 303 r.

УДК 1(091):027(470.325)

Коровина О.В.

*Пушкинская библиотека-музей МБУК «ЦБС г. Белгорода»
Белгород, Россия*

БЕЛГОРОДСКИЙ КРУГ СОБЕСЕДНИКОВ Н.Н. СТРАХОВА В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ-МУЗЕЯ

Аннотация. В статье делается попытка обозначить круг собеседников Н.Н. Страхова – уроженцев нынешней территории Белгородской области и проследить их взаимосвязи. К белгородскому кругу собеседников Н.Н. Страхова относят А.В. Никитенко, Ю.Н. Говоруха-Отрока, Н.С. Кохановскую, митрополита Макария (Булгакова). Материалы, посвященные им, находятся в экспозиции Пушкинской библиотеки-музея МБУК «ЦБС г.Белгорода», на их основе и написана статья.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, А.В. Никитенко, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Н.С. Кохановская, митрополит Макарий (Булгаков), Пушкинская библиотека-музей.

O. V. Korovina

*Pushkin library - museum of MBUK «Centralized library system of
Belgorod», Belgorod, Russia*

BELGOROD INTERLOCUTORS OF N. N. STRAKHOV IN THE RESEARCH ACTIVITIES OF THE PUSHKIN LIBRARY-MUSEUM

Annotation. The article attempts to identify the circle of interlocutors N. N. Strakhov-natives of the present territory of the Belgorod region and to trace their interrelations. To Belgorod circle of interlocutors of N. N. Strakhov includes A. V. Nikitenko, Yu. N. Govorukha-

Otrok, N. With. Kochanowski, Metropolitan Macarius (Bulgakov). The materials devoted to them are in the exposition of the Pushkin library-Museum of MBUK "Centralized library system of Belgorod", and on their basis the article is written.

Keywords: N.N. Strakhov, A.V. Nikitenko, Yu.N. Govorukha-Otrok, N.S. Kochanovskaya, Metropolitan Macarius (Bulgakov), the Pushkin library-museum.

Имя Николая Николаевича Страхова (1828-1896) давно известно в контексте Белгородской пушкинианы. В 1888 году вышла книга Н.Н. Страхова «Заметки о Пушкине и других поэтах», ставшая одной из самых известных книг нашего земляка. Личность философа не могла остаться без внимания при создании постоянной музейной экспозиции Пушкинской библиотеки-музея «А.С. Пушкин и Белгородчина». Материалы, касающиеся Н.Н. Страхова, расположены в третьей части экспозиции. Первые две посвящены предкам и современникам Пушкина в нашем крае, третья же – о людях, которые увековечивали память поэта тем или иным способом и в то же время были нашими земляками.

В этом ряду имена Александра Васильевича Никитенко (1804-1877), Николая Владимировича Станкевича (1813-1840), Надежды Степановны Кохановской (1823-1884), Юрия Николаевича Говоруха-Отрока (1854-1896), митрополита Макария (Булгакова), Михаила Алексеевича Курбатова, Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова, Арнольда Ильича Гессена (1878-1976).

Все они, за исключением Гессена, были современниками. Николай Николаевич Страхов был лично знаком с Юрием Николаевичем Говоруха-Отроком и Александром Васильевичем Никитенко.

В 1876 году, находясь в Доме предварительного заключения, Ю.Н. Говоруха-Отрок читает славянофильскую книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», предисловие к книге написано Н.Н. Страховым. Говоруха-Отрок принимает взгляды Данилевского и Страхова, они становятся ему близки. А спустя 14 лет статьи уже самого Говоруха-Отрока, опубликованные в «Московских ведомостях», привлекают внимание Николая Николаевича Страхова. Тогда же между ними состоялось первое знакомство, вскоре перешедшее в тесную дружбу. «Я, - писал Юрий Николаевич, - близко знал его. Мы постоянно переписывались, довольно часто виделись лично, проводя время в нескончаемых беседах - конечно, о литературе и об искусстве».

Н.Н. Страхов называл критическую деятельность Говоруха-Отрока «светлым явлением нашей литературы за последние годы». Он находил в нём существеннейшую черту критика: любовь к литературе. «Всегда он умеет схватить главную мысль обсуждаемой статьи и подвергает её суду основательному и точному». Особенно он ценил его критический этюд о Тургеневе, так как сам Страхов писал о нём большую работу.

Другой известный русский философ Василий Васильевич Розанов, знавший и Ю.Н. Говоруха-Отрока, и Н.Н. Страхова, писал об их взаимоотношениях так: «Они не были связаны дружбой - за недосугом; лишь

проезжая через Москву, Страхов пользовался несколькими днями остановки и почти постоянно проводил их у Говорухо-Отрока. Он высоко ценил ум покойного и его образование» [3].

О взаимоотношениях Н.Н. Страхова и цензора, профессора Санкт-Петербургского университета, члена Академии наук Александра Васильевича Никитенко, мы читаем на страницах дневника последнего.

19 июля 1862 года, четверг

Еще в Берлине встретились мы с Страховым и до сих пор все бродим вместе и по Дрездену. До наивности добрый, мягкий и умный, он очень приятный спутник. Сегодня мы вместе посетили картинную галерею [2; 285].

Через год:

10 июня 1863 года, понедельник

Вчера был у меня Страхов, автор несчастной статьи «Роковой вопрос», напечатанной во «Времени». Он ужасно смущен; просил у меня совета и, по возможности, заступничества. Я выразил ему мое прискорбие, что он написал эту статью, что оправдать ее нет никакой возможности, что статья нехорошая. Он не защищался и не опровергал этого, но приводил в оправдание свое одно то, что он совсем не хотел оскорблять Россию, которой он чувствует себя сыном, что его намерение было, напротив, убедить поляков не гордиться «своими преимуществами, своей опередившей нас цивилизацией» и пр., но что он только *не вполне* выразил эту мысль, *не досказал* ее. Я на это ответил ему, что все это может быть, а что все-таки никак не следовало ему печатать такую невысказанную мысль, что впечатление, ею сделанное, не могло быть иное, как то, какое сделано, и что в настоящее время особенно подобные вещи не могут быть терпимы. Умы в волнении, народ раздражен до крайности, правительство озадачено и затруднено; как же тут не быть крайне осторожным в печатном слове? Бедный Страхов все это сделает *теперь*. Он, по его словам, более всего в отчаянии потому, что его считают каким-то не русским. "Да! - отвечал я. - Знаете ли, от кого первого узнал я о существовании вашей статьи? От поляка, который объявил мне о ней с некоторого рода торжеством и радостью".

Далее Страхов спросил меня, что ему делать? Я сказал, что так как власти оставляют его в покое, то лучше всего дать время остынуть этому впечатлению и после найти случай объясниться и объяснить самому, что вы сделали огромную ошибку и проч.

Встретился с М.М. Достоевским, редактором "Времени". Вот он в самом деле несчастный человек, – почти в пух разорен. Он сознает, что виноват, но ему кажется, что с ним поступлено слишком строго, что, конечно, не лишено основания, когда вспомнишь, что "Современник" и "Русское слово" были только *приостановлены*, а не запрещены вовсе, а эти журналы постоянно выражали -- и часто без всяких околичностей -- самые враждебные идеи не только правительству, но всякому общественному и нравственному порядку. "Время" никогда не допускало подобного бесчинства, и направление его было более либерально-консервативное. Я

утешал Достоевского тем, что есть причины полагать, что запрещение и этого журнала будет также временное...

Сознание собственной ошибки есть тоже несчастье, и гораздо иногда большее, чем другие несчастья, именно потому, что это наша ошибка. Но и его надобно снести великодушно, как все прочее.

Последний девичий экзамен в университете [2; 340-341].

В этом обширном извлечении из дневника речь идёт о статье Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», опубликованной в журнале «Время». Редакторами этого журнала были братья Достоевские. Этот журнал считался открыто стоящим на «почвеннических» позициях. Страхов писал, что редакторы сначала были очень довольны статьёй. В ней автор подошёл к рассмотрению польского вопроса с абстрактно-отвлечённой, философской точки зрения. Но в контексте польских восстаний 60-ых годов русское общественное мнение восприняло эту статью негативно. Впоследствии, гневные отклики на статью привели к закрытию журнала «Время».

Н.Н. Страхов обращается к Никитенко как к цензору за советом и помощью. Александр Васильевич пишет: «Я все-таки советовал ему не давать пока никаких объяснений и ждать, пока все уляжется. Да и объяснять притом тут нечего: он виноват кругом, - если не намерением, то делом» [342-343]. И через несколько дней: «Ко мне приходил Страхов со статьёй, которую он хочет напечатать в «Дне». Она содержит в себе оправдание его «Рокового вопроса», наделавшего столько шуму и послужившего поводом к запрещению «Времени». Цензура московская не пропустила этого оправдания и представила статью министру. Оправдание, правду сказать, неудачно: все оно состоит из таких отвлеченных изворотов, которые никак не в состоянии разубедить публику. Я *откровенно* сказал мое мнение и советовал автору откровенно сознаться в своей ошибке. Редактор «Дня» говорит, что он удовлетворен этой апологией. В добрый час! Странные и нелепые люди эти москвичи в своей непомерной заносчивости и высокомерии. Они думают, что публика должна верить каждому их слову, как священному писанию, и горе тем окаянными, которые вздумают усомниться в их праве на умственную диктатуру!» [2; 348].

Через год (7 мая 1864 года) А.В. Никитенко на заседании в Совете министерства по делам печати предлагает дозволить «записку по поводу статьи Страхова о польских делах, которую совсем безвинно цензурный комитет запретил». «Со мною согласились Тютчев и Гончаров. Положено, чтобы и другие члены Совета её прочитали» [2; 438].

Но, как известно, письма Н.Н. Страхова с разъяснениями не были опубликованы в периодической печати. Цензура их не пропустила. Они вышли в свет только в 1890 г. в предисловии к его труду «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки».

Дневник А.В. Никитенко является ценнейшим историческим документом, так как содержит обширные и подробные воспоминания нашего земляка о его окружении в Санкт-Петербурге. А окружение это было необычайно широким хотя бы в силу того, что Александр Васильевич

занимал должность цензора литературы. Дневник Никитенко уже давно является библиографической редкостью. В нашей экспозиции он находится рядом с биографией и письмами Николая Владимировича Станкевича, написанными П.В. Анненковым и изданными в 1857 году. Александр Васильевич и Николай Владимирович, судя по всему, знакомы не были, но знали о существовании друг друга. Тем более, что каждый из них был уроженцем села Удеровка Воронежской губернии (ныне – Алексеевский район Белгородской области).

Однако, о другом нашем известном земляке – выдающимся деятеле Русской Православной Церкви, богослове, историке и писателе митрополите Московском и Коломенском Макарии (Булгакове) мы находим сведения в дневнике Никитенко.

7 апреля 1855 года

Общее собрание в Академии наук. Я присутствовал тут в первый раз. Было, между прочим, прочтено высочайшее утверждение меня в звании ординарного академика. Вместе со мною утвержден и преосвященный Макарий. Замечательный духовный ум. Самая наружность его привлекательна. Я смотрел на него с эстетическим удовольствием, а после подошел к нему, и мы познакомились [1; 407].

На страницах трёхтомного дневника мы найдём ещё несколько небольших упоминаний о письмах митрополита Макария к Никитенко. А вот Николая Николаевича Страхова и митрополита Макария объединит большой пушкинский праздник – открытие памятника поэту скульптора Опекушина в Москве в 1880 году. Они оба присутствовали на этом событии, Страхов напишет об этом в своей статье, опубликованной в книге «Заметки о Пушкине и других поэтах». Первое и прижизненное издание автора этой книги 1888 года находится в нашей экспозиции. Эта книга принадлежала Пушкинскому музею в Санкт-Петербурге и была подарена для экспозиции нашего музея.

Упомянув открытие этого памятника, нельзя не сказать о том, что идея воздвигнуть его впервые была озвучена нашей землячкой, уроженкой Корочи Надеждой Степановной Кохановской. В 1857 году она написала обширную статью «Степной цветок на могилу Пушкина», копия этой статьи находится в нашей экспозиции. В то время мысль о создании памятника свободолубивому поэту расценивалась как крамольная.

Н.С. Кохановская и Н.Н. Страхов тоже были знакомы. Во время активного сотрудничества Николая Николаевича с журналом «Время» Надежда Степановна печатает свои произведения в этом журнале.

Личность Н.Н. Страхова занимает видное место среди наших земляков, увековечивавших память великого А.С. Пушкина и вошедших в нашу экспозицию «А.С. Пушкин и Белгородчина». Для Пушкинской библиотеки-музея, главной задачей которой является изучение и популяризация пушкинского наследия и связи его с белгородским краем, изучение личности Н.Н. Страхова, его современников и собеседников несомненно является серьёзной краеведческой и пушкиноведческой задачей.

Список литературы

1. Никитенко, А.В. Дневник : в 3 т. / А.В. Никитенко. – Москва : Гослитиздат, 1955-1956. – Т. 1. 1826-1857. – Москва, 1955. – XLIV, 543 с., портр. – (Сер. лит. мемуаров).
2. Никитенко, А.В. Дневник : в 3 т. / А.В. Никитенко. – Москва : Гослитиздат, 1955-1956. – Т. 2. 1858-1865. – Москва, 1955. – 652 с. – (Сер. лит. мемуаров).
3. Розанов, В.В. Литературные изгнанники. Воспоминания, письма / В.В. Розанов. – Москва : Аграф, 2000. – 360 с. – (Лит. мастерская).

References

1. Nikitenko, A.V. Dnevnik : v 3 t. / A.V. Nikitenko. – Moskva : Goslitizdat, 1955-1956. – T. 1. 1826-1857. – Moskva, 1955. – XLIV, 543 s., portr. – (Ser. lit. memuarov).
2. Nikitenko, A.V. Dnevnik : v 3 t. / A.V. Nikitenko. – Moskva : Goslitizdat, 1955-1956. – T. 2. 1858-1865. – Moskva, 1955. – 652 s. – (Ser. lit. memuarov).
3. Rozanov, V.V. Literaturnye izgnanniki. Vospominaniya, pis'ma / V.V. Rozanov. – Moskva : Agraf, 2000. – 360 s. – (Lit. masterskaya).

УДК 025: 069.5(470.324)

Леденева Ж.А.

*Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия*

МУЗЕЙ КНИГИ ЗОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – ЦЕНТР УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ РАБОТЫ РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена деятельности Музея книги Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета; рассматриваются различные формы его работы: образовательной, просветительской, научно-исследовательской.

Ключевые слова: высшее образование, музееведение, книговедение.

Ledeneva Zh.A.

*Scientific Library
of Voronezh State University, Voronezh, Russia*

MUSEUM OF BOOKS AT SCIENTIFIC LIBRARY OF VORONEZH STATE UNIVERSITY AS THE CENTER FOR THE RESEARCH AND EDUCATIONAL WORK IN THE REGION

Abstract. The article deals with the activities of Museum of Books at Scientific Library of Voronezh State University and considers their various forms: educational, cultural, and scientific.

Key words: higher education, museology, book studies.

В системе образовательной, научной, воспитательной деятельности современного университета значимый сегмент прочно занимают его музеи, и среди них – Музей книги.

Музей книги имеет огромный потенциал для воспитательной, культурно-образовательной, научно-исследовательской деятельности. Сегодня многие библиотеки страны имеют подобные музеи – отделы библиотек, в которых сосредоточена научно-исследовательская работа в области книговедения [1].

В Воронежском государственном университете, отмечающем в 2018 году вековой юбилей, Музей книги функционирует с 1982 года «и фокусирует весь опыт работы библиотеки по формированию, хранению и раскрытию своих фондов в интересах различных категорий учащихся, привитие любви к книге, приобщение к культуре. В концепции Музея отмечено: «Музей книги – это подразделение, которое соединяет культурные, профессиональные принципы университетского образования, определяет фундаментальность в учебном и исследовательском процессах, создает историческую среду университета, служит целям эстетического воспитания, в просветительской деятельности показывает уровень университетской науки» [2]. Особенностью Музея книги является его неразрывная связь с отделом редких книг ЗНБ ВГУ, что позволяет комплексно планировать и осуществлять деятельность обоих подразделений, расширяет возможности использования имеющегося книжного фонда и, соответственно, экспозиционно-выставочной работы.

Экспозиция Музея всей своей наглядностью разрушает сугубо утилитарный, прагматический подход к книге. В основу построения Музея книги ЗНБ ВГУ положен тематико-хронологический принцип. Экспозиция раскрывает историю формирования фонда научной библиотеки, историю отечественной и зарубежной книги XVI–XX вв. Разделы экспозиции рассказывают об искусстве оформления книги в XVIII – начале XXI в., о книгах с автографами известных деятелей науки, литературы, искусства разных лет, об истории воронежской книги. Предметом особого интереса являются книжные коллекции, владельцы которых были связаны с преподавательской и научной деятельностью Воронежского университета. Это филологи П.Г. Богатырев (1893-1971), В.Ф. Чистяков (1891-1977), С.Г. Лазутин (1919-1993), Г.Ф. Бирюков (1928-1985), О.Г. Ласунский (1936); историк И.Н. Бороздин (1883-1959); юрист Г.Ф. Горский (1934-1977); ботаник Б.М. Козо-Полянский (1890-1957) и др. Книги из этих книжных собраний, представленные в Музее, позволяют лучше изучить страницы истории университета и узнать о развитии университетской науки.

Музей книги научной библиотеки Воронежского государственного университета призван выполнять ряд поставленных перед ним учебно-воспитательных задач:

– участвовать непосредственно в учебном процессе по определенным специальностям и направлениям, когда на базе Музея проводятся академические занятия и выполняются учебные задания;

– показать книжную культуру в ее классических достижениях и развитии, воочию «пообщаться» с подлинными книжными памятниками;

– привлечь внимание молодежи к выдающимся событиям истории страны, замечательным людям, достижениям науки и культуры через регулярно организуемые выставки, обзоры и т.п.;

– реализовать творческий интерес студентов и школьников к изучению книги, библиофильства через участие в конференциях и чтениях.

Распространенными формами работы Музея являются экскурсии, обзоры по истории университета и его библиотеки. Экскурсии, проводимые Музеем, разнообразны: по целевому назначению, составу экскурсионных групп, тематике, объекту показа. Наиболее часто организуется показ с целью углубленного изучения учебного материала. Например, для студентов филологического факультета отделения «Издательское дело» проводятся беседы по типографскому делу, переплетному искусству, по технологии изготовления рукописной книги XI–XII вв., рассказывается об особенностях работы с книжными памятниками. Студенты активно включаются в образовательный процесс: пишут рефераты, курсовые работы, выступают с докладами на научных конференциях.

В Музее проводятся многообразные выставки книг, которые заранее планируются. Они посвящены памятным датам в истории и культуре нашей страны, юбилеям писателей, ученых, деятелей искусства; они также способствуют раскрытию фонда отдела редких книг ЗНБ ВГУ.

В качестве примера проанализируем ряд выставок, экспонирующихся в 2017-2018 годах [3].

В 2017 году отмечалось 100-летие Великой русской революции, которая оказала заметное влияние на мировую историю. Вот почему с научной, общекультурной и читательской точек зрения важно понять, как события вековой давности отразились в изданиях 1917–1928 гг. К данной юбилейной дате была приурочена выставка «Повод для диалога». Первая ее часть посвящена февральской революции. Например, представлен сборник статей активного участника революции А.Ф. Керенского «Издалика» (1922). Следующий раздел выставки посвящен Октябрьской революции. Он начинается с работы В.И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» (1917). Экспозицию завершают книги, изданные в 1927 году, к 10-летию Октябрьской революции. Среди них, «Солдатские письма 1917 года» (1927); «Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии» (1927).

В 2017 году отмечалась знаменательная дата – 345-летие со дня рождения Петра I. Этому событию была посвящена выставка, в название которой положены слова А.С. Пушкина «...Петр Великий один есть целая всемирная история!». На ней были представлены 16 редких книг XVIII – начала XX в., посвященных жизни и деятельности Петра I. Среди авторов: М.В. Ломоносов, Феофан Прокопович, И.И. Голиков и др.

2018 год ознаменован празднованием 100-летнего юбилея Воронежского государственного университета. Этому событию посвящен весь комплекс образовательной, научной и просветительской деятельности отдела редких книг и его Музея.

Цикл выставок дает возможность узнать об истории российских университетов («Университеты Российской Империи: история и традиции» (Издания XIX - начала XX в.); «Российская университетская периодика» (Издания XIX - начала XX в.), истории и современной деятельности Воронежского университета («Воронежский университет – целое государство!»); «Трудный и радостный путь: к истории Воронежского государственного университета»; «Люди университета»).

Ежегодно в мае в Музее книги и отделе редких книг проходят книжные выставки, посвященные Дню Победы. В 2017 году тема звучала так: «Маленькие книги о большой войне», где было представлено 27 миниатюрных изданий о Великой Отечественной войне. В 2018 году на выставке «Пусть живые запомнят и пусть поколения знают...» экспонировались книги о Воронежском университете в годы Великой Отечественной войны.

Значительное внимание уделяется циклу выставок «Литературные юбилеи». Так, в марте 2018 года была организована выставка «...Его жизнь – это книга, это увлекательный роман», посвященная 150-летию со дня рождения М. Горького (1868-1936), где были представлены произведения писателя, а также издания о его жизни и творчестве.

200-летнему юбилею со дня рождения И.С. Тургенева (1818-1883) посвящена выставка «Художник слова», на которой представлены произведения писателя (в том числе прижизненные), а также биографические и литературоведческие исследования критиков и ученых.

В области научно-исследовательской работы сотрудники Музея и отдела редких книг действуют по нескольким направлениям:

1. Оказывают консультативную помощь в работе над исследовательскими темами (особенно это относится к историкам, филологам, юристам).

2. Ведут исследовательскую работу по изучению фонда, библиографии, библиофильства, публикуют научные статьи книговедческой тематики.

3. Принимают активное участие в научных конференциях, организуемых в библиотеках и музеях Воронежа, других российских городов (Москва, Калининград, Рязань и др.), а также за рубежом (Германия).

В заключение необходимо отметить, что деятельность Музея книги способствует разностороннему развитию духовной жизни вуза, изучению и сохранению традиций в науке, культуре и образовании.

Список литературы

1. Абдулхаков, А.Р. Музей книги: традиционный и виртуальный / А.Р. Абдулхаков // Книга и мировая цивилизация : материалы 11-ой междунар. науч. конф. по проблемам книговедения, Москва, 20-21 апр. 2004 г. : в 4 т. / отв. ред.: В.И. Васильев, Б.В. Ленский. – Москва, 2004. – С. 5-7.

2. Леденева, Ж.А. Роль Музея книги в обеспечении учебно-воспитательной и научной работы в вузе : из опыта работы Музея книги Зональной научной библиотеки

ВГУ / Ж.А. Леденева // Опыт работы Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2012. – С. 47-49.

3. Леденева, Ж.А. Общественно значимые юбилейные даты 2017-2018 годов в совместной работе отдела редких книг и Музея книги Зональной научной библиотеки ВГУ / Ж.А. Леденева, И.В. Подкопаева // Юбилейные даты 2017-2018 гг. в экспозициях образовательных учреждений : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Воронеж, 3 нояб. 2017 г. / под ред. А.Н. Акиншина. – Воронеж, 2018. – С. 57-62.

References

1. Abdulhakov, A.R. Muzej knigi: tradicionnyj i virtual'nyj / A.R. Abdulhakov // Kniga i mirovaya civilizaciya : materialy 11-oj mezhdunar. nauch. konf. po problemam knigovedeniya, Moskva, 20-21 apr. 2004 g. : v 4 t. / otv. red.: V.I. Vasil'ev, B.V. Lenskij. – Moskva, 2004. – S. 5-7.

2. Ledeneva, Zh.A. Rol' Muzeya knigi v obespechenii uchebno-vospitatel'noj i nauchnoj raboty v vuze : iz opyta raboty Muzeya knigi Zonal'noj nauchnoj biblioteki VGU / Zh.A. Ledeneva // Opyt raboty Zonal'noj nauchnoj biblioteki Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. – Voronezh, 2012. – S. 47-49.

3. Ledeneva, Zh.A. Obshchestvenno znachimye yubilejnye daty 2017-2018 godov v sovместnoj rabote otdela redkih knig i Muzeya knigi Zonal'noj nauchnoj biblioteki VGU / Zh.A. Ledeneva, I.V. Podkopaeva // Yubilejnye daty 2017-2018 gg. v ehkspozicijah obrazovatel'nyh uchrezhdenij : materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., Voronezh, 3 noyab. 2017 g. / pod red. A.N. Akin'shina. – Voronezh, 2018. – S. 57-62.

УДК 021.13

Масалов А.Г.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ Н.Н. СТРАХОВА: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Аннотация. Домашняя библиотека известного литературного критика, философа и переводчика XIX века Н.Н. Страхова представляла собой уникальное систематизированное собрание научной, философской, религиозной и художественной литературы. В настоящее время как единая коллекция библиотека Н.Н. Страхова утрачена. В НИУ «БелГУ» ведется комплексная библиотечно-музейная и научная деятельность по реконструкции домашней библиотеки русского мыслителя; собраны и представлены прижизненные издания его книг и другие уникальные документы.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, библиотека, редкие издания, реконструкция.

RECONSTRUCTION OF N.N. STRAKHOV'S HOME LIBRARY: RESEARCH, EDUCATIONAL, BIBLIOGRAPHIC CONTEXTS

Annotation. The home library of the famous literary critic, philosopher and translator of the XIX century N.N. Strakhov was a unique systematic collection of scientific, philosophical, religious and fiction literature. Currently, as a single collection the library of N.N. Strakhov is lost. The complex library, museum and scientific activity on reconstruction of the home library of the Russian thinker is conducted in Belgorod National Research University. The lifetime editions of his books and other unique documents were collected and presented.

Key words: N.N. Strakhov, library, rare editions, reconstruction.

Внимание исследователей уже давно привлекла богатая книжная коллекция Н.Н. Стрхова (около 12,5 тыс. томов), важная для изучения отечественной культуры XIX в. Друзьям и современникам мыслителя, среди которых были Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Фет, В.В. Розанов и другие выдающиеся литераторы, она была хорошо известна. В ее составе было значительное количество редких и ценных книг, в т.ч. 1 инкунабул, 15 палеотипов, 24 издания второй половины XVI в., 173 издания XVII в., 490 изданий XVIII в. [1, 2, 3].

По свидетельству биографа Н.Н. Стрхова Б.В. Никольского, составленная ученым библиотека «поражала всякого обозревателя систематичностью, обдуманностью подбора, разнообразием, богатством и полнотою содержания» [4, с. 250]. После смерти Н.Н. Стрхова в 1896 году книги были переданы его племянницей г-жой Матченко библиотеке Санкт-Петербургского Императорского университета. Более всего коллекция Стрхова обогатила отделы богословия, философии, естествознания и оккультизма. В ней было много произведений лучших европейских и российских писателей и ученых, труды греческих и римских классиков.

Личному книжному собранию Стрхова посвящены работы С.В. Белова «Библиотека Н.Н. Стрхова» (1976), А.Х. Горфункель «Неотчуждаемая ценность: рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки» (1984), Н.И. Николаева «Библиотека Н.Н. Стрхова в свидетельствах современников» (2010). Но сама домашняя библиотека мыслителя как единая коллекция была утрачена. К счастью, сохранилась инвентарная книга университетской библиотеки с полным списком принятых книг Н.Н. Стрхова. Всего библиотека получила 7 877 названий в 12 453 томах, не считая некоторого количества книг с пометами Стрхова, ящика с рукописями и документами, возвращенными г-же Матченко¹. Электронная копия инвентаря была предоставлена ученым НИУ «БелГУ» отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (рис. 1).

---

¹ См.: О передаче книг из личной библиотеки Н.Н. Стрхова в Библиотеку Императорского Санкт-Петербургского университета // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1897 г. / сост. В.К. Ернштедт. – Санкт-Петербург, 1898. – С. 16-17.

1897

Уч. книга Н.Н. Стрехова.

- 5377 Бюф. Свиретство. Кург. сочинения. I. II. III. ч. 1786. 8°
- 5378 " — Маинд. Бюссетия. Перл. В. Профессорская. Сед. 1795. 8°
- 5379 Кр. Альв. Вюльф. Каролина пророк. 2. изд. ч. 1866. 8°
- 5380 Свиретство, 2. Контрактиция. ч. 1. (1877). 8°
- 5381 " " Раздвинная келья. ч. 1. 8°
- 5382 " " Новая дарения. ч. 1. 8°
- 5383 " " О здрав. ч. 1. 8°
- 5384 " " Москва по родина. ч. 1. 8°
- 5385 " " Франкеса Рампейская. ч. 1. 8°
- 5386 " " Мюллерский Келья. ч. 1. 8°
- 5387 " " Дрессет. I. Сед. 1857. 8°
- 5388 " " Келья. Сед. 1856. 8°
- 5389 " " Мамево подбыве. ч. 1. ч. а. 8°
- 5390 " " Келья келья. ч. 1. ч. а. 8°
- 5391 " " Келья Келья. Сед. 1856. 8°
- 5392 Автократов, Р. Урабинд психология. Сед. 1866. 8°
- 5393 Адамасетов. Келья Келья. ч. 1. (1866). 8°
- 5394 " — " Урабинд. ч. 1. 1866. 8°
- 5395 Келья. ч. 1. 8° 38 гр.
- 5396 " — Келья Келья. ч. 1. 1857. 18°
- 5397 Акасмет. С. Келья. Келья. ч. 2. Келья. 1872. 8°
- 5398 " — С. Келья. Келья. ч. 6. Сед. 1872. 18°
- 5399 " — С. Келья. Келья. ч. 1. 1877. 16°
- 5400 Акасмет, У. Келья О. В. Мюллер. ч. 1. 1856. 8°
- 5401 " — " — Келья Келья Келья Келья. ч. 1. 1856. 8°
- 5402 " — " — Келья Келья Келья. ч. 2. ч. 1. 1856. 8°
- 5403 " — " — Келья Келья Келья. Сед. 1872. 8°
- 5404 " — " — Келья Келья Келья. Келья. 1861. 18°. 2. изд.
- 5405 " — " — Келья Келья Келья. II. II. III. ч. 1. 1875-80. 8°

Рис. 1. Страница из инвентарной книги Научной библиотеки Санкт-Петербургского Императорского университета

В 1873-85 годах Н.Н. Стрехов служил в Императорской публичной библиотеке. Российской национальной библиотекой (бывшей Императорской) ученым НИУ «БелГУ» была предоставлена копия «дела о службе библиотекаря Стрехова», фрагмент которого мы публикуем здесь (рис. 2).

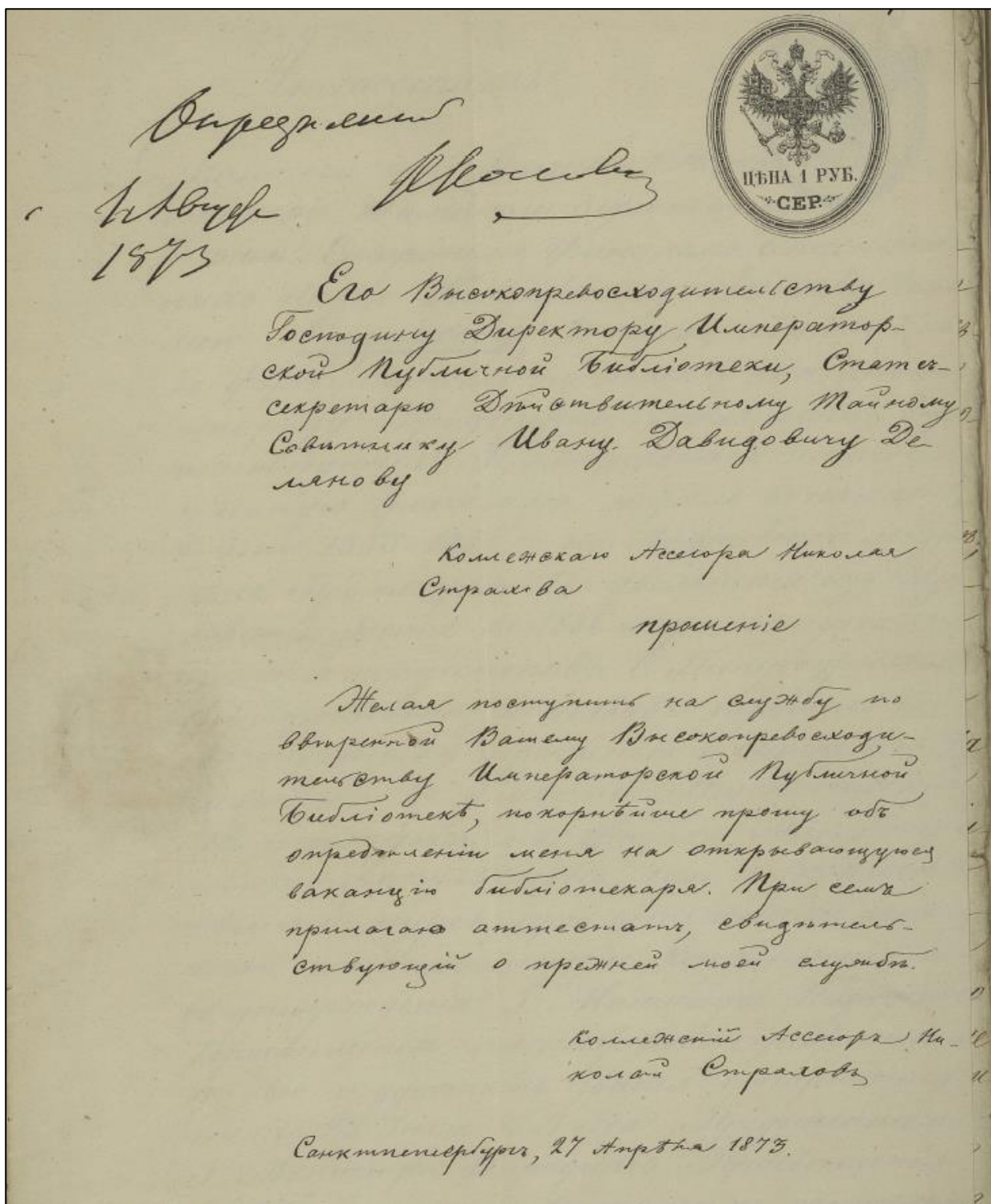

Рис. 2. Прошение коллежского асессора Н.Н. Страхова на имя директора Императорской публичной библиотеки И.Д. Делянова о поступлении на службу

В НИУ «БелГУ» совместными усилиями ученых и библиотекарей успешно реализуется проект реконструкции фрагмента петербургской квартиры мыслителя и воссоздания его книжного собрания. По инициативе ученых кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» в 2009 года на базе Научной библиотеки была создана библиотека-музей Н.Н. Страхова. После

реконструкции в 2017 году ее коллекция пополнилась стилизованной под старину мебелью, картинами, оригинальными предметами быта XIX века, копиями переписки Н.Н. Страхова с семьей Л.Н. Толстого, государственных наград, фотографиями.

Основными направлениями работы библиотеки-музея являются пополнение коллекции прижизненных изданий трудов Н.Н. Страхова и книг из его домашней библиотеки; обеспечение открытого доступа к указанным документам, в т.ч. их перевод в цифровой формат; расшифровка записей инвентарной книги и создание каталога домашней библиотеки ученого; библиографическое описание выявленных документов; актуализация наследия мыслителя путем проведения культурно-просветительских мероприятий, подготовки научных статей, библиографических справочников.

На сегодня в отделе редких книг (библиотеке-музее Н.Н. Страхова) НБ НИУ «БелГУ» собрано 8 прижизненных изданий трудов мыслителя: «Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки» (1887-1890), «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» (2 экз., 1895 г.), «Мир как целое: очерки науки о природе: черты из науки о природе» (1892), «Философские очерки» (1895), «Сочинения Аполлона Григорьева» (изданные Страховым на собственные средства в 1876 г.), «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1897), И. Тэн «Об уме и познании» (1894). Также имеется несколько переводов, посмертных изданий XIX века, советского периода, современных изданий и репринтных копий работ мыслителя; книг, содержащих предисловия и комментарии мыслителя. Все документы оцифрованы и включены в электронный каталог Научной библиотеки.

В 2010 году Научной библиотеке университета был присужден грант Президента РФ за проект по созданию электронной коллекции интеллектуального наследия Н.Н. Страхова «Архив эпохи». Всего в коллекции 334 полнотекстовых документа, раскрывающих многогранную деятельность Н.Н. Страхова: естественнонаучные, философские, литературно-критические произведения мыслителя; его переписка с современниками; переводы Н.Н. Страхова; литература о нем.

По итогам выполнения гранта Научной библиотеке решением ученого совета НИУ «БелГУ» в 2011 году присвоено имя Николая Николаевича Страхова.

В 2016 году был издан наиболее полный на сегодняшний день (964 источника) библиографический указатель трудов Н.Н. Страхова, его переписки и литературы о нем.

В 2018 году профессор П.А. Ольхов предоставил библиотеке-музею Н.Н. Страхова электронные копии ранее не публиковавшихся документов из архива мыслителя, в т.ч. официальных бумаг, рукописей литературно-критических работ и стихов (рис. 2, 3). Часть этих документов размещена на сайте¹ библиотеки-музея Н.Н. Страхова в числе других материалов, публикуемых к 190-летию ученого.

---

¹ <http://strakhov.bsu.edu.ru/>

Неотъемлемой частью работы Научной библиотеки является реставрация приобретенных документов. Предполагается амбициозная задача воссоздания книжной коллекции Н.Н. Стрхова.

На базе библиотеки-музея уже много лет функционирует литературно-философский клуб «По средам у Стрхова», который стал площадкой для диалога о философии, истории и литературе.

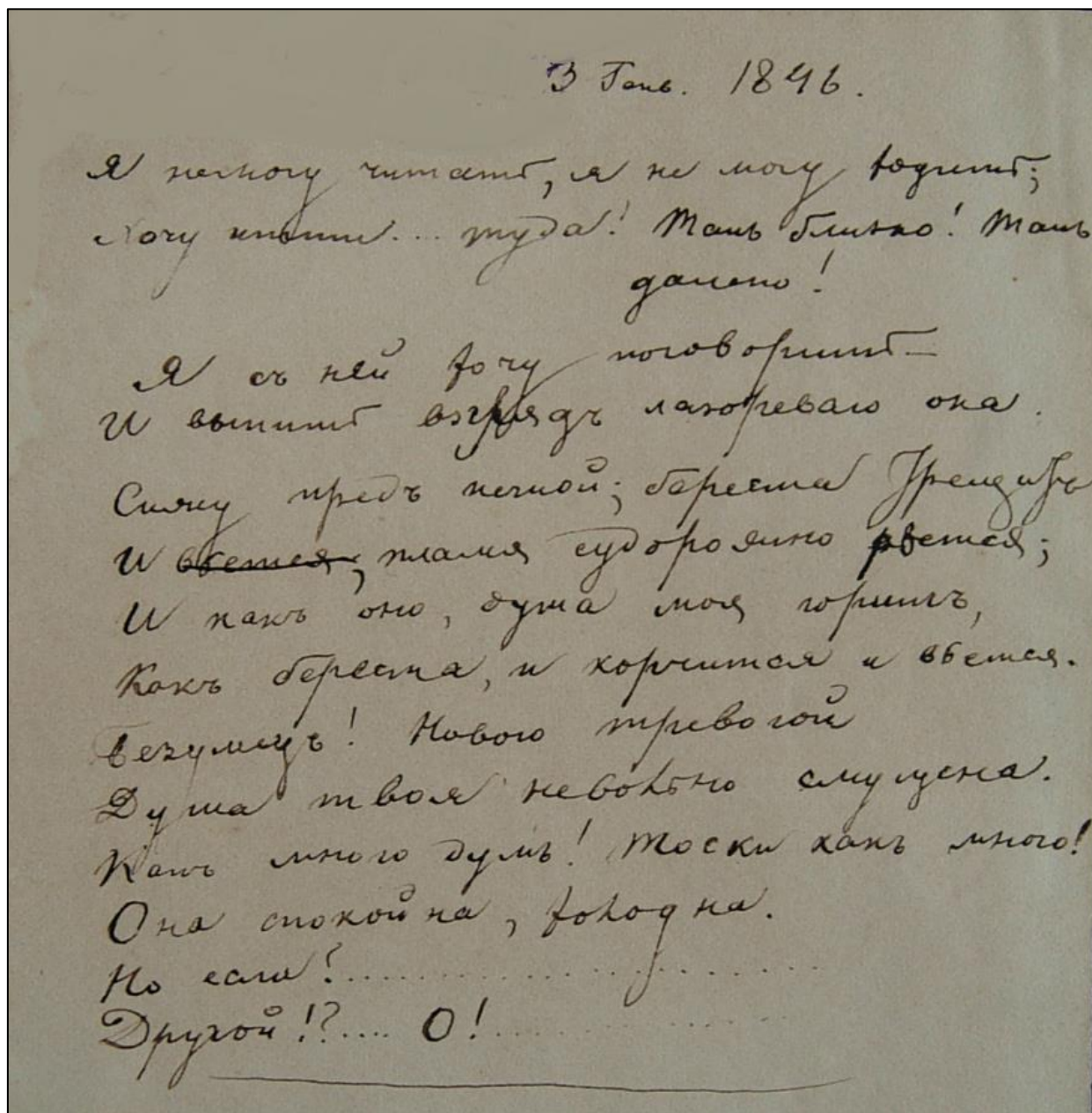

Рис. 3. Стихотворение Н.Н. Стрхова «Я не могу читать...»

Список литературы

1. Белов, С.В. Библиотека Н.Н. Стрхова / С.В. Белов, Е.Б. Белодубровский // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология : ежегод. 1976 / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. — Москва, 1977. — С. 134-140.
2. Горфункель, А.Х. Неотчуждаемая ценность : рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки / А.Х. Горфункель, Н.И. Николаев ; Ленингр. гос. ун-т, Науч. б-ка им. М. Горького. — Ленинград : ЛГУ, 1984. — 176 с.

3. Николаев, Н.И. Библиотека Н.Н. Страхова в свидетельствах современников / Н.И. Николаев // Шестые Страховские чтения: филос. проблемы понимания в культуре и науке : материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25-26 нояб. 2010 г. / БелГУ ; отв. ред. Е.А. Антонов. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 412 с.

4. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов: критико-биограф. очерк / Б.В. Никольский // Никольский Б.В. Сокрушить крामолу : сб. / сост. Д.И. Стогов ; отв. ред. О.А. Платонов. – Москва, 2009. – С. 245-313.

References

1. Belov, S.V. Biblioteka N.N. Strahova / S.V. Belov, E.B. Belodubrovskij // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya : ezhegod. 1976 / AN SSSR, Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury. – Moskva, 1977. – S. 134-140.

2. Gorfunkel', A.H. Neotchuzhdaemaya cennost' : rasskazy o knizhnyh redkostyah universitetskoj biblioteki / A.H. Gorfunkel', N.I. Nikolaev ; Leningr. gos. un-t, Nauch. b-ka im. M. Gor'kogo. – Leningrad : LGU, 1984. – 176 s.

3. Nikolaev, N.I. Biblioteka N.N. Strahova v svidetel'stvah sovremennikov / N.I. Nikolaev // SHestyeh Strahovskie chteniya: filos. problemy ponimaniya v kul'ture i nauke : materialy mezhdunar. nauch. konf., Belgorod, 25-26 noyab. 2010 g. / BelGU ; отв. ред. Е.А. Антонов. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 412 с.

4. Nikol'skij, B.V. Nikolaj Nikolaevich Strahov: kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skij // Nikol'skij B.V. Sokrushit' kramolu : sb. / sost. D.I. Stogov ; отв. ред. О.А. Платонов. – Москва, 2009. – С. 245-313.

УДК 069.1

Сафонова Т.Е., Цыгулева О.М.
Белгородский государственный историко-краеведческий музей, г. Белгород, Россия

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ФОНДЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ЗЕМЛЯКОВ – ОСНОВА МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена опыту сохранения и популяризации культурно-исторического наследия выдающихся земляков в Белгородском государственном историко-краеведческом музее.

Ключевые слова: краеведческий музей, научно-просветительная работа, научно-фондовая деятельность, выдающиеся земляки.

Safonova T.E., Tsyguleva O.M.
*Belgorod State Museum of History and Local Lore,
Belgorod, Russia*

PERSONAL COLLECTIONS OF OUTSTANDING – COUNTRYMEN ARE THE BASIS OF MUSEUM ACTIVITIES

Abstract. The article is devoted to the experience of preservation and popularization of cultural and historical heritage of outstanding countrymen in the Belgorod State Museum of History and Local Lore.

Key words: museum of local lore, scientific and educational work, scientific and collection activity, outstanding countrymen.

Основным из ведущих направлений музейной деятельности является научно-фондовая работа, направленная на создание фондовой базы и накопление информации, впоследствии транслирующей посетителю через выставки, музейные мероприятия, музейные издания и т.п. Особое место среди фондовых коллекций Белгородского историко-краеведческого музея занимают персональные фонды выдающихся уроженцев края. В их состав включены биографические, рабочие, творческие, эпистолярные материалы, фотографии, мемориальные предметы, принадлежащие известным белгородцам, которые широко используются в исследовательской, просветительской и в экспозиционной деятельности музея.

Начиная с 2011 года, в Белгородском государственном историко-краеведческом музее реализуется выставочный проект «Героя звание священо!», рассказывающий о белгородцах - Героях Советского Союза, Полных кавалерах ордена Славы, Героях Социалистического Труда, Героях России, для которых текущий год является юбилейным. Традиционно открытие выставок приурочивается ко Дню героев Отечества.

Создание выставок, посвящённых памятным датам военной истории, немыслимо без использования персональных фондов участников военных действий. Так, материалы о Героях Советского Союза П.П. Десницком, сражавшемся в небе над Испанией, И.С. Лазаренко, старшем военном советнике 5-го корпуса республиканской армии, С.М. Кривошеине, командире танкового отряда, участнике обороны Мадрида, М.С. Шумилове, советнике командующего группой армий Центрально-Южной зоны, легли в основу выставки «Нет, не забыть тебя, Мадрид...» к 80-летию начала гражданской войны в Испании; о фронтовиках-белгородцах, принимавших участие в боях за Сталинград, - в основу выставки «Но выстоял великий наш солдат, но выстоял бессмертный Сталинград» к 75-летию Сталинградской битвы.

К 75-летию Курской битвы была приурочена выставка «Победы грозное начало» о полководцах, планировавших и осуществлявших руководство войсками на Курской дуге, а также о героях Курской битвы, чьи имена увековечены в названиях улиц города Белгорода, и чьи личные вещи, оружие, документы хранятся в фондах музея. Этой же памятной дате был посвящён и совместный проект с Государственным военно-историческим музеем-заповедником «Прохоровское поле» «Достойные славы», рассказывающий о вкладе партизанских отрядов Белгородского края в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях, где посетителям были представлены материалы из мемориальных фондов белгородских партизан и подпольщиков.

Персональные фонды известных уроженцев Белгородчины, чьи имена навсегда связаны с кинематографом, легли в основу выставки

«Многогранный мир кинематографа», посвящённой Году кино в России. В их числе оператор и режиссер, чьё творчество пришлось на I половину XX века, Н.Д. Анощенко, актёр и режиссер В.П. Басов, актёр и театральный режиссер Н.А. Сличенко, писатели Д.И. Крутиков и Ф.И. Наседкин, по произведениям которых были сняты отечественные фильмы "Две встречи" (1932), "Великие голодранцы" (1973) и "Красный чернозём" (1977).

Творческие и мемориальные материалы выдающихся деятелей культуры и искусства Белгородской области были представлены на выставке «Разноцветье талантов». Это самобытный художник Л.Н. Барбарин, мастер станковой живописи М.Е. Парахненко, выдающийся художник-график, чьё творчество широко известно не только в России, но и за рубежом С.С. Косенков, скульптор-монументалист А.А. Шишков.

Большой интерес жителей Белгородской области в 2017 году вызвал передвижной выставочный проект Белгородского государственного историко-краеведческого музея «Талант сквозь время и пространство», в 2016 году ставший победителем конкурса «Народная экспертиза» в номинации «Лучшая проектная идея - 2016» в рубрике «Культура». Целью проекта было знакомство посетителей с выдающимися деятелями искусства и культуры, многообразием их творчества. Проект был реализован в течение 2017 года в 18 муниципальных музеях Белгородской области.

Популяризация персональных фондов выдающихся уроженцев края осуществляется и через средства массовой информации. Научные сотрудники музея готовят статьи, которые публикуются как в периодической печати, так и в научных сборниках. На основе личных документов были написаны и опубликованы в газете «Наш Белгород» статьи «Мы отдали всё, на что были способны» к Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей, «От магистра ботаники до академика» к 145-летию Н.В. Любименко – ботаника, члена-корреспондента Академии наук, «Горячее сердце солдата» к 125-летию генерала армии И.Р. Апанасенко, «Маршал Великой Отечественной» к 115-летию маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова, «Без права на славу во славу Державы» к 100-летию Героя России, сотрудника службы внешней разведки, полковника В.Б. Барковского.

О персональном фонде Героя Социалистического Труда И.Р. Руденко, насчитывающем более 100 музейных предметов, рассказывается в статье «Сквозь призму музейных предметов», признанной лучшей на VI Ребиндеровские чтения, в которых принимают участие сотрудники культурных и образовательных учреждений области.

История родного края, показанная через судьбы земляков, всегда более интересна для посетителей музея, особенно юных, нежели сухое изложение фактов краеведческой хроники, что неизменно используется музейными сотрудниками в научно-просветительной деятельности.

В Белгородском государственном историко-краеведческом музее реализуется музейно-образовательная программа «Люби и знай свой край», которая включает целостную систему работы с дошкольными, школьными учреждениями и студентами. Цель музейно-образовательной программы - не

подменяя функции школы, дать детям дополнительные знания по истории, культуре и природе родного края музейными средствами, опираясь, прежде всего, на музейный предмет, используя региональный компонент.

Важную роль в программе играют музейные уроки, посвящённые выдающимся землякам. В их числе музейный урок «Ставшие легендой поколений» о жизни и творчестве слепого поэта, сказочника, неутомимого подвижника В.Я. Ерошенко и выдающегося ученого и инженера В.Г. Шухова; музейный урок «В моих руках протекшего страницы», посвящённый жизни и творчеству поэта, декабриста, участника Отечественной войны 1812 года В.Ф. Раевского.

Важным элементом этих музейных уроков является демонстрация музейных предметов из персональных фондов, которая способствует погружению учащихся в соответствующую историческую эпоху.

Традиционной формой работы в музее стали тематические занятия с использованием путеводителей с творческими заданиями по различным разделам экспозиции. Среди разработанных путеводителей неизменным интересом у школьников и учителей пользуются путеводители «Наши замечательные земляки. Конец XVIII начало XIX вв.», «России славные сыны», «Мой край родной – страницы родины большой».

Приведённые выше примеры описывают только часть регулярной музейной работы с персональными фондами выдающихся белгородцев и могут свидетельствовать о том, что многообразие и полнота персональных фондов не только показатель успешности научно-фондовой деятельности сотрудников музея, но и основа деятельности научно-просветительной и выставочной.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Володченко Наталья Валентиновна – заведующая библиотекой Белгородского института развития образования, г. Белгород, Россия

Данилова Алина Вячеславовна – директор библиотеки Курского государственного медицинского университета, г. Курск, Россия

Даренский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Т. Шевченко, г. Луганск, Луганская Народная Республика

Денисова Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, директор музея истории НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Денисова Ирина Михайловна – руководитель Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской Гимназии, г. Санкт-Петербург, Россия

Догадина Татьяна Михайловна – главный библиотекарь отдела хранения основного фонда ГБУК «Белгородская государственная универсальная научная библиотека», г. Белгород, Россия

Заец Игорь Николаевич – аспирант кафедры философии Луганского национального аграрного университета, г. Луганск, Луганская Народная Республика

Зайцева Елена Борисовна – библиограф Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью), г. Белгород, Россия

Касищева Наталья Алексеевна – заведующая отделом обслуживания научно-технической библиотеки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Коровина Ольга Вячеславовна – научный сотрудник МБУК ЦБС «Пушкинская библиотека-музей», г. Белгород, Россия

Леденева Жанна Анатольевна – главный библиограф отдела редких книг Зональной Научной библиотеки Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна – младший научный сотрудник музея истории НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Масалов Алексей Геннадиевич – кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг (библиотекой-музеем Н.Н. Страхова) Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Маслобоева Ольга Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Мирошниченко Елизавета Андреевна – аспирант кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Могилевич Ирина Михайловна – кандидат химических наук, старший научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Россия

Монастырева Валентина Анатольевна – директор Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Белгород, Россия

Назаренко Александра Александровна – аспирант кафедры философии Луганского национального аграрного университета, г. Луганск, Луганская Народная Республика

Новак Никита Игоревич – аспирант кафедры философии Луганского национального аграрного университета, г. Луганск, Луганская Народная Республика

Осадчая Мирослава Николаевна – ведущий библиограф Старооскольского филиала НИУ «БелГУ», г. Старый Оскол, Россия

Подкопаева Ирина Владимировна – ведущий библиограф отдела редких книг Зональной Научной библиотеки Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Салманова Ирина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Сафонова Татьяна Егоровна – заведующая научно-просветительным отделом ГБУК «Белгородский государственный историко-краеведческий музей», г. Белгород, Россия

Сорокина Дарья Дмитриевна – кандидат филологических наук, историк литературы, переводчик, г. Москва, Россия

Старостина Валентина Сергеевна – аспирант кафедры философии Луганского национального аграрного университета, г. Луганск, Луганская Народная Республика

Старыгина Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного технологического университета, г. Йошкар-Ола, Россия

Стецюк Людмила Викторовна – заведующая библиотекой Старооскольского филиала НИУ «БелГУ», г. Старый Оскол, Россия

Страхова Ирина Ивановна – заведующая библиотекой Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью), г. Белгород, Россия

Титова Нелли Александровна – заведующая Тавровской поселенческой библиотекой имени Ю.Н. Говоруха-Отрока, с. Таврово, Белгородская область, Россия

Тоичкина Александра Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Цыгулева Оксана Михайловна – заведующая научно-методическим отделом ГБУК «Белгородский государственный историко-краеведческий музей», г. Белгород, Россия

Черная Наталья Юрьевна – главный библиограф отдела электронных и справочно-библиографических ресурсов Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова, г. Белгород, Россия

Шило Елена Ивановна – кандидат биологических наук, преподаватель Лингвистического центра, факультета по заочному образованию и международной работе Белгородского государственного аграрного университета имени В.Я. Горина, г. Белгород, Россия

Научное издание

**VIII СТРАХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРАХОВ И ЕГО СОБЕСЕДНИКИ
В МИРЕ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК
(к 190-летию со дня рождения Н.Н. Стрхова)**

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

Белгород, 21–23 ноября 2018 г.

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: А.Н. Оберемок
Обложка: Н.М. Сысоева
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать 16.11.2018. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 13,8. Тираж 100 экз. Заказ 324
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48